

СУВОРОВ

история и современность

Материалы научной конференции
в Государственном Мемориальном музее А.В.Суворова
2000

СУВОРОВ

история и современность

**Материалы научной конференции
в Государственном мемориальном
музее А.В.Суворова**

Санкт-Петербург, 2000

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать организаторов, гостей и участников конференции, посвященной 200-летию со дня кончины великого русского полководца Александра Васильевича Суворова и 270-летию со дня его рождения. Широкий круг исследователей и заинтересованные лица собрались вместе, чтобы достойно отметить эти памятные дни.

Жизнь и дела Александра Васильевича Суворова близки и дороги сердцу каждого

гражданина России. Его подвиги учат нас любить свою землю, беречь, ценить и приумножать славу Отечества. Прославленный на века полководец остается для всех поколений подлинным образцом мужества, героического служения отчизне, стремления к нравственному совершенству.

Пусть итоги Вашей трехдневной работы послужат благу России и мирового сообщества.

С пожеланиями успехов.

Председатель Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации
Г.Н.Селезнев

Уважаемые друзья!

От имени Правительства Санкт-Петербурга приветствую проведение в нашем городе столь авторитетной международной научной конференции.

Она посвящена великому сыну России, чья жизнь и дела принесли ей славу и могущество. То, что удалось свершить Александру Васильевичу Суворову на поприще ратного дела, навсегда вошло в память народную, стало образцом, достойным подражания. Его пример воспитывал и воспитывает не одно поколение истинных патриотов своего Отечества. Сегодня, когда мы вновь с гордостью и достоинством произносим:

“Наша Родина — Россия!”, необходимо помнить и хранить память о Суворове, изучать его жизнь и дела, чтобы они и дальше служили новым поколениям россиян наглядным образцом того, как не на словах, а на деле куется та самая знаменитая “наука побеждать”. Здесь не может быть мелочей, и поэтому долг ученых, историков, специалистов - музейщиков сохранить эту память для людей. Уверен, что нынешняя конференция станет новым этапом в этом важном деле.

Желаю всем участникам, организаторам и гостям конференции успешной работы, удачи и хорошего настроения.

Губернатор
Санкт-Петербурга
В.А.Яковлев

А.И.Кузьмин,
директор ГММ А.В.Суворова,
заслуженный работник культуры РФ,
действительный член Международной Академии наук
о природе и обществе.

В начале февраля 1799 года этот **Человек России** начал путь к своему бессмертию.

Без сомнения, все то, что было сделано им до этого, уже вписало его имя в историю Российского государства, но одно дело быть даже первым среди равных и другое - быть на голову выше всех. Встать в один ряд с теми, кто давал и дает свои имена **Законам**, быть первооткрывателем, создателем науки, взойти на самую вершину пика, имя которому **Слава**.

Опальный, но несломленный, отважный как лев и гениальный как бог, несмотря на все прошлые обиды и презрение к будущим проискам завистников, Суворов вновь возвеличил Россию и дал великий пример служения Отечеству.

На фоне 200-летия А.С.Пушкина такой же юбилей Итало-Швейцарского похода носил характер заурядного события, ибо ныне Российская Федерация к своей былой славе не всегда относится бережливо. Фактически внутренним делом Швейцарской Конфедерации и ряда общественных организаций и фондов из России и других стран стали проведенные в этом государстве торжества. Некоторый интерес к теме был проявлен со стороны администраций Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Белоруссии и, отчасти, Москвы. Но это позволило провести ряд конференций и чтений, в селе Кончанском Новгородской области, например, откуда А.В.Суворов начал путь к покорению полководческой вершины, в городе Петра, а так же принять участие в швейцарских мероприятиях, во встрече суворовских музеев в Белорусском городе Кобрин, бывшем имении Александра Васильевича.

С благодарностью вспоминаются имена меценатов, помогших провести юбилейные мероприятия. Это и вездесущий Э.А.Фальц-Фейн, Ферди Мухейм из швейцарского

Андерматта, а так же Б.А.Йордан. На его деньги удалось к суворовским датам завершить реставрационные работы в Благовещенской церкви, что позволило открыть доступ к могиле полководца, которую участники научной конференции «Суворов: история и современность», прошедшей в Санкт-Петербурге с 15 по 19 мая 2000 года посетили 18 мая, в 200-ю годовщину со дня кончины А.В.Суворова.

Что касается этого сборника, в котором собраны материалы данной конференции, то уже сам перечень ее участников свидетельствует о том, что интерес к Суворову не иссяк ни у корифеев сувороведения, ни у научной молодежи. Если обратиться к географии, то можно было бы сказать, что традиционно интерес к событию проявили Россия, Белоруссия и Украина, если бы не приезд к нам делегации непризнанной, но существующей Приднестровской республики и, в связи с этим, следует отметить, что в этом крае, как и в Швейцарии, Суворов является национальным героем.

Сейчас, когда сборник лишь готовится к печати, трудно дать ему и тому событию, которое лежит в его основе, оценку. С точки зрения устроителей не все было гладко, но много было интересного и полезного для участников конференции и, хочется надеяться, что к этому мнению присоединятся и читатели.

Государственный мемориальный музей А.В.Суворова искренне благодарит за помощь в организации и проведении важного научного события Губернатора Санкт-Петербурга В.А.Яковлева, первого заместителя председателя городского Комитета по культуре Н.С.Батенина, директора Музея городской скульптуры В.Н.Тимофеева.

Некоторые актуальные направления изучения суворовского наследия.

Последние два года уходящего столетия и тысячелетия необычайно насыщены суворовскими юбилеями. 1999 г.: 200 лет Итальянского и Швейцарского походов, 200-летие присвоения А.В.Суворову звания генералиссимуса, 270 лет со дня его рождения (по 1729 г.). 2000 г.: 200-летие кончины гениального полководца и 270-ая годовщина рождения национального героя России (по 1730 г.). Эти даты отмечают не только на Родине ее великого сына, но и в ближнем и дальнем зарубежье. Государственная Дума приняла Постановление “О мероприятиях, посвященных 270-летию со дня рождения и 200-летию со дня кончины А.В.Суворова” (7 апреля 2000 г. №255-III ГД)¹ с предложениями Президенту, Правительству, Министерству иностранных дел Российской Федерации, правительствам Москвы и Санкт-Петербурга, Центральному банку РФ по поводу проведения этих памятных дат. И наш город, с которым связано столько событий в жизни великого полководца, где он скончался и погребен под плитой со всего лишь одной лаконичной, но понятной всем фразой “Здесь лежит Суворов”, не остался в стороне от указанных памятных мероприятий, чему подтверждение нынешняя Международная конференция в стенах его мемориального музея.

Можно с уверенностью сказать, что никто из ее участников никогда не будет свидетелем такого количества “круглых” суворовских юбилеев на протяжении небольшого промежутка времени. Правда, более молодые из нас смогут отпраздновать 300-летие со дня рождения А.В.Суворова (2029-30 гг.), но это слишком далекая перспектива. Однако и в обозримом будущем грянут памятные суворовские даты: 275-летие со дня рождения полководца (2004-2005 гг.) и, наконец, 100 лет с основания музея, посвященного ему и выполнявшего на протяжении всего этого периода роль центра по изучению и пропаганде наследия генералиссимуса не только в нашей стране, но и за ее пределами.

Интерес к этому наследию присутствовал всегда, независимо от юбилеев и круглых дат. Однако последние еще больше стимулируют его, позволяя подвести промежуточные итоги изучения традиций А.В.Суворова, помогают сосредоточить внимание на исследовании некоторых недостаточно решенных, но весьма актуальных направлениях и проблемах суворовского наследия.

Начнем обзор с того, что ближе автору по специальности и как потомку генералиссимуса: с его педагогической деятельности и генеалогии.

Из всех величайших полководцев Земли лишь Александр Македонский и Александр Суворов не проиграли ни одного сражения, но первый в силу удаленности во времени представляется нам сейчас полумифическим героем, да и военная карьера его была несравненно короче, чем у нашего военачальника. Так что мы смело можем считать А.В.Суворова единственным в мире непобедимым полководцем нового времени. Но для того, чтобы побеждать всегда, нужно было соответственно готовить, учить подчиненных ему солдат, офицеров и генералов. И Суворов являлся не только гениальным полководцем, но и великим педагогом. При этом подчас трудно определить, что было изначально ведущим, первичным в этом тандеме: военачальник или учитель. Известно, чтобы научить чему-то, не обязательно быть гением. Это может сделать даже посредственный педагог. Но научить побеждать всегда на протяжении десятилетий, отдавать все и даже свою жизнь для этого, хотя Суворов и не разбрасывался жизнями и здоровьем своих подчиненных, мог только великий педагог, обеспечивающий успехи гениального полководца. С другой стороны, только гениальный полководец способен был учить так, как это делал А.В.Суворов.

Наследие генералиссимуса как военного педагога изучалось более 200 лет. О “Суздальском учреждении” и “Науке побеждать” написаны книги, на темы этих его произведений защищены диссертации. Нам трудно судить о степени полноты этого направления исследований. Хотелось, чтобы больше внимания было уделено именно легендарности личности Суворова-педагога. Ведь часто одного его слова, жеста и даже просто присутствия было достаточно, чтобы воины готовы были идти на все ради победы.

Однако военная педагогика, при всей ее важности, является специальным разделом педагогики общей. Издесь интересно посмотреть на Суворова как на “гражданского” учителя, как на учителя вообще. Такой более широкий подход к его педагогическому творчеству представляется нам достаточно новым, плодотворным и актуальным. Во второй половине XVIII в. в Европе проблемами воспитания и образования занимались выдающиеся мыслители и педагоги: Руссо, Гельвеций, Дидро, Песталоцци, а у нас, в России, - Ломоносов, Бецкой, Новиков и Радищев. Как выглядел Суворов-педагог на этом фоне? Что взял он у своих современников и предшественников в данной сфере? Что отвергал? Вот те вопросы, на которые предстоит ответить ис-

следователям суворовского педагогического наследия в широком плане, в целом.

Но самое главное состоит в том, что А.В.Суворов не был ни военным педагогом, ни педагогом вообще, если употреблять этот термин в точном и строго научном его значении. Слово “педагог” в переводе с греческого звучит как “детовожженческое мастерство”. Совершенно очевидно, что оно не может иметь никакого отношения ни к военным, ни ко взрослым (солдатам, офицерам, генералам), которых всю свою сознательную жизнь обучал и воспитывал Суворов, за исключением отдельных эпизодов элементарного учения солдатских и крестьянских детей в Новой Ладоге и Кончанском. Таким образом, А.В.Суворов – образователь и воспитатель взрослых, андрагог, хотя этот признанный современной наукой термин и появился 23 года спустя после кончины полководца. Если же идти в данных рассуждениях еще дальше, то мы обнаруживаем, что у всех зарубежных и отечественных мыслителей и педагогов, названных выше, к образованию взрослых можно отнести лишь отдаленные общие положения их педагогических теорий, взглядов, так как специально они этой проблемой не занимались. Суворов же не только разработал свою оригинальную и одновременно универсальную систему обучения и воспитания взрослых, опираясь лишь на некоторые предшествующие предпосылки в военной сфере, но и блестяще внедрил ее в повседневную практику, в жизнь. А упомянутые выше его книги не потеряли своей актуальности и сейчас.

Из всего изложенного ясно, что А.В.Суворов был и остается по существу одним из первых, если не первым, андрагогом и не только в России, при этом андрагогом великим и легендарным, ибо то, чему он учил – готовности все отдать, включая жизнь, за победу, посложнее обучения только письму и счету.

Родословная полководца, судьба его потомков всегда вызывали живой интерес у людей. Мы располагаем сведениями в основном лишь о служебной карьере отца генералиссимуса Василия Ивановича (1708-1775). Почти ничего неизвестно о матери великого полководца Евдокии Феодосеевне Мануковой. Нет даже точных дат ее жизни. Заслуживают внимания предки А.В.Суворова по отцовской и материнской линиям. О некоторых из них существуют лишь скудные, отрывочные сведения. О других нет ничего, особенно это относится к женской линии предков полководца. Не следует смущаться и “шведской версии”, происхождения рода Суворова, изложенной самим Александром Васильевичем.

Разговор о его потомках начнем с мужской линии как более известной автору этих строк, изначально принадлежащему к ней.

Мало известно о сыне Суворова Аркадии Александровиче (1784-1811 гг.), генерал-адъютанте в 15 лет, впоследствии генерал-лейтенанте и командире дивизии в армии Кутузова. В юности он путешествовал отцу в Аляхы и заслужил одобрение последнего. Скудость сведений об Аркадии, видимо, отчасти объясняется краткостью его жизни: погиб, не достигнув 27 лет. Похоронен он в главном храме Ново-Иерусалимского монастыря (под Москвой) вместе с матерью Варварой Ивановной Прозоровской (1750-1806 гг.), предки которой тоже заслуживают изучения. Могилы находились в плохом состоянии. О детях Аркадия Марии (1802-1870 гг.), Константине (1809-1877 гг.) и Варваре (??-1885 г.), почти ничего неизвестно.

Самым же знаменитым, пожалуй, среди всех потомков Александра Васильевича является его внук и старший сын Аркадия – Александр Аркадьевич (1804-1882 гг.), военный губернатор Риги, генерал-губернатор Прибалтики, Санкт-Петербурга и т.д. О нем много писали в газетах и журналах, в научно-популярной и художественной литературе (Достоевский, О.Ферн, поэты Тютчев, Апухтин и др.). Однако и эта известная в целом личность ждет серьезного исследователя. И здесь могут открыться многие интересные и знаменательные факты. Так, петербургский историк-энтузиаст В.М.Зверев, проделав огромную и кропотливую работу, установил точное место захоронения декабристов (в этом, 2000 г., исполняется 175 лет со дня восстания). Но одним из предшественников его в этих изысканиях был генерал-губернатор князь Александр Аркадьевич Суворов, привлекавший в юности по делу первых революционеров и приказавший в 1862 г. провозвестить раскоп безымянной могилы на о. Голодай². Да и много других любопытных поступков было в жизни этого необычного, нетрадиционного человека.

Его сын Аркадий (1834-1893) был последним из потомков Суворова, кто носил эту фамилию. На нем окончилась мужская линия рода. Сведения об Аркадии незначительны, но, несомненно, что он был незаурядным человеком.

Заслуживает внимания большая общественная и благотворительная деятельность любимой дочери внука полководца Александра Аркадьевича – Александры Александровны (1844-1928 гг.), урожденной Суворовой, крестнице императора Александра II. Все материальное дело вызывает ее муж генерал Сергей Владимирович Козлов (1858-1906 гг.), историк великого полководца, собиратель (вместе с женой – правнучкой генералиссимуса) его реликвий в Италии, Швейцарии и др. странах. Трагическая и неясная гибель генерала от руки террориста оборвала его жизнь и плодотворную деятельность.

Другая дочь Александра Аркадьевича – Любовь (1831-1883 гг.) вышла замуж за Владимира Владимировича Молоствоволова. Их сын Владимир – активный даритель музею Суворова, последний владетель села Кончанского. И эта ветвь, ушедшая в семью Молоствоволовых, заслуживает внимания.

Из современных потомков полководца нужно отметить Николая Федоровича Литке (1909-1962 гг.), прапраправнука генералиссимуса и одновременно правнука знаменитого адмирала, исследователя Арктики и кругосветного мореплавателя Ф.П.Литке. Николай Федорович, таким образом, объединяет родословные линии двух великих людей. Он был военным моряком; также, как и его прадед, исследовал Арктику; участвовал в Великой Отечественной войне в составе Дунайской флотилии (в тех же местах, где воевал Суворов); составил родословную Литке и Суворова; был кандидатом географических наук, долго преподавал в ВУЗах. Автору доклада он приходится отцом.

Однако интерес представляет не только перечень потомков полководца в хронологическом порядке, но и группировка их в зависимости от продолжения суворовских традиций, выполнения завета генералиссимуса: “потомство мое, прошу брать мой пример”³. Так семь из названных мною мужчин были военными. Кроме того, мы с отцом как бы продолжали андрагогическую линию деятельности Суворова, обучая взрослых, отец – военных: курсантов, слушателей и др.

Представляется, что женская линия потомков великого полководца (от Наташи – “Суворочки”) изучена менее, чем мужская. Это может быть связано с ее большей многочисленностью и разветвленностью; с тем, что здесь суворовская фамилия была утрачена почти на сто лет раньше. Однако и здесь мы встречаем многих известных людей, представителей знаменитых дворянских фамилий: Зубовы, Нарышкины, Всеволожские, Масальские, Оболенские, Столыпины и др. Несомненно, что эта линия потомков заслуживает серьезного изучения.

И, конечно, А.В.Суворов был в первую очередь гениальным полководцем, хотя в начале этого доклада и говорилось о том, что неизвестно, кем изначально он был – военачальником или педагогом, что первично в его деятельности. Все определяет окончательный результат. И в конечном итоге великий учитель – андрагог реализовался в 65 победах гениального полководца. Включение же этого важнейшего направления суворовского наследия в доклад третьим пунктом объясняется тем, что автор его не является профессиональным военным, хотя и служил в гвардейской дивизии, награжденной орденом Суворова I степени, и поэтому не считает себя вправе подробно разбирать полководческие заслуги генера-

лиссимуса. Тем более, что они изучаются специально на всех уровнях военного образования: от кадетских корпусов, суворовских училищ и до Академии Генерального штаба. Очевидно, что новаторство Суворова – тактика подчас не укладывается в сознание современников. Французские генералы, служившие советниками у польских конфедератов в конце 1760 – начале 1770 гг., еще при начале полководческой карьеры А.В.Суворова, писали, что он вовсе не одерживал никаких побед, а внезапно появлялся с тылу или флангов, там, где его не ждали построенные в каре и готовые к отражению русских войска. В результате паника, бегство. Какая же это победа? Великий полководец отвечал на подобные рассуждения со свойственным ему остротой и сарказмом: “Помилуй Бог, зачем победа, лишь бы разбегались”⁴. Генералиссимуса чаще принято считать тактиком, однако его стратегическое дарование было, видимо, не меньшим. Достаточно вспомнить его знаменитый план войны в Европе против французского Директории с окончанием в Париже, широкие замыслы боевых действий по освобождению Италии. Просто Суворов никогда не был первым лицом, определявшим ход кампании, находясь в подчинении у генералов, уступавших ему в даровании. Даже такие прославленные фельдмаршалы, как Румянцев и Потемкин, далеко не всегда понимали его и часто чинили ему препятствия. Что же говорить о непоследовательности Павла I, перешедшего австрийского императора Франца I, откровенно враждебных распоряжениях венского Гофкригсрата. В этих условиях стратегический талант полководца не мог раскрыться полностью.

На рубеже XXI века и третьего тысячелетия человечество, к сожалению, так и не научилось обходиться без войн. Представляется, что и в наше время особенно актуальна, если так можно выразиться, суворовская технология боя, всех его этапов: от сбора агентурных данных о неприятеле, рекогносцировке до решительного удара и преследования противника. Правила ведения войны Суворова в своих основных частях достаточно современны и эффективны.

Сам Александр Васильевич часто говаривал, что, если бы он не был полководцем, то стал бы литератором. Блестящее владение им русским разговорным и литературным языком, знание многих иностранных языков существенно дополняют тандем гениального полководца и великого педагога (андрагога), превращая его в триаду. Трудно представить Суворова-военачальника без его: “Слава Богу, слава вам! Туртукай взят, и я там”⁵ или “Я на камушке сижу, на Очаков я гляжу”⁶; а Суворова-андрагога без: “Солдат ученые любят, было бы с толком”⁷. Подчас приходит мысль, что слова А.С.Пушкина о стихах комедии Грибоедова “Горе от ума”: “полови-

на войдет в поговорки", - в большей степени можно отнести к поговоркам, афоризмам и т.д. великого полководца, тем более, что предтечей этого знаменитого произведения послужил "Мизантроп" французского Мольера. Деловые бумаги, личные и служебные письма, проза и стихи, анекдоты Александра Васильевича издавались и переиздавались. Очевидно, нужен глубокий языковедческий и литературоведческий анализ этой великой части его наследия.

Предметом специальных научных исследований могут быть и, как мы сейчас это называем, междупародные связи полководца и интернациональное значение его деятельности: дружба и сотрудничество с принцами Кобургским, де-Линем, переписка с ними, а также с императором Францем, английским адмиралом Нельсоном, со злонамеренным Гофкригсратом и т.д. 200-летие Итальянского и Швейцарского походов, его празднование за рубежом подчеркнули международное признание А.В.Суворова. Особенно это относится ко Швейцарии, где музеев, посвященных ему, всегда было не меньше, чем в бывшем СССР, а торжества прошли широко и с привлечением больших средств. Это не может не навести на некоторые размышления.

В плане популярном и научно-прикладном неплохо было бы выпустить сводный путеводитель или альбом ко всем суворовским местам СНГ, что явилось бы, хотя и небольшим, но значимым юбилейным вкладом в укрепление этого Содружества, штаб-квартира которого находится совсем недалеко от Санкт-Петербургского мемориального музея А.В.Суворова.

На территории СНГ пять музеев великого полководца (Санкт-Петербург, с. Кончанское, г. Кобрин, г. Измаил, с. Тимановка), три суворовских отдела (города Очаков, Тирасполь, Тульчин), есть экспозиции в краеведческих музеях Ставрополя, Симферополя и др. большинство из них пережили трудные времена, активно работают. Почти все музеи выпустили хорошие каталоги или альбомы. А что, если все это объединить в общий сборник с хорошим научным комментарием и аппаратом, имея в виду те же цели, что и в предыдущем пункте?

В заключении хочется привести раппортовку названных актуальных направлений изучения суворовского наследия, выстроенную не по степени осведомленности автора доклада, а по их объективной значимости:

1. А.В.Суворов – гениальный полководец.
2. Суворов – великий андрагог.
3. Эпистолярное и литературное наследие полководца.
4. Международные связи воспитателя и интернациональное значение его деятельности.
5. Род и потомки генералиссимуса.
6. Суворовские места России и СНГ.

7. Музеи Суворова в РФ и СНГ.

И это далеко не полный перечень.

Обращает внимание преобладание во всех направлениях популярной и научно-популярной литературы. Исследования же проводятся на трех уровнях: информативном, научно-практическом и теоретическом. И опять преобладают первые два.

Лишь объединение всех трех указанных уровней при сохранении ведущих методологических позиций последнего позволит нам совместить научную объективность и необходимую легендарность в освещении суворовского наследия.

1 Сыны Отечества. 2000. №5 (32). С.2.

2 Красная Панорама. Л., 1928. №29. С.6.

3 Измаил. Киев: "Мистецтво", 1976. С.15.

4 Полевой Н.А. История князя Итальянского, графа Суворова-Рымницкого, генералиссимуса российских войск. СПб., 1858. С.42.

5 Там же. С.129.

6 Там же. С.59.

7 Там же. С.325.

Краткая библиография:

1. Суворов А.В. Наука побеждать. М.: Воспиздат, 1987. С.37.
2. Суворов А.В. Полковое учреждение. М.: Воениздат, 1949. С.152.
3. Богданов А.Б. Суворов в 1799-1800 гг. СПб., 2000. С.270.
4. Измаил. Киев: "Мистецтво", 1976. С.45.
5. Красная Панорама. Л., 1928. №29. С.6.
6. Кузьмин А., Роголин Н. Суворовский музей 1904-1999. Краткий путеводитель. СПб., 1999. С.63.
7. Литке Н.Ф. Биографические справки по родословным адмирала Ф.П.Литке и генералиссимуса А.В.Суворова. Л., 1947. С.30. (Рукопись).
8. Меерович Г.И. Музей А.В.Суворова. Л.: Лениздат., 1981.
9. Музей-заповедник А.В.Суворова. Л.: Лениздат., 1982.
10. Нарбут А.Н. Род и потомки генералиссимуса А.В.Суворова. М., 1996. С.76.
11. Плиско Н.М. Кобринский военно-исторический музей им. А.В.Суворова. Путеводитель. Минск: "Полынь", 1990. С.93.
12. Полевой Н.А. История князя Итальянского, графа Суворова-Рымницкого, генералиссимуса российских войск. СПб., 1858. С. 346.
13. Роголин Н.А. "Полковое учреждение" А.В.Суворова как источник по истории боевого обучения и воспитания в русской армии в 60-е годы XVIII века. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. историч. наук. СПб., 2000. С.24.
14. Суворовские чтения. Материалы конференции. СПб., 1999. С.136.
15. Сыны Отечества. 2000. №5 (32). С.2.

Коллекционер суворовских реликвий.

Собирая документальные, изобразительные и вещественные суворовские реликвии отдал многие годы своей подвижнической жизни астроном, видный музыкальный деятель Василий Павлович Энгельгардт (1828-1915). Уроженец Смоленской губернии, выпускник петербургского Училища правоведения, однокурсник В.В.Стасова, дружил с А.Н. Серовым, Л.И.Шестаковой, другими известными музыкальными деятелями. Еще при жизни Михаила Ивановича Глинки, родоначальника русской музыки, он стал собирать его рукописи, переписку. Уникальнейшее свое собрание Василий Павлович в 1860-1870-х гг. безвозмездно передал в отдел рукописей Петербургской публичной библиотеки.

Другой пламенной страстью коллекционера было собирание документов, вещественных материалов, книг, произведений искусства о жизни и деятельности Александра Васильевича Суворова, генералиссимуса, князя Итальянского. Полководец, не проигравший ни одного сражения, в 1799 г. блестяще провел военные походы, разбил французские войска, перешел швейцарские Альпы, вышел из окружения. В.П.Энгельгардт особенно целеустремленно, страстно собирал реликвии, относящиеся к швейцарскому походу 1799 г.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) хранит неизвестные широкому кругу исследователей документы о подвижнической, собирательской деятельности Василия Павловича Энгельгардта, ученого, коллекционера, его значительном вкладе в создании музея А.В.Суворова в Санкт-Петербурге. Фонд В.П.Энгельгардта поступил в Архивохранилище фондов по истории общественного и революционного движения в России в XIX - начале XX вв. 26 марта 1985г. из отдела спецфондов ЦГАОР СССР (ныне ГА РФ). В отделе при передаче в указанное архивохранилище из документальной росписи было сформировано 56 единиц хранения с документами за 1898-1912 гг. К сожалению, в архиве сотрудникам не удалось установить когда и от кого поступили материалы коллекционера. В фонде, которому в 1985г. присвоен номер - 1824, содержатся письма издателей, редакторов журналов «Востовой», «Разведчик», «Военный сборник», владельцев книжных магазинов, чиновников канцелярии Министерства финансов, других российских учреждений со сведениями о собирательской деятельности В.П.Энгельгардта суворовских реликвий, книг о полководце. Несколько дел содержат письма руководителей Суворовского му-

зея при Николаевской академии Генерального штаба (ф. № 1824, оп.1, ед. хр. 1.2. 31,43,55).

Василий Павлович Энгельгардт неизменно откликался на просьбы Суворовской комиссии, приступившей весной 1900 г. к собиранию для будущего музея предметов, связанных с именем великого русского полководца.

«Милостивый государь Василий Павлович!

Высочайшею волею на Николаевскую академию Генерального Штаба возложено устройство Суворовского музея, в котором будет собрано все, свидетельствующее о нашем народном герое, - обр-ащался 17.апреля 1900 г. к коллекционеру начальник академии Николай Сухотин. - ... Получив сведение, что Вы занимаетесь собиранием всякого рода суворовских реликвий и предметов, особенно относящихся до Швейцарского похода 1799 года, комиссия поручила мне просить Вас не отказать в сообщении сведений об имеющейся у Вас коллекции и в случае, если бы Вы нашли возможным, - поделиться некоторыми предметами ее» (ед. хр. 43, л.1). 20 июля того же года председатель Суворовской комиссии Н.Сухотин писал В.П.Энгельгардту: «Комиссия весьма тронута Вашим вниманием и поручила мне просить Вас принять глубокую благодарность за присылку интересных фотографических снимков /.../, которые уже помещены в нарождающемся памятнике - хранилище знаменитого полководца». Коллекционер передал музею альбом и «пять столбиков» со снимками пути А.В.Суворова по Швейцарии в 1799 г. «Ознакомившись с этим высокоценным приобретением музея, Суворовская комиссия поручила мне просить Вас принять с сердечную признательность как за Ваш щедрый дар так и вообще за Ваше постоянное, дорогое содействие комиссии в деле создания достойного памятника великому русскому полководцу, - обращался к Василию Павловичу Н.Сухотин в письме от 11 мая 1901 г. - Со своей стороны считаю долгом также известить Вас, что 3-го сего мая Высочайше утвержден проект здания Суворовского музея, к закладке которого будет приступлено в течении этого же месяца» (ед. хр.43, л.2).

Будущему музею В.П.Энгельгардт передал в 1902г. снимки швейцарских домов, в которых останавливался Суворов в 1709 г., медный складень, панораму Мутена. В последующие годы Василий Павлович передал в музей медный котелок, бронзовый эфес, другие вещественные предметы швейцарского похода, карту южной России, изданную в

конце ХУШ века. Горячий поклонник памяти полководца, ради которой коллекционер, подвижник, патриот России лично прошел по пути суворовских войск, установил три памятных доски на зданиях и памятниках местах, связанных с легендарным походом Александра Суворова.

В фонде В.П.Энгельгардта письма Н.Врангеля со сведениями о покупке для коллекционера портретов А.В.Суворова и книг о его жизни (ед.хр.15), расписка Петрусовича от 28 декабря 1899г. в получении от Василия Павловича денег за сделанную копию с портрета полководца (ед. хр.35), письмо представителя газеты «Новое время» от 20 мая 1899 г. о получении от него денежных средств на памятник Суворову (ед. хр.21). Сохранились в архиве документы, отражающие интерес коллекционера к изданиям изобразительных материалов, книг об Александре Васильевиче. К открытию музея Василия Павловича прислал в 1904 г. из Дрездена (в этом городе он проживал с 1870-х годов) ящик с книгами, относящимися к жизни и военным подвигам А.В.Суворова.

«Зная насколько может интересовать Вас все то, что относится до сооружения Суворовского музея, - обращался к В.П.Энгельгардту 25 августа 1904 г. председатель комиссии, начальник Николаевской академии Генерального штаба Николай Михневич, - считаю необходимым уведомить Вас, постройка его идет успешно... Можно будет открыть музей в настоящем году, приурочив его освящение к 13 ноября - дню рождения незабываемого полководца» (ед. хр.43.л.18).

Материалы, переданные Василием Павловичем, были размещены в отдельном его имени зале музея А.В.Суворова. Хранится в фонде коллекционера и письмо председателя Суворовской комиссии и начальника Николаевской академии Генерального Штаба Николая Михневича от 27 октября 1904 г. с сообщением об освящении и открытии музея в день рождения А.В.Суворова. «Зная Ваше глубокое почитание личности великого нашего полководца, памятуя Ваши многочисленные труды и заботы по увековечению памяти этого замечательного русского человека, - обращался к Василию Павловичу Н.Михневич, - наконец, вспоминая Ваше постоянное стремление бескорыстно содействовать в ся трудах на пользу общерусского дела, Суворовская комиссия поручила мне передать Вам ее искреннее желание видеть Вас на торжестве освящения и открытия музея» (ед.хр.43.л.19). К сожалению, в фонде отсутствуют документы о присутствии коллекционера на открытии музея. Василий Павлович Энгельгардт, - свидетельствуют материалы его фонда в ГА РФ, и в дальнейшем передавал уникальные реликвии в музей великого полководца.

Человека, много сделавшего для отечественной культуры, уважали, глубоко чтити многие выдающиеся соотечественники. В.В.Стасов писал в одном из писем к В.П.Энгельгардту: «Твоя коллекция, твой труд, твоя забота и энергичная любовь хлопоты останутся навеки тверды, крепки, нерушимы, а твое имя почетно для всех»¹.

¹ Орлова А. - Михаил Иванович Глинка: Календарь к 150-летию со дня рождения. - Л., - 1954. - С.74.

Роголин Н.Г.

Государственный мемориальный музей А.В.Суворова

Спорные вопросы биографии А.В.Суворова (1729-1769 гг.)

В настоящем докладе нет возможности остановиться на всех спорных вопросах биографии Суворова. За двести лет, прошедших с момента кончины полководца, их накопилось столько, что место живого человека давно и прочно занято некой иконописной фигурой, лишь отдаленно напоминающей свой исторический прототип. Только за последние десять лет среди сочинений о Суворове появились три его биографии - работы И.И.Ростунова¹, О.Михайлова² и С.Э.Цветкова³. Каждая из них претендует на полную освещенность жизни и деятельности Суворова, и каждая не свободна от стереотипных заблуждений, касающихся ряда фактов биографии полководца.

Речь пойдет только о ранней биографии Суворова - до окончания командования Суздальским полком.

Наиболее спорными здесь представляются следующие вопросы:

- характер занятий отца и деда Александра Васильевича;
- дата рождения Суворова;
- прохождение службы Суворовым до назначения командиром пехотного полка;
- характер деятельности Суворова в качестве командира Астраханского и Суздальского пехотных полков;
- значение "Полкового учреждения".

В литературе дед полководца Иван Григорьевич Суворов постоянно называется в качестве Генерального писаря лейб-гвардии Преображенского полка. Единственным источником для подобного утверждения служит фраза из капитального сочинения

П.О.Бобровского⁴. Но в приложениях, где приводится масса интереснейших документов, ни разу не встречается имя Ивана Суворова, хотя имя другого генерального писаря полка - Автамона Иванова - весьма часто. Зато у П.О.Бобровского приводится письмо Панкратия Глебовского князю Василию Владимировичу Долгорукому от 12 февраля 1712 г., позволяющее несколько по-иному оценить деятельность И.Г.Суворова⁵. Любопытно сравнить это письмо с другим документом – письмом неизвестного прибыльщика Алексея Александровича Курбатова 1704 г., где также упоминается Иван Суворов⁶. Складывается впечатление, что основная деятельность деда полководца действительно была связана с Преображенским, но не полком, а приказом, т.е. с органом сыска⁷. При этом, правда, Преображенский приказ, куда согласно указу Петра I от 25 сентября 1702 г. отсылались все, кто сказал за собой «слово и дело», сохранял и свои прежние функции. Его подъячие занимались и обмундированием гвардии и поддержанием порядка на улицах Москвы⁸.

Предположение о характере занятий И.Г.Суворова находит свое подтверждение и в судьбе отца генералиссимуса - Василия Ивановича Суворова. Напомним некоторые факты его биографии⁹.

9 мая 1722 г. Василий Иванович поступил к Петру I денщиком и переводчиком¹⁰, т.е. выполнял обязанности царского адъютанта. В 1725 г. уже при Екатерине I Василий Иванович был «выпущен лейб-гвардии от бомбардир сержантом» в Преображенский полк. 29 июня 1727 г. произведен в прапорщики, 16 февраля 1730 - в подпоручики и 27 апреля 1737 г. - в поручики¹¹.

При Анне Ивановне Суворов состоял «в полевых войсках прокурором» и в этой должности был командирован в Тобольск для участия в расследовании дела бывшего фаворита Петра II князя И.А.Долгорукова. Комиссия под начальством капитана Сибирского гарнизона Ушакова начала свои дознания в сентябре 1738 года¹².

В Тобольске В.И.Суворов пробыл более года. Вернувшись в Санкт-Петербург, он в ноябре 1740 г. был определен в Берг-коллегию «при штатских делах» в ранге полковника¹³. 2 февраля 1741 г. уволен от должности полевой службы прокурора и в чине коллежского советника определен к гражданским делам,¹⁴ но 31 декабря 1741 г. в ранге полковника назначен прокурором в генерал-берг-директориум, т.е. берг-коллегию. Этот период деятельности Василия Ивановича продолжается десять лет и сохранившиеся данные свидетельствуют, что он всегда стоял на страже интересов закона и казны. Так, например, в конце 1742 г. он доносил в сенат о беспорядках, царящих в берг-коллегии, президент которой часто единолично, без согласия остальных со-

чинял и подписывал различные определения, назначал на службу и т.д. Суворов как прокурор коллегии протестовал письменно и устно, по его не слушали, и понадобилось вмешательство Сената, постановившего: «Впредь Берг-коллегии поступать порядочно, а не так как ныне, а против прокурорского доношения ... взяв от коллегии ответ, исследовать»¹⁵. Столкновения прокурора с коллегией имели место и в последующие годы.

Можно предполагать, что в 1751 г. В.И.Суворов некоторое время исполнял обязанности прокурора сената, во всяком случае, в делах сената сохранилось его донесение о незаконных действиях обер-президента главного магистрата С.С.Зиновьева¹⁶.

29 марта 1753 г. В.И.Суворов представлен Сенатом в обер-прокуроры Синода, но утверждения почему-то не получил, а по резолюции Елизаветы был произведен в бригадиры¹⁷. В декабре этого же года он получил чин генерал-майора и назначение в Военную Коллегию¹⁸.

Начало царствования Екатерины II вновь представляет В.И.Суворова, как человека причастного к политическому сыску.

Сразу после переворота 28 июня 1762 г. Суворов произвел разбор всем арестованным офицерам и солдатам. Русские, украинцы и лифляндцы были приведены к присяге Екатерине II в дворцовой церкви, а голштинцы и прочие иноземцы посажены на суда и перевезены в Кронштадт. Допросы офицеров проводились им совместно с графом К.Г.Разумовским.

За участие в перевороте Екатерина II 28 июня 1762 г. пожаловала В.И.Суворова в премьер-майоры Преображенского полка и в подполковники Измайловского полка¹⁹. 12 июля 1762 г. последовало его назначение членом Военной Комиссии «для рассмотрения артиллерийских штатов»²⁰. Кроме того, В.И.Суворов продолжал заседать в Сенате, состоял в 1762-1763 гг. председателем особой комиссии по продаже «казенных засек и в дачах не бывалых земель». Наконец, 3 марта 1763 г. он был произведен в чин генерал-аншефа²¹.

В литературе часто приводится отзыв Екатерины II о В.И.Суворове, сделанный после его смерти в 1775 г.: «Это был человек неподкупной честности, весьма образованный, он говорил, понимал или мог говорить на семи или восьми мертвых и живых языках. Я питала к нему огромное доверие и никогда не произносила его имя без особенного уважения»²².

Однако менее известна другая характеристика отца полководца, данная той же Екатериной: «Суворов мне очень предан и в высокой степени неподкупен; он без труда понимает, когда возникает какое-нибудь важное дело в тайной канцелярии; я бы желала доверяться только ему, но должно держать

в узде его суровость, чтобы она не перешла границ, которые я себе предписала"²³.

Этот отзыв напоминает о той стороне деятельности В.И.Суворова, которая долгие годы замалчивалась в литературе. О том, что у Екатерины были основания выделять В.И.Суворова, говорит и исследование им в 1763 г. "дерзостных речей" камер-юнкера Федора Хитрова.

Это дело, весьма обеспокоившее Екатерину, еще раз показывает, что Василий Иванович не был повичком в политическом сыске. В письме от 24 мая 1763 г. из Ростова Екатерина II писала ему: "... если придет(ся) арестовать его, Хитрова, тогда для дальнейшего производства одного дела призовите себе в помощь кн. Мих. Волконского и кн. Петра Петр. Черкасского и рапортуйте мне, как часто возможно. Я при сем рекомендую вам поступать весьма осторожно, не тревожа ни город, и сколь можно никого; однако ж таким образом, чтоб досконально узнать самую истину, и весьма различайте слова с предпрятием. Впрочем, по полкам имейте уши и глаза"²⁴. И, несколько позже, в другом письме: "Прикажете осведомиться, арестование Хитрова тревожит ли любопытных или еще не ведают в городе"²⁵.

Ясно, что сеть осведомителей в войсках нельзя создать в одночасье, а человек, организовавший такую сеть, вправе рассчитывать на доверие императрицы.

Сложившийся в литературе образ военного администратора, фортификатора, военного инженера, переводчика на русский язык сочинение Вобага (против чего выступал еще В.А.Алексеев), следует несколько подкорректировать. Отец Суворова предстает, прежде всего, человеком, постоянно связанным с наблюдением за исполнением закона (долгая служба прокурором) и специалистом политического сыска, посвященным в самые сокровенные тайны верховной власти.

Обратимся теперь к наиболее спорному моменту - дате рождения Суворова. Полемика о ней ведется не один десяток лет. Единственным аргументом сторонников признания 1730 года как времени рождения полководца является его собственноручная записка на итальянском языке, хранящаяся в РНБ. Но можно ли основываться только на этом документе, даже написанном самим Александром Васильевичем? Ведь остальные документы полководца если и не опровергают напрямую эту запись, то вступают с ней в весьма серьезные противоречия. Блестящее исследование по этому вопросу принадлежит А.Е.Гутору²⁶. Характерно, что после своего появления эта работа ни разу не подверглась сколько-нибудь обоснованной критике.

В статье А.Е.Гутора приведены почти все аргументы, доказывающие, что датой рождения Суворова следует считать 1729 год. Дабы не повторять

ся, обратим внимание еще на два документа, подтверждающие выводы автора.

В "Автобиографии" полководец писал: "В службу я вступил 15 лет в 1742 году". Разумеется, не следует понимать эту фразу, как утверждение, что датой рождения Суворова следует считать 1727 год. Суворов неумышленно сменил два факта своей биографии - запись в полк в 1742 г. и возраст, по достижении которого ему надлежало начать действительную службу - т.е. 15 лет. Сопоставив эту фразу с датой, назначенной Суворову для явки в полк - 1 января 1745 г. - получаем все тот же 1729 год.

Еще одно подтверждение содержится в неиспользованной в статье записке Суворова о прохождении службы с 1742 по 1758 г.²⁷ В ней, в частности, сказано:

"Выпущен в поручики - 1754 году апреля 25 дня. От роду 24. За отцом душ мужескова полу 400".

Но в апреле 1754 г. Суворову могло быть 24 года только при условии, что он родился 13 ноября 1729 г. Говорить же о том, что Александр Васильевич округлил свой возраст (как это делают, упоминая о "сказке" Суворова, написанной в октябре 1742 г., где указан 12-летний возраст писавшего) в данном случае просто невозможно.

Итак, позволим себе предложить следующую формулировку: 1729 год следует считать датой рождения, скорее, чем 1730 г.

Прохождение Суворовым службы с момента прибытия в Семеновский полк, как правило, не интересует исследователей. Между тем, здесь есть немало интересного.

Из солдатской службы (название условное, т.к. собственно солдатом Суворов не служил ни одного дня) следует выделить два момента: начало службы капралом и назначение подпоручиком.

В царствование Елизаветы Петровны практика записи в полки малолетних дворянских детей приводила к тому, что в полках появлялись унтер-офицеры, не знавшие службы и бывшие не в состоянии исполнять свои обязанности. Как писал исследовавший эту проблему Д.Ф.Масловский, "малолеток-недоросль, занимавший вакансию, например, капрала, не принимал никакого участия в обучении нижних чинов; в действительности учил старый рядовой, кандидат на унтер-офицера, в тонкости изучивший технику дела"²⁸.

Подтверждением этих слов служат и судьба А.В.Суворова. Он также прибыл в Семеновский полк капралом (хотя и не малолетним), не имея никаких навыков строевого обучения. Но по прошествии некоторого времени Суворов уже овладел экзерцицией и сравнялся со старослужащими солдатами, чему, видимо, немало способствовала его добросовестность в службе. Характеристикой Суворова - унтер-офи-

цера могут служить слова, сказанные ротным командиром его отцу: "сам напрашивается на трудные служебные обязанности, никогда ни для каких надобностей служебных не понимает за себя солдат, а исполняет сам, любит учить фронт, причем весьма требователен, большую часть времени проводит в казармах; солдаты очень его любят, но все считают чудачком"²⁹.

Назначение подпрапорщиком могло иметь первостепенное значение с точки зрения формирования отношения к солдату. Подпрапорщик не только находился при знамени, заменяя при необходимости прапорщика, но, прежде всего, должен был заботиться о больных солдатах. Соединяя, таким образом, сбережение полковой святыни - знамени - и постоянную заботу о солдате, Петр I, закрепивший это в "Уставе воинском"³⁰, достигал потрясающего психологического эффекта. Именно прапорщику, охранявшему знамя в бою, по мысли составителя Устава подобало "великую любовь к солдатам иметь, и егда они в наказание впадут, тогда ему об них бить челом вольно"³¹. В бою солдат стремился уничтожить опасность, грозящую не только полковой святыне, но и защищающему ее офицеру - своему постоянному заступнику.³²

Для молодого унтер-офицера, обязанного по должности помогать прапорщику в его деятельности, это была совершенно исключительная школа повседневной заботы о солдате и гуманного обращения с подчиненными, способного вызвать в них ответное теплое чувство. И, видимо, можно считать, что долговременное дежурство в госпитале и последующее более чем годичное исполнение обязанностей подпрапорщика не только заложили основы столь характерной для Суворова любви к госпиталю и лазаретам ("богаделье", как он называл их впоследствии в "Науке побеждать"), но и как никакой другой период службы способствовали возникновению чувства единения с солдатами, умение понять их нужды, помочь и поддержать.

Из службы Суворова в офицерских чинах, несомненно, следует выделить его пребывание в должности генерал-аудитор-лейтенанта Любопытнo, что О.Н.Михайлов почему-то убежден, что в этой должности Суворов не находился ни одного дня³³, как будто статьи В.Апушкина³⁴ вообще не существует в природе.

Сложность новой деятельности заключалась для Суворова в том, что с июня 1756 по начало 1757 г. должность генерал-аудитора была вакантной, так что как минимум в течение месяца исполнять его обязанности должен был его заместитель - генерал-аудитор-лейтенант. Лишь в начале 1757 г. последовало назначение подполковника Дмитриева-Мамонова генерал-аудитором. Сам Суворов 4 декабря был "переменован" в премьер-майоры. Небольшие чины людей, за-

ведовавших военно-судной частью армии, проистекали из так и не установившегося в это время взгляда на значение аудиторов в военной иерархии³⁵.

Исполнение обязанностей генерал-аудитора, пусть и непродолжительное, должно было потребовать от Суворова основательного знакомства с военным законодательством, точнее с военно-уголовным правом. Если в бытность унтер-офицером или поручиком можно было ограничиться статьями, определяющими должностные обязанности чинов или порядок экзекуции (они сосредоточены в третьей части устава), то теперь требовалось знание, прежде всего, второй части Устава воинского 1716 г. - "Артикула воинского с кратким толкованием и с процессами", являвшегося военно-правовым кодексом и сосредоточившем в себе вопросы военного и уголовного права и военного быта.

Пребывание в должности генерал-аудитор-лейтенанта, несмотря на непродолжительность, не могло не сослужить А.В.Суворову хорошую службу, дав детальное знание существовавшего военного законодательства. Впоследствии, при работе над "Полковым учреждением", он неоднократно будет обращаться ко всем разделам "Устава воинского" Петра I, заимствуя из него не только некоторые положения, упущенные в уставных документах русской армии последующего времени, но и излагая принципиальные вопросы взаимоотношений воинских чинов, опираясь на петровские требования, а также следуя Уставу 1716 г. в четкой регламентации служебных обязанностей чинов полка.

Еще один спорный вопрос - деятельность Суворова в начале Семилетней войны, в частности пребывание в Мемеле.

Мемель был взят 26 июня 1757 г. и почти на год служба Суворова оказалась связанной с этим городом, так как согласно ордеру В.В.Фермора генерал-майору Рязанову от 27 октября 1757 г. на него было возложено заведование продовольственным пунктом в этом городе³⁶.

О службе А.В.Суворова в Мемеле в литературе сведений практически нет. Авторы обычно опираются на слова из "Автобиографии" Суворова, повторенные в его формулярном списке, где о 1758 году сказано: "... и был комендантом в Мемеле"³⁷ и ограничиваются констатацией этого факта. Но можно утверждать с уверенностью, что, заведая продовольственным пунктом, он не оказался на второразрядной должности. В этом убеждает то значение, которое имел Мемель, как один из основных пунктов снабжения русской армии. Кроме того, начиная с августа 1757 г. и до января 1758 г. в Мемеле располагалась главная квартира армии, что создавало дополнительные трудности, но и повышало ответственность и значимость всех служб, сосредоточенных в городе.

По сохранившимся сведениям довольно сложно определить время пребывания А.В.Суворова в Мемеле. Назначение его начальником продовольственного пункта, как уже говорилось, состоялось 27 октября 1757 г. Крайней конечной датой может служить 12 июля 1758 г., так как в датированной этим числом ведомости о состоянии денежных сумм в армии для покупки провианта, в Мемеле указан премьер-майор Горчаков³⁸. Сам же А.В.Суворов в это время уже принимал участие в важнейшем мероприятии - формировании третьих батальонов полков для пополнения действующей армии.

Никак не комментируются в литературе производство Александра Васильевича Суворова в полковники, последовавшее 26 августа 1762 г., и назначение вначале командиром Астраханского пехотного полка, а после - Суздальского пехотного полка. Исключение составляет лишь работа О.Н.Михайлова³⁹.

Между тем, существуют косвенные свидетельства, позволяющие несколько прояснить историю назначения А.В.Суворова, "получившего больше склонность к кавалерии", командиром именно пехотного полка. Как представляется, в данном случае не последнее значение имела личность не столько Александра Васильевича, пусть и получившего известность в последние годы Семилетней войны, сколько его отца, генерал-поручика Василия Ивановича Суворова. В свете приводившихся выше фактов, показывающих основную направленность деятельности Василия Ивановича, назначение Александра Васильевича Суворова на должность командира Астраханского пехотного полка приобретает вполне определенный смысл. Полк нес караульную службу в столице, и Екатерина была заинтересована в том, чтобы во главе его стоял надежный человек. Этим же можно объяснить и то, что когда Астраханскому полку подошло время покинуть Санкт-Петербург, А.В.Суворов не ушел вместе с ним. На посту командира полка его сменил никто иной, как Иван Васильевич Гудович - младший брат фаворита Петра III, просидевший три недели после переворота "под строгим караулом" и произведенный в полковники 17 апреля 1763 г.⁴⁰. Если семь месяцев назад Екатерина ввела Астраханский полк преданному человеку, то теперь этот полк должен был увести из столицы человека если не ненадежного, то, по крайней мере, не пользующегося доверием.

Суворов же 6 апреля 1763 г. указом Военной коллегии был переведен в Суздальский пехотный полк и тогда же ему было предложено остаться в столице и дожидаться прибытия полка.⁴¹ Полк прибыл в середине июля и разместился на Васильевском острове, где и находился более года, пока осенью 1764 г. не выступил в Новую Ладогу на свои квартиры.

Обратимся теперь к периоду командования пол-

ком. Со времени появления работы А.Ф.Петрушевского считается, что Суворов резко выделялся из числа полковых командиров. Против подобного взгляда более ста лет назад выступал Н.Ф.Дубровин, писавший: "... многие биографы видят в Суворове полковнике - Суворова-главнокомандующего и приписывают ему такие приемы в обучении войск, которые могли явиться только впоследствии под влиянием опыта и при заимствовании у предшественников, мастеров военного дела. Суворов командир Суздальского полка еще далек от Суворова генералиссимуса. Он, как всякий военный человек и как гений, развивался постепенно, под влиянием окружающих обстоятельств, обстановки и примеров"⁴².

Подтверждение верности этих слов можно найти и у современных авторов. Так, например, И.И.Ростунов пишет о Суворове - полковом командире: "Он решительно встал на сторону тех военных деятелей, которые стремились развивать передовые традиции военного искусства. На посту командира Суздальского полка им была проделана огромная работа по обобщению опыта Семилетней войны, практической проверке взглядов на характер обучения и воспитания войск. Обладая большими правами и самостоятельностью, Суворов получил возможность в полной мере проявить свою творческую инициативу и достигнуть выдающихся результатов"⁴³.

Спрашивается, а какой опыт войны мог обобщить Суворов, прослуживший в тылу армии в 1757-начале 1759 гг., при штабе в 1759 - первой половине 1761 г., воевавший в составе кавалерийских частей, и ставший командиром пехотного полка по причинам, далеким от военных?

Единственным источником, позволяющим судить о взглядах полковника Суворова на задачи и характер боевого обучения и воспитания в период командования полком, является "Полковое учреждение". Но большинство идей, заложенных в первом наставлении, составленном Суворовым, - это изложение и развитие идей уставов и наставлений, обязательных для всех пехотных полков. Можно с уверенностью утверждать, что "Полковое учреждение" писалось Суворовым на основе "Устава воинского" 1716 г., "Описания пехотного полкового строя" 1763 г. (Устава 1763 г.) и "Инструкции полковничьей пехотного полку" 1764 г. Кроме того, использовался и прусский пехотный устав 1743 г.⁴⁴.

Сравнение "Полкового учреждения" с аналогичными известными наставлениями, такими, как "Инструкция ротным командирам" С.Р.Воронцова⁴⁵ или "Эпистола" Ф.И.Дмитриева-Мамонова⁴⁶ показывают общность взглядов полковых командиров на задачи нравственного воспитания подчиненных. А ведь именно это всегда в литературе представлялось главным достижением Суворова, сви-

детством его поваторства.

Стремление представить Суворова гением с самых первых его шагов на военном поприще, постоянное подчеркивание его исключительности то, как унтер-офицера, то, как полкового командира, на наш взгляд существенно искажают представление о Суворове. Он гений, но гений, прежде всего, трудолюбия и добросовестности. Его путь - это путь обычного армейского офицера, поднявшегося на вершину славы не из-за исключительных врожденных способностей, а благодаря огромным приобретенным знаниям и умению применить их на практике. Феномен Суворова стал возможен потому, что в русской армии была благодатная почва для появления выдающихся военных деятелей, подтверждением чему служит военная история России второй половины XVIII века.

Роль Суворова в русской военной истории настолько велика, что он заслуживает объективного и беспристрастного рассмотрения всех обстоятельств его жизни. Наверное, настало время создания настоящей истории Суворова, чтобы, наконец, сбылись слова полководца: "Жизнь, столь открытая, и известная, какова моя, никаким биографом искажена быть не может. Всегда найдутся нежные свидетели истины, а более всего я не требую от того, кто почитает достойным трудиться обо мне, думать и писать".

1 Ростунов И.И. Генералиссимус А.В.Суворов: Жизнь и полководческая деятельность. - М., 1989.

2 Михайлов О.Н. Суворов. - М.; Екатеринбург, 1995.

3 Цветков С.Э. Александр Суворов: Беллетризованная биография. - М., 1999. Это сочинение содержит такое количество фактических ошибок, что одно их перечисление заняло бы слишком много места. 4 «Промадная деятельность происходила в Генеральном дворе и в Сызьей избе Преображенского полка, откуда с конца октября 1699 г. исходили указы и памяти за приписью думного дьяка Автонома Ишанова или генерального писаря Преображенского полка Ивана Суворова (дела генералиссимуса), поступившего на место Ивана Инехова». (История лейб-гвардии Преображенского полка // Сост. П.О.Бобровский. - Т.1. - СПб., - 1900. - С.366). Иван Трофимович (или Трифонович) Инехов был Генеральным писарем Преображенского полка с 1692 по 1695 г.

5 Милости у тебя, государь, прошу на подъячего Федора Лепендину. Извольи Царское Величество писать ко мне своєю рукою о полатках и о перемидах, чтоб полатки и перемиды делать с великим поспешением, чтоб вязли с хамовного двора, по приказу князя Федора Юрьевича, парусное полотно, из того полотна выкроить полатку против образа и приказать ему, подъячему Федору Лепендину, выложить, сколько нашей палатки доведет звать архии полотно, и подъячий мне в том откатал: «я и тебя и долго неслушачу - не под твоим присудом»; а он, подъячий, сидит на Генеральном дворе под судом Ивана Суворова; пожалуй, государь, меня обороны от такого бездельника». (Бобровский П.О. Указ. соч. Приложения к П-му тому - СПб., - 1904. - С.223-224).

6 «Иван Суворов стужал многожды, едва не о перном воре просил и, что в том его не послушали, грозил на старого и том деле подъячего: поспешает-де скоро к нам в Преображенское!». (Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения : В 18 кн. - М., 1993. - Кн. 8. - С.71).

7 В именном указателе к VII тому «Писем и бумаг императора Петра Великого» (СПб., 1907.) Иван Суворов так и назван - «Генеральный писарь Преображенского приказа».

8 Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка 16 : Политический сыск при царях. - М., 1993. - С.26, 27.

9 Из биографии В.И.Суворова можно отметить следующие: Алексеев В.А. Василий Иванович Суворов (1709-1775) // Журнал Русского Военно-исторического общества. - 1913. - № 4. - С. 192 - 202; Пыляев М.И. Отец Суворова // Исторический вестник. - СПб., 1891. - Т. 14; статья в «Русском биографическом словаре» (СПб. 1912. - Т. «Суворова - Ткачев». - С. 90 - 94) и особенно примечания В.А.Алексеева в «Письмах и бумагах Суворова» (Письма и бумаги Суворова. - Пг., 1916. - Т.1. - С.417 - 427).

10 Письма и бумаги Суворова. С. 418.

11 Там же.

12 Русский биографический словарь. С. 90 пр.ст. - 91 л.ст. В.Алексеев называет Ушакова «гвардии капитан-поручиком» (Письма и бумаги Суворова. С. 418).

13 Письма и бумаги Суворова. С.418.

14 Пыляев М.И. Указ. соч., С. 73.

15 Цит. по: «Русский биографический словарь», С. 91, пр. ст.

16 Там же.

17 В.Алексеев считает, что 29 марта он был произведен в бригадиры и тогда же был назначен членом Военной Коллегии (Письма и бумаги Суворова. С. 419).

18 Там же; Пыляев М.И. Указ. соч., С. 73.

19 Пыляев М.И. Указ. соч. С. 76; Письма и бумаги Суворова. С. 421. Кроме того, ему были пожалованы 3 тысячи рублей, которые он сумел сэкономить из отпущенных на голштинскую операцию 7 тысяч рублей.

20 Письма и бумаги Суворова. С. 421.

21 Воинский календарь на 1765 год с приложением генералитетских и штабских списков. - СПб., 1765. - С. 3.

22 Цит. по: Осипов К. Александр Васильевич Суворов. 1730-1800. - М., 1949. - С. 5-6.

23 Екатерина II. Сочинения. - М., 1990. - С. 489.

24 Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен / Сочинения : В 18 кн. - М., 1994. - Кн. 18. - С.198.

25 Там же. С. 199. О следствии, производившемся В.И.Суворовым по делу Житрово («Тетрофа»), упоминает и Е.Р.Дашкова. (См.: Записки княгини Е.Р.Дашковой. - М., 1990. - С.86-87).

26 Пугор А.Е. К вопросу о времени рождения Александра Васильевича Суворова // Суворовский сборник. - М., 1951. - С.183-190.

27 РО РНБ. Ф.755. Т.15. Л.77-77 об.

28 Масловский Д. Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. - М., 1883. - С. 105.

29 Цит. по: Дубровин Н. А.В.Суворов среди преобразователей екатерининской армии. - СПб. 1886. С. 14-15. Видимо поведение Суворова все же отличалось от образа действий его сослуживцев, хотя именно на годы его пребывания в полку приходится перелом в отношении дворян к службе. Теперь уже они добиваются повышения и производства, не стыдятся заниматься в полковой школе и посещать классы Сухопутного шляхетского корпуса. Если вначале посещение полковой школы было редкостью, то в 1750 г. в ней не хватало места для желающих учиться, в корпус отправлялись целыми командами (Дирин П. История лейб-гвардии Семеновского полка. - СПб., 1883. - Т. 1. С.273).

30 «Онный признает прилежно немощных и посенает их повседневно, и есть прапорицу в сем деле помощник. На бою или в строю идет он за прапорицом и как онный ранен будет и не может более знания несть, то подобает ему принять. В походе он знания носит обыкновенно, кроме бою и публики; а особливо ему в бою во всех случаях прапорица при прапоре особенно ставлять отнюдь не надобно». (Экзерциции, приготовление к маршу, званья и должности полковых чинов. 4-е изд. - СПб., 1780. - С. 138Экзерциции.).

31 Экзерциции. С. 137.

32 Подробнее см.: Дрейлинг Р. Воинский Устав Петра Великого и Суворов // Душа армии: Русская военная эмиграция и морально-психологических основах российской вооруженной силы. - М., 1997. - С. 340.

33 Михайлов О.Н. Указ. соч., С.40.

34 Алушкин В. Суворов - генерал-аудитор-лейтенант // Русский инвалид. - 1899. - 2 декабря. (№263). - С. 2.

35 Там же.

36 См. Масловский Д. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. С. 99; Ето же. Русская армия в Семилетнюю войну. - М., 1888. - Вып. 2. - С. 6.

37 А.В.Суворов. Документы. - Т.1. - М., 1949. - С.33.

38 Масловский Д. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып.2. Приложения. С.138.

39 "... содержание городских караулов в Петербурге возлагалось на Астраханский полк. Надо ли говорить, сколь важно для новой царицы было иметь командиром этого полка человека доверенного. Выбор пал на А.В.Суворова" (Михайлов О.Н. Указ. соч. С.81). Следует добавить, что Астраханский полк не был единственным в Петербурге.

40 Батлыш-Каменский Д. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. - СПб., 1840. - Ч. 3. - С. 11; Воинский календарь на 1765 год. С.39.

41 Плестерер Л. История 62-го пехотного Суздальского Генералиссимуса князя Итальянского Графа Суворова-Рымникого полка. - Белосток, 1902. - Т.2. - С.4-5.

42 Дубровин П. Указ. соч. С.72.

43 Ростунов И.И. Указ. соч. С.78.

44 См.: Рогулин Н.Г. "Полковое учреждение" А.В.Суворова как источник по истории боевого обучения и воспитания в русской армии в 60-е годы XVIII века : Автореферат канд. дисс. СПб., 2000.

45 Инструкция ротным командирам за подписанием полковника графа Воронцова 1774 г., января 17 дня, в 17 пунктах состоящая, на 13 листах // Военный сборник. - 1871. - № 11.

46 Дмитриев-Мамонов Ф.И. Эпистола от генерала к его подчиненным или генерал в поле с своим войском, изданная сочинителем аллегории дворянином философа. - Б-м., 1770.

Егоров А.Ю.

Государственный мемориальный музей А.В.Суворова

Уточнение роли А.В.Суворова в пленении Е.Пугачева.

Столкновение на исторической арене таких персонажей, как Суворов и Пугачев привлекало и будет привлекать пристальное внимание историков. Один - защитник Веры и Престола, другой - самозванец и злодей.

Если дореволюционные историки, освещая действия А.В.Суворова при подавлении пугачевского выступления, старались в основном придерживаться исторической канвы, то после революции историческое исследование вопроса было подменено идеологической схемой или проблема вообще замалчивалась.

Отношение к роли Суворова в подавлении пугачевщины за последние десять лет можно проиллюстрировать следующими примерами.

Так В.С.Лопатин в своей книге «Потемкин и Суворов» дает четкую оценку событиям грозного 1774 года: «Перевод одного из лучших боевых генералов действующей армии в далекий Оренбург свидетельствовал об опасности бушевавшей гражданской войны. Скорее всего, Потемкин, зная решительность своего боевого товарища, рекомендовал Суворова Екатерине как человека способного быстро прекратить смуту, за которой внимательно следили и Густав III и Фридрих II, не без злорадства писавший о затруднениях Северной Семирамиды¹».

А вот и другой подход к проблеме: «Суворову почему-то стало грустно. Нет, не только потому, что не принял участия в боевых действиях. Это была другая грусть - обида за разгромленного врага. Да-да! Суворов испытывал обиду за злодея и самозванца. Ведь побежден был Емелька не в честном бою, а выдан предателями... Лицо Пугачева мучительно переменилось, он отвел взгляд, узнав великого полководца... Суворов ужаснулся - Емелькой Пугачевым мог быть любой солдат, любой крестьянин Российской империи²».

Задача настоящей статьи является показ события 226-летней давности исключительно на основе

исторических свидетельств.

Первое решение о назначении генерал-поручика Суворова против Пугачева относится к марту 1774 г. Он должен был заменить генерала И.Деколлонга - начальника отдельного Сибирского корпуса, который не проявил должной энергии и решительности при отражении пугачевских отрядов от Екатеринбургских заводов и Челябинска. Командовавший войсками, действовавшими против Пугачева, генерал-аншеф А.И.Бибиков обратился к Екатерине II с ходатайством о замене Деколлонга Суворовым.

Императрица ответила на письмо Бибикова рескриптом от 29 марта 1774 г., в котором содержалось указание: «На случай же неспособности того генерал-поручика (де-Коллонга) к исполнению от вас ему предписываемого, отправлен будет к вам немедленно генерал-поручик Суворов, которым вы того сменить и употреблять как того, как и другого можете там, где вы, по соображению обстоятельств и по усмотрению пользы, заблагорассудите³».

Суворову было послано предписание от Военной коллегии о выезде к Бибинову. Но командующий главной армией генерал-фельдмаршал П.А.Румянцев не отпустил Суворова и направил в Военную коллегию 15 апреля 1774 г. сообщение с объяснением причин своего отказа⁴.

Доводы фельдмаршала оказались достаточно убедительными, иначе бы приказание было повторено. Как писал А.С.Пушкин, Суворов не был направлен против Пугачева «дабы не подать Европе слишком великого понятия о внутренних беспорядках государства»⁵. К тому же «внутренние беспорядки» начали, по всей видимости, успокаиваться, так как в это время Пугачев, разбитый князем П.М.Голицыным у крепости Татищевой, снял осаду Оренбурга.

Однако положение вскоре резко изменилось. Внезапная смерть Бибикова 9 апреля 1774 г. и пе-

рестановки в командовании правительственными войсками позволили Пугачеву развернуть войну с новой силой. В июле пугачевские силы перешли на правый берег Волги, угрожая Саратову и другим городам. Нужно было принимать экстренные меры.

Главногокомандующим войсками, действовавшими против «внутреннего возмущения», был назначен граф П.И.Панин. Одновременно было принято решение направить к Панину генерал-поручика Суворова. 28 июля Екатерина II писала новому главнокомандующему: «Я фельдмаршалу приказала генерал-поручика Суворова послать к вам наискорее»⁶.

3 августа 1774 г. Суворов был назначен командиром Московской дивизии и ему было направлено приказание немедленно явиться в Москву в распоряжение князя М.Н.Волконского - главнокомандующего в Москве. В связи с этим граф Панин, выезжая из Москвы, просил подтверждения о назначении к нему Суворова. На что императрица отвечала, «что до утешения бунта я приказала генерал-поручику Суворову быть под командою генерала графа Панина»⁷.

10 августа 1774 г. Румянцев письмом известил Суворова о необходимости выехать в Москву. В этом письме фельдмаршал писал: «Я рад сердечно, что случай сей дает и мне являющийся повод к представлению об удовлетворении желаний ваших»⁸. С окончанием военных действий против Турицы фельдмаршал на этот раз не удерживал генерал-поручика.

14 августа из Киева Суворов подтвердил получение повеления: «с крайнею возможностью стараться буду поспешать на утешение себя к должности действовать против возмутительного бунтовщика, следуя чрез Москву»⁹. Строки этих писем отчетливо дают понять, как настойчиво стремился Суворов после окончания войны с турками на «утешение бунта», желая добыть новые боевые отличия.

В Москву Суворов прибыл 23 августа, где, как писал сам Александр Васильевич: «усмотрел, что мне делать нечего, и поехал далее внутрь к генералу графу Петру Ивановичу Панину»¹⁰.

25 августа Суворов был в селе Ухолово (место пребывания Панина). Граф указывал в донесении императрице, что генерал-поручик Суворов прибыл «в одном только кафтане, на открытой почтовой телеге»¹¹. Эта суворовская быстрота была оценена Екатериной II в рескрипте на имя Суворова от 3 сентября 1774 г.: «за таковую хвалы достойную проворную езду весьма вас благодарю, зная что ревность ваша вам проводником служила»¹². При рескрипте были приложены 2000 червонцев на снабжение «нужным экипажем».

От графа Панина Суворов получил «открытый

лист» о подчинении ему воинских и гражданских начальников в губерниях, охваченных волнениями. Суворов выехал в Царицын, куда сходились пути различных правительственных отрядов, преследовавших мятежников.

Путь в Царицын был чрезвычайно опасен. Вот как его описывает сам Суворов: «Правда, я спешил к передовым командам и не мог иметь большого конвоя, - так и не иначе надлежало - но известно ли, с какою опасностью бесчеловечной и бесцельной смерти? Сумасбродные толпы везде шатались; на дороге множество от них тирански умерщвленных, и не стыдно мне сказать, что я на себя принимал иногда злодейской имя»¹³.

3 сентября 1774 г. «неожиданно прискакал в Царицын, в двух тележках, г. генерал-поручик. Александровский кавалер Суворов, с своим адъютантом Максимовичем и одним слугою, природою прусаком»¹⁴.

К этому времени основным силам Пугачева уже был нанесен решительный удар подполковником И.И.Михельсоном в сражении у Солениковой ватги. На долю Суворова выпало принятие мер, чтобы «его (Пугачева - А.Е.) истребить или же заключить от всех мест в такой зев, которого бы не мог миновать»¹⁵. На другой день в Царицын явился «и сам победитель Пугачева - полковник Михельсон... узнав по приезде своем в Царицын, что корпусом сим командовать прислан генерал-поручик Суворов, сдал оный его превосходительству»¹⁶.

О Пугачеве в Царицыне знали не много. Было известно лишь, что после того, как войско Пугачева было разбито, сам Пугачев с некоторым числом приближенных переправился за Волгу.

Суворов решает начать преследование Пугачева. Предварительно, разослав различные воинские команды, и тем самым, опоясав Волгу на большом расстоянии, сам Суворов «из Царицына взял себе разного войска конвой на конях и обратился в обширность уральской степи за разбойником»¹⁷.

Преследование началось 5 сентября 1774 г. Вместе с Суворовым выехала секретная комиссия гвардии капитана Галахова, в задачу которой входило схватить Пугачева посредством подкупа его приближенных. Член этой комиссии майор Павел Степанович Рунич оставил памятные записки, которые содержат интересные подробности об Александре Васильевиче¹⁸.

Комиссия следовала вместе с отрядом Суворова до волжского села Николаевского (напротив г. Камышина), куда Суворов направился из опасения, что мятежники могут обратиться к Волге. В Николаевском комиссия Галахова и осталась, а Суворов 8 сентября двинулся дальше, так как получил известие о движении Пугачева по Ялтоской дороге.

О быстроте этого движения свидетельствует сам Суворов: «Прибавить должно, что я, по недостатку, провианта почти с собою не имел, но употреблял место того рогатую скотину, засушением на огне мяса с солью; в степи я соединился с гл. Иловайским и Бородиным; держались следов и чрез несколько дней догнали разбойника»¹⁹.

9 сентября Суворов был уже в 40 верстах от Никольского на реке Еруслане. Здесь от А.Иловайского и М.Бородина он узнал о движении Пугачева к рекам Большой и Малый Узень. Чуть позже Суворов напал отряд графа Б.Меллина. С этим отрядом генерал-поручик бросился к Узням, сделав уже в первый день переход в 80 верст. 10 сентября Суворов был уже в 120 верстах от Камышина.

Следующие два дня продолжалось быстрое движение. 12 сентября Суворов с отрядом секунд-майора Меллина приходит к реке Малый Узень, где узнает от пленных, что Пугачева видели на реке Большой Узень. Суворов доносит графу Панину: «Надежда блистает! Сейчас со всем detaшесментом графа Меллина иду к другому или Большому Узеню»²⁰.

В этот же день в Александровском Гас Пугачев был схвачен своими ближайшими сподвижниками, которые составили заговор с целью выдать «государя» правительственным войскам. Не зная этого, Суворов со своим отрядом был ближе всех правительственных отрядов от Александровского Гая (в 50 верстах).

Прибыв на Большой Узень, Суворов разделил свой отряд на четыре партии, «чтоб его (Пугачева - А.Е.) ловить, по известил, что его уральцы, усмотря сближения наши, от страха его связали»²¹. В полночь 15 сентября Пугачев был привезен в Яицкий городок сотником Харчевым, которому заговорщики передали бывшего «государя».

В 60 верстах от Яицкого городка Суворов встретил гонца от яицкого коменданта полковника Симонова. Распечатав донесение, Суворов узнал о пленении Пугачева. Панину полетело новое донесение:

«Как-то кончитца? Однако призываю Бога! Беру смелость, поздравляю Ваше Высочайшее Сиятельство! Рука дрожит от радости. На походе 60 верст от Яицкого городка. Спешу туда!»²².

16 сентября генерал-поручик прибыл в Яицкий городок. Таким образом, с 6 по 16 сентября 1774 г. Суворов с отрядом прошел около 600 верст, продемонстрировав еще раз свою уникальную способность к быстрым передвижениям.

От полковника Симонова и капитан-поручика Маврина Суворов «взял Пугачева под свое ведение и распоряжение не задерживаясь с ним в Яике и приказав заготовить кибитку открытую, которую и прозвали простолоподимцы клеткою, отпавилась с ним в Симбирск к графу Петру Ивановичу Панину»²³.

После ареста Пугачева сразу несколько лиц ста-

ли претендовать на то, чтобы везти Пугачева в Москву. Реально на это претендовали граф Панин и П.С.Потемкин - начальник Казанской секретной комиссии. Первый требовал Пугачева в Симбирск, второй - в Казань. Как подчиненный графа, Суворов повез Пугачева в Симбирск. Но видно и у Александра Васильевича имелись некоторые надежды на новые почести, как у поимщика Пугачева. Об этом говорит его письмо к Панину 22-23 сентября: «Сиятельнейший Граф! Ежели пожелать соизволите Ем.Пугачева из Сызрана (да благословит Бог туда прибыть сохранным) мне препроводить далее, я охотно то на себя принимаю: с поспешностью - на Пензу, до Москвы, нигде не останавливаясь. Из Москвы могу к Вашему Высочайшему Сиятельству явитьца весьма поспешно»²⁴.

Однако граф Панин не пожелал разделить с Суворовым славу победителя Пугачева и тот был доставлен к графу в Симбирск.

Следуя к Панину, отряд Суворова находился «при непрестанном во все то время беспокойствии от киргизцов, которые одного ближнего при мне (Суворове - А.Е.) убили и адъютанта ранили»²⁵.

1 октября 1774 г., «в самый день приезда гр. П.И. Панина в Симбирск, вечером генерал-поручик Суворов привез взятого в Уральске от тамошнего коменданта пленного Пугачева»²⁶.

Осталось выяснить относительно клетки, в которой Пугачев сидел якобы по воле Суворова.

Для уяснения сути вопроса необходимо помнить, что одной из задач правительства было доказать населению самозванство Пугачева. Об этом свидетельствуют некоторые меры правительства: посылка в район восставших людей, знавших покойного императора Петра Федоровича, рассылка портретов Пугачева и пр. И теперь, когда Пугачев был в руках правительства, не вызывает сомнения, что вопрос о самозванстве Пугачева должен был получить логическое завершение - предъявлением народу, «бунтовщика и самозванца Емельки Пугачева». А заключение в клетку полностью соотносилось с традициями шельмования государственных преступников. Что и было проделано, но только после привоза Пугачева в Москву.

За неделю до казни Пугачев сидел в клетке, закованный в кандалы. В это время он содержался в бывшем помещении 2-го Департамента уездного суда и демонстрировался народу. С этого времени известия гравюра, изображающая Пугачева в клетке, исполненная с рисунка фон-Петерсона²⁷. Клетка и кандалы Пугачева сохранялись в Московском публичном музее. Так что, приписывать Суворову авторство идеи о клетке для Пугачева, нет оснований.

Чтобы еще больше прояснить вопрос с клеткой, приведем на этот счет мнение одного из исследова-

телей пугачевской темы генерала от инфантерии Д.Г.Анучина:

«Едва ли правда, что Пугачев был везен в клетке. Рычков²⁸ говорит, что для отвоза Пугачева сделана была на подобие клетки особливая на двух колесах телега, куда он посажен по рукам и ногам окованный.

У Пушкина, очевидно основавшего свой рассказ на словах Рыčkова, выходит иначе; он прямо говорит: «Пугачев сидел в деревянной клетке на двухколесной телеге».

Таким образом, двухколесная телега наподобие клетки вышла у Пушкина клеткой на двухколесной телеге. Без сомнения, в Яицком городке не было особого экипажа, годного для Пугачева, а смастерили какую-нибудь одноколку, и вот изустное предание сделало из нее клетку и поставило у нее, как бы на часах, Суворова»²⁹.

Кроме Рыčkова имеется еще один свидетель - это П.С.Рунич, который прямо указал, что Суворов для Пугачева приказал «заготовить кибитку открытую, которую и прозвали простолюдимицы клеткою».

3 октября 1774 г. граф Панин донос Екатерине II: «В навечерии моего в сей город (Симбирск - А.Е.) прибытия неспервейшейший и неумоленный генерал-поручик и кавалер Суворов под собственным своим надзиранием привез сюда злодея Пугачева, первую его доискую жену с невозрастным сыном, отбитый им в казанском форштате, а ныне обще с ним государственным злодеем появившихся в наши руки»³⁰.

Встречу графа Панина с Суворовым подробно описал П.С.Рунич: «При утрении на другой день, в 7 часов, рапорте, напел я у графа в кабинете одного только генерал-майора Павла Сергеевича Потемкина, приехавшего накануне из Казани; спустя минут пять вошел в оный генерал-поручик Александр Васильевич Суворов, которого граф встретил с восторгом и приветствовал его с величайшими похвалами за все его подвиги и действия относительно поимки Пугачева. За это генерал-поручик Суворов чуть-чуть не с поземельными поклонами благодарил графа. Но генерал-майор Потемкин с особую скромностью слушал сии похвалы, а притом смотрел на поклоны генерал-поручика Суворова с неким недоумением и тайною улыбкою»³¹.

В донесении Екатерине II от 3 октября 1774 г. граф Панин очень высоко оценил заслуги Суворова: «побуждаясь истинным моим верноподданническим усердием ... сим еще сделать торжественное повержение в монаршее Вашего Величества всемиростивейшее признание и благоволение оказанных при столь важном государственном приключении весьма больших заслуг, предприимчивостей редко-примерных, а неумоленности и трудов почти выше сил человеческих генерал-поручика Суворова и гене-

рал-майора князя Голицына, которые по степи с худейшею пищею рядовых солдат, в погоду несноснейшую без дров и без зимняго платья, с командами приличествующими больше чинам майорским, нежели генеральским, гонялись до последней крайности злодея»³².

На представление графа императрица ответила собственноручным письмом от 19 октября: «... труды же предприимчивости и неумоленности ген. пор. Суворова и ген. м. князя Голицына я весьма похваляю и вам поручаю им объявить мою благодарность за сию государству и общему делу оказанную услугу»³³. Такова была официальная реакция Екатерины II.

«Неское недоумение и тайная улыбка» генерал-майора Потемкина вылились в донесение императрице, которое было отослано в тот же день: «Всего горнее, всемиростивейшая государыня! что при самом первом свидании г. генерал-поручика Суворова и моего, его сиятельство (граф Панин - А.Е.) удостоил пред целым народом изъяснить благодарность господину Суворову, священным именем вашего величества и всей империи, яко бы Суворов поймав злодея Пугачева... Я не осмелюсь, всемиростивейшая государыня, вскопичию никогда произнести того, что много участвовал в поимке злодея, но как истине не заграждает уст премудрое правление ваше, то осмелюсь сказать, что имел более участия нежели господин Суворов»³⁴.

Реакция Екатерины II была выражена в письме к Григорию Потемкину: «Голубчик, Павел прав: Суворов тут участия более не имел как Томас (комнатная собачка Екатерины II - А.Е.), а приехал по окончании драк и по поимке злодея»³⁵.

Такое мнение императрицы естественно было учтено при раздаче наград. Разочарование Суворова сквозит в его письме П.И.Турчанинову от 10 февраля 1781 г.: «Не могу, почтенный друг, утаить, что я, возвратясь в обществе разбойника с Уральской степи, по торжестве замирения, ожидал себе Св(ятаго) Ан(дрея). Шпаги даны многим, я тем доволен! Обаче не те награждения были многим, да - что жалко - за мои труды»³⁶.

Закопичить же настоящую статью мы хотим словами самого Александра Васильевича: «... сам не чинил пилде, ниже чинить повелевал, ни малейшей казни, разве гражданскую, и то одним безправным зачинщикам, по усмирив человекалюбивною ласковостию, обещанием высочайшей императорско-го милосердия»³⁷.

1Лопатин В.С. Потемкин и Суворов. - М., «Наука», 1992. С.24.

2 Курцев С.Д., Гугуева Н.М. Александр Суворов. - М., «Олимпик»; Смоленск, «Русич». 1998. - «Портреты великих». С.110,112. Настоящая книга вышла в серии «Библиотека школьника» тиражом 1000 экземпляров.

3 Анучин Д. Участие Суворова в усмирении пугачевщины и поим-

ка Пугачева. «Русский Вестник». 1868. Т.78. С.9. (далее Анучин).
 4 «Г. генерал-поручику и кавалеру Суворову по указу из военной коллегии... к вновь назначенной команде немедленно бы ехать приказал. В сем случае я не мог на оное поступить их уважения, что сия его отлучка подала бы неприятелю подтверждение по делам Оренбургским, кои они воображают себе быть для нас крайне опасными». (Цит. по: Анучин, С.9).
 5 Пушкин А.С. Сборник сочинений. Т.7. М., 1962. С.96.
 6 Суворов А.В. Письма. М., 1986. С.499 (далее - СП).
 7 Сборник Русского Исторического Общества. Т.13. СПб., 1874. С.436 (далее Сб.РИО).
 8 Суворов А.В. Документы. Т.1. М., 1949. С.702 (далее СД).
 9 СП. С.499.
 10 СД. С.44.
 11 Анучин. С.13.
 12 Антинг Ф. Жизнь и военные деяния генералиссимуса князя Итальянского графа Суворова Рымникского. Ч.1. СПб., С.151.
 13 СД. С.44.
 14 Записки сенатора Павла Степановича Рунича о пугачевском бунте. «Русская Старина». 1870. Т.2. С.253 (далее - Рунич).
 15 Цит. по: Анучин. С.13.
 16 Рунич. С.253.
 17 СД. С.45.
 18 Вот одно из них: «... слышал еще в 1-ю турецкую войну ...что его превосходительство не терпит, чтоб кто-нибудь без его позыва... к нему являлся. Оставаясь на своем месте, увидели, что его превосходительство соскочил с лошади, которую принял казак и, воткнув свою пикву в землю, привязав генеральскую и свою лошадь к ней, и бросился вместе с его превосходительством терсбить из стога сено и стали класть в одну кучу, которую казак зажег... а его превосходительство, скинув мундир, положил его на землю, пригнул ноги

и выдернул рубашку, которую и поднял на голову, поворотился спиной к огню и кругом оного пожаривал себе спину; а потом поворотился к огню брюхом, кругом оного подогревался, после чего, надев мундир, завернулся в плащ, лег на приготовленную им из стога постель, положил в головах седло с его лошади почивать у стога...» (Рунич. С.322, 323).

19 СД. С.45.
 20 Цит. по: Анучин. С.22.
 21 СД. С.45.
 22 СП. С.36.
 23 Рунич. С.345.
 24 СП. С.36.
 25 СД. С.45.
 26 Рунич. С.346.
 27 Ровинский Д.А. Подробный словарь русских портретов. Т.3. СПб., 1888. - Стб.1836-1838.
 28 Рычков Петр Иванович (1712-1777) - член-корреспондент Петербургской Академии Наук в 1770-1777 гг. - директор Оренбургской соляной конторы; автор «Осады Оренбурга».
 29 Анучин. С.28.
 30 Сб.РИО. Т.6. СПб., 1871. С.166.
 31 Рунич. С.350, 351.
 32 Сб.РИО. Т.6. СПб., 1871. С.157.
 33 Там же. С.161.
 34 «Русская Старина». 1870. Т.2. С.410.
 35 Сб.РИО. Т.13. СПб., 1874. С.446.
 36 СП. С.76. Здесь необходимо уточнить, что Суворов желал получить орден Св. Андрея Первозванного совокупно за заслуги в турецкую войну и за участие в подавлении пугачевщины.
 37 СД. С.44.

Цамутали А.Н.

Доктор исторических наук,

Заведующий отделом С.-Петербургского филиала Института Российской истории РАН.

Н.А.Орлов и его труды о А.В.Суворове.

Во второй половине XIX в. русские военные историки уделяют большое внимание А.В.Суворову, его полководческой деятельности, применявшимся Суворовым методам обучения и воспитания. В этот период появляются посвященные Суворову труды Д.А.Милюткина, А.Н.Петрова, А.Ф.Петрушевского, М.И.Драгомйрова, Н.Ф.Дубровина, других военных историков. К столетию со дня смерти Суворова профессором Николаевской Академии Генерального штаба издали двухтомный сборник статей: «Суворов в сообщениях профессоров Николаевской Академии Генерального штаба. Тт. 1-2 (СПб., 1900-1901). Как бы подводя итог, давая общий вывод, вытекающий из этих статей, Н.П.Михневич от имени участников сборника, профессоров академии писал: «... мы с полным беспристрастием и убеждением заявляем, что великий русский фельдмаршал Александр Васильевич Суворов должен быть поставлен в число великих полководцев». Общая характеристика исторических трудов, посвященных этому периоду, периоду усиленного изучения суворовского наследия, дана в обстоятельной статье А.Г.Кавтарадзе «А.В.Суворов в отечественной историографии».¹ Среди военных историков, писавших о Суворове, много

ярких имен. Тем не менее, и на их фоне незаурядной фигурой был Николай Александрович Орлов.

Н.А.Орлов получил разностороннее образование и был человеком с широким кругом интересов. Орлов окончил 2-ю Московскую военную гимназию и Михайловское артиллерийское училище. Службу в одной из артиллерийских бригад совмещал с литературной деятельностью, был корреспондентом популярной и либеральной газеты «Голос». В 1878 г. поступил в Николаевскую Академию Генерального штаба, которую окончил в 1881 г. двадцати девяти лет от роду.

Во время обучения Орлов подготавливает свой первый военно-научный труд «Об операциях с целью замедления и воспрепятствования блокады и осады крепости», напечатанный в «Военном сборнике». Службу в должности старшего адъютанта в штабе сначала 1-го армейского, затем гвардейского корпуса Орлов сочетает с преподаванием тактики и военной истории в 1-м Павловском военном училище и Пажеском корпусе. Одновременно он участвует в составлении «Энциклопедии военных и морских наук», исполняет обязанности помощника главного редактора, каковым был известный военный теоретик и историк генерал Г.А.

Леер. С 1884 г. Орлов служил в Военно-ученом комитете Главного штаба. В это время он много времени и внимания уделяет воздухоплаванию и его использованию в военном деле. В 1886 г. Орлов во время больших маневров под Брестом командует воздухоплавательным парком одной из сторон, впервые в русской армии использует воздушный шар для наблюдения и совершает свободный полет над Беловежской пушей. За полетом с интересом наблюдает присутствующий на маневрах император Александр III. В 1893 г. Орлов был командирован во Францию.

У Орлова хватает времени не только на практическое и теоретическое освоение воздухоплавания. Он преподает тактику и занимается военной историей. Его привлекает суворовская тема, и в 1892 г. Орлов печатает диссертацию "Суворов. Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 г." Защита диссертации приносит ему звание экстраординарного профессора академии Генерального штаба, а с 1894 г. он уже ординарный профессор. Орлов читает курс элементарной тактики, а по военной истории – военные действия русской армии в 1813 г. и в 1831 г. Но одновременно очень много внимания Орлов уделяет полководческой деятельности Суворова. Суворовские походы Орлов исследовал, обратившись к хранившимся в архивах документам. В 1890 г. к столетию со дня взятия Измаила вышла в свет книга Орлова "Штурм Измаила Суворовым в 1790 году". (СПб., 1890). В последующие годы были изданы еще несколько книг, написанных Орловым о Суворове и суворовских походах: "Штурм Праги Суворовым в 1794 году". (СПб., 1894), "Суворов на Требии в 1799 году". (СПб., 1895). Наряду с подготовкой монографических исследований Орлов готовит книгу по сохранившимся запискам обер-офицера Грязева: "Поход Суворова в 1799 г. (по запискам Грязева)". (СПб., 1898). Перу Орлова принадлежали также книги "Тактика Суворова" и "Суворов как представитель славянства". В 1898 г. Орлов вновь был в командировке во Францию. Помимо исполнения прямых служебных обязанностей он занимался и историей суворовских походов. Результатом занятий в архиве генерального штаба Французской армии было в частности выявление Орловым многочисленных документов, освещавших военные действия Суворова в Италии и Швейцарии. Собранные Орловым рукописные документы составили 4 больших тома, переданных в Музей А.В. Суворова, где они и хранятся.

Военную службу Орлов сочетал с литературной деятельностью, был, как говорили в то время, военным писателем, кстати сказать весьма плодотворным. Он сотрудничал в многочисленных печат-

ных изданиях, среди которых были "Военный сборник", "Инженерный журнал", "Исторический вестник", "Разведчик" и другие журналы, "Голос", "Русский инвалид", "Новое время" и другие газеты. Орлов написал и издал несколько книг, как на современные темы, такие, как стратегический очерк "Итальянцы в Абиссинии. 1870-1896." (СПб., 1898), так и на исторические темы, такие как "Гвардейские егеря при Павле Петровиче" и "Парижский архив генерального штаба".

В 1899 г. Орлов был произведен в генерал-майоры, а в 1900 г. перешел на строевую службу. При этом он участвует в боевых действиях. В Китае во время боксерского восстания он командует отрядом. Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. Орлов командует дивизией.

После русско-японской войны Орлов остается на строевой службе, командует дивизией, но одновременно возобновляет занятия военной историей. По-прежнему круг его интересов разнообразен, о чем свидетельствует названия книг: "Забайкальцы в Маньчжурии: очерк похода Хайларского отряда", "Сражение при Грюнвальде в 1410 году", "Война за освобождение Германии в 1813 г. и низложение Наполеона в 1814 г.", "Усмирение польского мятежа в 1831 г. и в 1863 г."

Орлов деятельно сотрудничал в "Военной энциклопедии", издававшейся И.Д.Ситыниным. Среди его статей наиболее значительными были: "Наполеон I" (т. XVI), "Клаузевиц" (т. XII), "Леер Г.А.", (т. XIV), "Ллойд Генрих" (т. XV). В энциклопедических статьях Орлов неоднократно обращался к суворовской теме. В статье "Нравственный элемент в военном деле" он отметил собственные Суворову заботу о солдате и его приемы и методы воспитания. (т. XVII. С.49). Орловым были написаны обстоятельные статьи "История военного искусства" и "История военная" (т. XI). В первой из этих статей Орлов на общем фоне развития военного искусства выделил мастерство русских полководцев второй половины XVIII в., уделив при этом особенное внимание Суворову. Собрав в своих монографиях большой фактический материал по ряду сражений и походов русских войск под командованием Суворова, в энциклопедических статьях Орлов дал обобщающую оценку полководческого искусства Суворова.

Орлов писал, что, если при Петре III в Россию "тоже было пришло подражание пруссакам, то при Екатерине II русское военное искусство, руководимое рядом талантливых полководцев, снова двинулось по самостоятельному пути: хотя пользовались теми же западно-европейскими приемами, линейной тактикой, но вносили в свои действия дух тактики глубокой".² Из числа русских полководцев второй

половины XVIII в. Орлов помимо Румянцева выделял Суворова, о котором писал: "Общая картина подвигов Суворова в 1773 г. под Туртукасом, Гирсовом, в 1774 г. под Козлуджей, в 1787 г. под Кипбурном, в 1789 г. под Фокшанами и Рымником, в 1790 г. под Измаилом, в 1794г. в польскую войну и при штурме Праги, так самобытна, что не может быть подведена под западно-европейские шаблоны". По мнению Орлова, Суворов – "великий полководец", который был "истинным представителем русского военного искусства".³ Достоинства Суворова, как полководца, Орлов видел в том, что тот "обладал исключительным для того времени образованием, огромной начитанностью, владел многими иностранными языками и продолжал пополнять свои знания до конца дней". В статье Орлова были подчеркнуты новаторские черты русской военной школы: "Мастерство обучения и боевая подготовка русских войск Румянцевым, Потемкиным и Суворовым были основаны на принципах самостоятельности, частного почина, уважения к человеческому достоинству каждого, внушении понятий о высшем назначении воина, патриотизма, религиозности и наступательного порыва". Полагая, что в конце XVIII – начале XIX вв. наступил революционный период в развитии военного искусства, Орлов писал, что к этому времени наиболее дальновидные военные деятели поняли, что "европейские приемы войны обветшали, и на смену им идут другие способы". В числе тех, кто еще до Французской революции понял необходимость таких перемен, Орлов относил и Суворова.⁴

Орлов считал, что успешное развитие русского военного искусства было замедлено при Павле I. По этому поводу он писал: "Если бы Россия продолжала идти по пути, указанному военными сотрудниками Екатерины II, то она не отстала бы от Франции, но с воцарением Павла I в 1796 г. в России начали подражать прусским образцам, русское

военное искусство сделало большой шаг назад". При этом Суворова Орлов считал антиподом павловской системы, и при Павле I упрямо продолжавшим лучшие традиции русской полководческой школы. Орлов писал, что "Все-таки на царствование Павла выпадает блестящая деятельность русских войск в Италии и Швейцарии, в 1799 г. дающая высочайшие образцы русского военного искусства". В качестве доказательства Орлов ссылаясь на "сражения на р. Адда, Требия, фланговый марш после занятия Милана, действия по внутренним линиям против Моро и Макдональда, сражение при Нови и т.д." Эти сражения, по мнению Орлова, "представляют художественные создания Суворова в области тактики и стратегии".⁵

Успех русских войск в Италии и Швейцарии Орлов объяснял тем, что Суворов, по существу своему, принадлежит временам екатерининским, а не павловским", тем что "Суворов совершил свои подвиги вопреки павловской системе, при условиях крайне неблагоприятных". Смысл полководческого мастерства Суворова Орлов видел в том, что, "применяя формы липпейной тактики, он вносил в нее дух тактики глубокой и комбинировал сражения именно сообразно с принципами последней..."⁶ Суворов, подчеркивал Орлов, "не только проявлял образцы военного искусства, но и формировал их выражением: порознь двигаться и вместе драться, впоследствии повторенным Наполеоном и Мольтке".⁷

1 Кавtarалдзе А.Г. А.В.Суворов в отечественной историографии. / / Александр Васильевич Суворов. К 250-летию со дня рождения. М., 1980. С.6-71.

2 Орлов Н.А. История военного искусства. // Военная энциклопедия. Изд. И.Д.Сытина. Т. XI. СПб, 1913. С.95.

3 Там же. С. 95-96.

4 Там же. С. 96.

5 Там же. С. 98.

6 Там же. С. 98-99.

7 Там же. С. 99.

Благодатских И.М.

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории
(Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко.
Общество историков-архивистов Приднестровья).*

А.В.Суворов в исторической памяти Приднестровья.

Имя А.В.Суворова связано с героической эпохой российской государственности, с эпохой, когда Российской империей были реализованы важнейшие стратегические задачи - вытеснение Османской империи из северного Причерноморья и утверждение за Россией побережья Черного и Азовского морей. В историю Молдавии вписано немало ярких и трудных страниц эпохи русско-турецких войн XVIII-XIX вв. Исторические памятные места,

скульптурные изваяния, символические знаки напоминают о подвигах русского оружия, об именах выдающихся российских полководцев и государственных деятелей - П.А.Румянцева, Г.А.Потемкина, А.В.Суворова, М.И.Кутузова¹.

В советские годы именами российских полководцев были названы улицы городов, районы, населенные пункты Молдавии. В начале 60-х годов на юге Молдавии, в долине нижнего течения Дне-

стра - одной из неповторимых южных микрозон виноградарства и виноделия - был построен на месте небольшого селения поселок городского типа Суворово, давший название району республики. Суворовское агропромышленное объединение Молдавинпрома включало в себя 11 совхозов-заводов, выпускавших знаменитые пуркарские вина из красных сортов винограда². Одно из сел Вулканештского района также носило имя Суворова. Примечательным является факт, что среди 600 природных объектов и комплексов, взятых Постановлением Совета министров МССР от 8 января 1975 г. под государственную охрану был и "дуб Суворова"³. Это вековое дерево, состоящее из трех стволов, высотой 18 м., произрастает на южной окраине с. Раскайцы.

В конце 60-х годов имя А.В.Суворова упоминалось в связи с обсуждавшимся в этот период предложением о слиянии городов Бендеры и Тирасполь, центры которых находятся всего в 12 км на разных берегах Днестра⁴. Это предложение было обосновано в проекте районной планировки Молдавского экономического района, предполагалось, что слияние городов позволит решить вопросы размещения промышленности и новых жилых районов, улучшить условия роста нового объединенного города. Кроме того, архитекторы предполагали, что обрывистость бендерского берега позволит интересно решить застройку, создав величественную панораму со стороны расширяющегося к Днестру Тирасполя.

Наибольшее значение имя А.В.Суворова имело для Тирасполя, одного из самых развитых промышленных центров Советской Молдавии. А.В. Суворов является основателем города, хотя в обсуждении этого вопроса в разные годы вкралось немало ошибок и просто недоразумений. Так, в работе В.Ф.Смирнова "Градостроительства Молдавии XIX - XX веков", изданной в Кишиневе в 1975 г. (издательство "Карта молдовеняскэ") утверждалось, что город был основан в 80-е годы XVIII в. русским полководцем А.Суворовым у крепости "Средней" в противовес турецким Бендерам⁵.

Долгое время в краеведческих изданиях советских лет в качестве даты основания Тирасполя приводился 1792 год, что внесло разночтения в вопрос об основании города именно А.В.Суворовым.

По мнению большинства краеведов, крепость Срединная была заложена при личном участии А.В.Суворова 22 июня 1793 г.,⁶ но свою историю по сложившейся традиции город ведет с 1792 г. День города отмечается 14 октября, в день основания первого городского православного храма -

церкви Покрова Божьей матери (1798 г.).

Особое значение для Тирасполя имело сооружение в 1979 г. памятника А.В.Суворову⁷. В фондах Тираспольского государственного объединенного музея (ТГОМ) хранятся материалы, связанные с проектированием и исполнением памятника. Местные жители наблюдали с большим интересом за тем, как устанавливался пьедестал, монтировалась самая большая в городе бронзовая скульптура весом в 23 тонны и высотой 9 метров. 23 ноября 1979 г. на центральной площади, площади Советской Конституции, состоялся митинг, посвященный торжественному открытию памятника. Право на это было предоставлено уроженцу г. Тирасполя, герою Советского Союза, кавалеру ордена Суворова В.А.Бочковскому⁸. Авторы памятника - московские скульпторы братья Владимир Алексеевич и Валентин Алексеевич Артамоновы, архитекторы - Ярослав Григорьевич Дружинин и Юрий Григорьевич Чистяков. Памятник был отлит на заводе художественного литья в Ленинграде, удостоен золотой медали Академии Художеств им. Вучетича. А.В.Суворов изображен стоящим на стременах, с поднятой вверх рукой, без головного убора, с развевающимся плащом, в его скульптурном облике воплощена сила духа, уверенность в победе.

Памятник является достопримечательностью Тирасполя, его центром, площадью, на которой он расположен, местом официальных мероприятий, республиканских и городских праздников. Памятник воспет в поэтических произведениях приднестровских авторов. Директор ТГОМ А.А.Мельничук написала такие строки:

*"Московских скульпторов дуэт
Из бронзы искру высек,
В металле, но живой,
Среди тираспольчан
Стоит на стременах
Неудержимый вихрь,
Суворов на коне,
Любимец горожан"*⁹

Председатель городской писательской организации О.А.Юзифович посвятил "приднестровскому Суворову" проникновенные строки:

*Суворовский парад над Днестром.
Сколько б не случилось в жизни споров,
Сколько б каверз не творилось в нем,
Но генералиссимус Суворов
Будет на коне перед Днестром!..
...Под копыта блики ложатся
Степью травяного шатра.
Чудо-край в российские святицы
Вписан по седьны Днестра.
Есть где войску тут порезвиться,*

*Турок не спасет и свинец,
Все узнают страны-столицы:
Пуля-дура, штык-молодец!
Русские колонны на марше,
Чудо-богатырская рать
Знает: боевой их фельдмаршал
Миловать ведет и карать.
И вдали от Невской Пальмиры
Русскому орлу не перечь:
Скажут на весь мир канониры
Пушечную, трюнную речь!
Стелется трава под копыта,
Роса не удержит следа.
Мчится за фельдмаршалом свита
И пока не знает куда.
Вот, остановив шиходца,
смотрит он с улыбкой кругом.
Здесь штандарт российский взвоется!
Будет крепость - Русь над Днестром!...
По тому великому слову
Крепость стала тут, вырос град!
И со скакуна граф Суворов
Вечно крестит русский парад!¹⁰*

В результате событий начала 90-х годов Молдавия пережила глубокие политические и военные потрясения, что завершилось ее территориальным расколом.

Одновременно с развалом единой молдавской государственности, формированием политических систем Республики Молдова (г. Кишинев) и Приднестровской Молдавской республики (г. Тирасполь) происходили изменения в историческом образовании, науке и, как следствие, историческом сознании населения. Важнейшей общей тенденцией их развития стала крайняя степень политизации исторической науки, ставшей фактором политической борьбы. При этом для молдавской историографии характерна общая линия на пересмотр научного и культурного наследия, отторжение советского опыта, глобальная смена историко-культурных ориентаций, следствием которой стала негативная оценка роли России и Советского Союза в судьбах населения Бессарабии, разработка истории Молдавии как "румынской земли"¹¹. Румынизация стала не только важнейшей составляющей исторической науки и образования Молдовы, она изменила облик молдавских городов. В 1990 г. организованно прошла кампания переименований: пгт Суворово получил имя государства Штефан-Воде, а с. Суворово Вулканештского района - князя Александру Иона Кузы, провозгласившего объединение Молдавии и Валахии в 1861 г., что стало актом рождения единого румынского государства. Из городов Молдовы исчезли названия улиц, связанных с именами российских

и советских полководцев, государственных деятелей. Образ России в историческом образовании и науке Молдовы приобрел устойчивую негативную трактовку.

Иным образом развивались события в Приднестровье. Качественно новый период в изучении истории региона связан с последствиями приднестровского конфликта и провозглашением Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики 2 сентября 1990 г. (5 ноября 1991 г. Постановлением Верховного Совета внесено изменение в название республики - Приднестровская Молдавская Республика). Особое значение приобрело в связи с необходимостью обозначения приднестровской государственности написание "полной, всеобъемлющей картины истории Приднестровья с древнейших времен до наших дней"¹², создание концепции исторического образования. В концепции, принятой решением Коллегии Министерства народного образования ПМР в декабре 1999 г., определены важнейшие принципы развития исторической науки и образования в ПМР:

- социально-экономические и общественно-политические интересы Приднестровья ориентированы на российское пространство;

- строительство государственности ПМР требует глубокого и всестороннего изучения и осмысления исторических процессов, происходящих в этом регионе¹³.

Существование уже в течение десятилетия де-факто независимого государства в Приднестровье стимулировало появление обширной краеведческой литературы. Настоящий краеведческий бум, произведенный усилиями профессиональных историков, писателей, журналистов, любителей краеведов, привел к созданию монографических исследований, брошюр, проспектов, освещающих историю городов, сел, памятников, предприятий Приднестровья.

Особое звучание в 90-е годы получил образ А.В. Суворова, приобретший черты "национального героя Приднестровья". Основатель Тирасполя стал символом и знаковой фигурой всей приднестровской истории. Начало этому было положено в 1992 г., когда спустя всего лишь несколько месяцев после окончания вооруженного противостояния летом 1992 г., было принято решение отпраздновать 200-летие основания г. Тирасполя. Юбилей прошел в соответствии с многодневной программой (в течение 4 дней было проведено около 40 мероприятий) и имя А.В.Суворова как синоним блестящих побед русского оружия вызывало в те дни понятные аналогии. По заказу городской администрации Ленинградским Монетным двором были изготов-

лены настольные юбилейные медали, подчеркивающие роль Суворова в создании Тираспольской крепости (исполнитель А.Каплий). Еще более грандиозным стало празднование 205-летнего юбилея основания города. В рамках юбилея с 9 по 12 октября 1997 г. была проведена обширная программа культурных мероприятий: конкурсы, передачи на радио, телевидении, экспозиции, выставки, театрализованный митинг, спортивные мероприятия. Знаменательным событием стало открытие 10 октября 1997 г. памятника выдающемуся российскому полководцу М.И.Кутузову. В праздновании приняли участие представители России, Украины, Белоруссии, Болгарии. Центром всех праздничных мероприятий стала центральная площадь г. Тирасполя, с 1992 г. носящая имя А.В. Суворова.

Особый вклад в популяризацию имени А.В. Суворова внесла денежная система ПМР. В декабре 1993 г. в платажный оборот на территории ПМР Постановлением Верховного Совета ПМР с целью создания собственной денежной системы были введены банковские билеты СССР и Российской Федерации образца 1961-1992 гг. (достоинством в 10, 25, 100, 500, 1000, 5000 и 10000 рублей) со специальной маркировкой, представляющей собой специальную непочтовую марку с изображением А.В.Суворова (с портрета И.Шмидта 1800 г.)¹⁴. Марки крепились в центральной верхней части широкого белого поля на лицевой стороне купюр, использовались различные цвета для портрета и фона марки. В течение короткого времени была проведена громоздкая работа по наклейке обычным канцелярским клеем марок на советские и российские рубли, выведенные к этому времени из обращения в Российской Федерации и других республиках бывшего Советского Союза. Использование таких денег, получивших в обиходе название “суворики”, было неудобным, марки отклеивались, копировальная техника создавала проблемы, с ростом инфляции и увеличения денежной массы сверка соответствия купюр с маркировкой стала затруднительна, и со всей серьезностью был поставлен вопрос о выпуске собственных денег.

Приднестровский рубль был введен в обращение Постановлением Верховного Совета ПМР и указом президента ПМР И.Н.Смирнова 17 августа 1994 г.¹⁵. На лицевой стороне большинства купюр - портрет А.В.Суворова (с работы И.Шмидта), оно дополнено, иногда заменено полным изображением на лицевой и схематичным на оборотной стороне купюры памятника А.В.Суворову.

Денежная система Приднестровья пережила немало потрясений, связанных со сложным социально-экономическим положением республики в

90-е годы, с последствиями непризнанности. Поэтому приднестровская бонистика включает в себя и вышедшие из употребления купоны Приднестровского банка (достоинством 1, 5, 10, 50, 100, 200, 500, 1000, 5000 рублей) и никогда не бывшие в обращении денежные знаки, своего рода “нотгельды”.

Особое место занимает образ А.В.Суворова в фалеристике Приднестровья¹⁶. 30 июля 1992 г. вышел указ Президента ПМР И.Н.Смирнова об “учреждении государственных наград ПМР”. Одним из учрежденных высших наград ПМР - орден “За личное мужество”, по своей композиции напоминающий ордена периода Великой Отечественной войны, несущий в центральной части образ великого полководца. Изображены памятника А.В.Суворову - на медали “Защитника Приднестровья” и нагрудном знаке “За оборону Приднестровья”, выполненных, также как и орден “За личное мужество” на Санкт-Петербургском Монетном дворе в 1993-1995 гг. Выпущены также значки с изображением памятника А.В.Суворову.

Перечень объектов, на которых использована суворовская символика обширен: денежные знаки, наградные знаки и значки, эмблемы “шапки” приднестровских газет, приглашения на различные республиканские, городские культурные и спортивные мероприятия, обложки краеведческих изданий, почтовые конверты и картинки, почтовые и непочтовые марки, выпелы, нашивки молодежных организаций, нарукавные знаки республиканской гвардии, календари различных типов, визитки должностных лиц, телефонные карты, рекламные щиты, грамоты, дипломы правительственных и общественных организаций, канцелярские предметы правительственной службы¹⁷.

В 1999 г. по заказу приднестровской фирмы “Шериф” изготовлена упаковка для цейлонского чая высшего сорта “Граф Суворов” с изображением памятника.

Особо следует отметить продукцию Тираспольского вино-коньячного завода, одного из старейших предприятий Приднестровья, составляющих и сегодня его гордость. Ассортимент выпускаемой заводом продукции в советские годы и сейчас разнообразен: в него входят виноградные столовые, десертные вина, портвейн, мускат, кагор, вермут, а такжеординарные и марочные коньяки, приготвленные из спиртов, заложенных в послевоенные годы¹⁸. Среди приднестровских коньяков наиболее известными марками являются “Дойна”, “Нистру”, “Сюрпризный”, “Юбилейный”, “Солнечный”. Гордостью тираспольских специалистов является самый старый в Приднестровье коньяк 40-летней выдержки “Суворов”, изготовленный в 1992 г. к

200-летию основания Тирасполя.

Очевидно, что за последние годы образ русского полководца А.В.Суворова стал своего рода историческим клише, которое проявилось во всех сферах жизни общества, это свидетельствует о масштабном проникновении образа великого полководца в повседневность города и республики. По материалам анкетного опроса, уже в течение 3 лет проводимого автором среди студентов первого курса исторического факультета ПГУ им. Т.Г.Шевченко, А.В.Суворов занимает по числу положительных ответов на вопрос "о роли исторического деятеля в истории Вашего народа" второе место, уступая лишь Петру I.

Высокая степень "суворизации" позволяет говорить об уникальности ситуации и о фактическом существовании единственной в своем роде "суворовской республики". Вполне самостоятельное значение ныне имеет памятник А.В.Суворову, который стал не только символом всего Приднестровья, но и приобрел черты "приднестровского Суворова", возможно, отличные от своего реального прототипа. Причины, по которым именно Суворов был стихийно призван на роль "национального исторического героя", на наш взгляд, заключаются, прежде всего, в масштабе исторической личности, связанной с историей приднестровских земель, а также с пророссийской ориентацией населения Приднестровья, связывающего свои надежды и будущее с Россией. Именно эти факторы оказались определяющими, несмотря на наличие в историческом сознании населения Приднестровья и других героев (Т.И.Кожовский, Иван Солтыс, В.Ф.Раевский, П.Вершигора).

Опасность выхолащивания образа выдающегося русского полководца А.В.Суворова осознается в профессиональной среде историков, краеведов, преподавателей Приднестровского государственного университета, средних учебных заведений. Несмотря на сложные проблемы, существующие в музейном деле Приднестровья, недостаточность исторических материалов XVIII в. в фондах ТГОМ и других музеев ПМР, проводится большая работа по популяризации биографии А.В.Суворова, его роли как основателя города. Об этом свидетельствуют публикации в сборниках "Из истории родного города" под редакцией А.А.Мельничук и Н.В.Дымченко, в "Ежегодном историческом альманахе Приднестровья", издателем которого является Республиканское управление культуры. В 1998 г. на территории 8-ой отдельной бригады миротворческих сил РФ был открыт Музей А.В.Суворова, создателем которого является краевед, художник Г.З.Бронза, ведущий уже в течение нескольких десятилетий подвижническую

деятельность в деле сохранения суворовского наследия в Приднестровье.

Созданное в 1999 г. Общество историков-архивистов Приднестровья выдвинуло для реализации целую программу мероприятий, красной нитью которых стала суворовская тема. В настоящее время осуществляется школьный проект, представляющий собой республиканский конкурс исторических сочинений. Старшеклассникам и учащимся средних специальных заведений было предложено не только изложить факты личной биографии А.В.Суворова, истории русско-турецких войн, но и поделиться своими размышлениями о роли и значении А.В.Суворова в современной жизни нашего края. В октябре этого года в Тирасполе будет проведен международный научный семинар "Суворов глазами современников и потомков", в рамках которого состоится обсуждение как научно-исследовательских, образовательных проблем, так и организации музейного дела в республике.

1 Ульянов В., Пилат И. Исторические места и памятники Молдавии. Кишинев, 1977; Демченко Н.А. Памятники русскому полководцу П.А.Румянцеву в Молдавии // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 1998. №2.

2 Вина и коньяки Молдавии. М., б.г. С. 51-54.

3 Кравчук Ю.П., Верина В.Н., Сухов И.М. Заповедники и памятники природы Молдавии. Кишинев, 1976. С.258.

4 Смирнов В.Ф. Градостроительство Молдавии XIX-XX веков. Кишинев, 1975. С. 104-105, 107.

5 Там же, С. 5.

6 Дорох Т.П. Тираспольская крепость. Тирасполь, 1992; Полушин В. Тирасполь на грани столетий. Книга первая. Тирасполь, 1995. С. 64; Маруна Е.Е. Франц де Волан Тираспольская крепость // Из истории родного города. Тирасполь, 1997. Вып.1. С. 11-20.

7 Буторина М.А. А.В.Суворов - полководец, человек. // Из истории родного города. Тирасполь, 1998. Вып.2. С. 3-7.

8 Вакула Н.Д. Памятники Тирасполя. // Из истории родного города. Тирасполь, 1998. Вып.2. С. 50-53; Stati V. Istoria Moldovei in date. Chisinau. 1998. P. 388.

9 Днестровская правда. 13 октября 1998 г. С. 8.

10 Там же. С. 1.

11 Благодатских И.М. Молдова и Приднестровье в поисках "своей" истории // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С. 195-203.

12 Первый том "Истории ПМР" планируется издать к 10-летию юбилею республики (2 сентября 2000 г.).

13 Концепция исторического образования в ПМР // Личный архив автора. С. 3.

14 Непризнанная республика: Очерки, документы, хроника. Т.1. М., 1997. С. 269-271.

15 Там же. С. 278-279.

16 Зенкин А.М. Значки и нагрудные знаки Тирасполя (1945-1999) / Каталог-справочник. Библиотека ТГОМ; Его же. С именем и образом великого Суворова... / Библиотека ТГОМ.

17 Автор выражает благодарность за помощь в сборе материалов с суворовской символикой членов Общества историков-архивистов Приднестровья З.Г.Тодорашко, Н.В.Дымченко, Д.В.Павлюченко.

18 Сутягина В., Феч Ю. Юбиляру - 70. Кишинев, 1967.

Деятельность русской гражданской администрации в период русско-турецких войн конца XVIII в. (экономический аспект).

Значительная часть жизни А.В.Суворова была связана с ведением боевых действий, сражениями и победами во славу русского оружия. Конец XVIII века принёс блистательные победы России в борьбе против османской Турции. Русско-турецкие войны стали ещё одним этапом в общей исторической судьбе России, приднестровских земель и таких выдающихся государственных деятелей как П.А.Румянцев, А.В.Суворов и Г.А.Потёмкин.

Исследование внешней политики России на Балканах, отношений с Османской империей, хода русско-турецких войн и их результатов продолжает привлекать внимание значительной части историков. Однако эта многоплановая проблема содержит в себе и такой малоизученный аспект, как торговые отношения между русскими и молдавскими землями в указанный период.

Экономические интересы государств, иницирующие деятельность дипломатов, политиков и, наконец, военных, являются цементирующей основой в отношениях между народами. Вместе с тем, общая картина экономических отношений России и Молдавских земель была бы не полной без исследования тенденций их развития в период войн, которые забрали у населения десять лет мирной жизни.

Общеизвестно то, что любая война наносит ущерб хозяйственно-экономической жизни, ослабляет торговые связи внутри страны, отрицательно влияет на состояние внешней торговли. Русско-турецкие войны не являлись исключением. Но вопреки утвердившемуся мнению, особенно в румынской историографии, о том, что торговля Молдавского княжества во второй половине XVIII века развивалась скачкообразно, приходя к полному упадку во время военных операций, документальные источники свидетельствуют об обратном.

Более того, одним из побудительных мотивов создания русской гражданской администрации на освобождённых территориях была забота российского правительства о экономическом развитии края и торговли. В свою очередь, своеобразные экономические связи в период ведения боевых действий, активизировало контакты командующих русскими войсками с представителями гражданской администрации. В их числе был и А.В.Суворов.

Подготовка Турции к войне с Россией в конце

60-х годов XVIII века истощила хозяйственные и экономические ресурсы Молдавского княжества. Вступившие в 1769 году на молдавские земли русские войска встретили разорённый край.

В донесении командующего русской армией П.А.Румянцева Екатерине II отмечалось, что «земля здесь во всём достатке опустошена, селения пусты, а жители, то от неприятели, то от заразы, переселяясь в горы, совсем опустили поля и не видно, чтоб для их собственной пищи был посеяв»¹.

В ордере главнокомандующего русскими войсками П.А.Румянцева генерал-майору А.А.Прозоровскому в октябре 1769 года указывается на необходимость суд и обряды, какие существовали до этого, сохранить. Их неприлично разрушать так как «всякая вводимая новость от победителя с уничтожением порядков, к коим люди приобыкли, покажется им трудною, а сих жителей больше мы привлечём верность и преданность к себе, ежели не утесним их мнения»². Русская армия вступала на территорию Молдавии в качестве освободительницы, поэтому основным принципом политики было то, что за продовольствие, фураж и предоставление подвод крестьяне и горожане будут вознаграждены. Этот порядок старалось соблюдать русское командование.

Успешные военные действия позволили русскому командованию для управления молдавским княжеством создать гражданскую администрацию, во главе которой остался молдавский Диван. С февраля 1771 года постоянным председателем Дивана становится генерал-майор А.В.Римский-Корсаков. Территория края была очищена от турецких войск и стала местом расквартирования русской армии. Командование стремилось не наносить материального ущерба здешним жителям и предпринимало меры для восстановления экономического и хозяйственного развития молдавских земель.

Русско-украинско-молдавские экономические связи получают иную, своеобразную основу и несколько видоизменяясь, продолжают развиваться по следующим направлениям:

- продажа продовольствия и фуража русской армии молдавским купечеством и местным населением;
- поездки русских купцов на территорию княжества для продажи товаров армии, а также мир-

ным жителям;

- экономическая помощь местного населения русской армии в обеспечении продовольствием, фуражом и т.д.

Заинтересованная в бесперебойном снабжении армии продовольствием русская администрация стремилась обеспечить в княжестве свободу предпринимательства.

В одном из распоряжений П.А.Румянцев поручал казначейскому служителю (камарашу) «ведать купечеством, исправляя дела до них касающиеся по их привилегиям и обычаям, защищая права и имущества их у правительства»³.

Местное купечество продавало продовольствие армии и госпиталиям, фураж для скота и другие необходимые товары.

В архиве русского командования сохранились дела по уплате денег за товары, купленные у молдавских купцов. Так, например, в 1769 году Василий Андреев и Василий Тодоров поставили для армии лошадей, ячмень и сено по существующим в княжестве ценам⁴. При строительстве шхун на Дунае у яского жителя Дмитрия Петрова было приобретено 217 пудов и 35 фунтов шерсти овечьей по 1 рублю и 60 копеек пуд, овчин невыделанных по 40 копеек каждая⁵.

Основным источником продовольствия для русской армии являлись украинские земли, откуда и осуществлялся его подвоз. Заготовка провианта шла в Малороссии, немалая часть в Польше при посредстве частных лиц. К январю 1770 года было заготовлено для нужд русской армии 53409 четвертей овса, 2079 ячменя и 180081 четвертей сена⁶. Некоторую его часть русская армия закупала у местного населения «вольной куплей», то есть по добровольному согласию жителей, по ценам существовавшим до войны.

«Жители свозили свои запасы в назначенные для закупки места, получая за них плату прямо от войск, причём часто взамен денег выдавались квитанции, по которым расплачивался молдавский Диван»⁷. Выплата денег стимулировала экономическую деятельность жителей. «Повелеть теперешним временем покупать дрова вольной куплею, - указывал в одном из распоряжений П.А.Румянцева, - тогда всякий обыватель может безопасно работать, видя добрую цену всякий охотно будет привозить для продажи дрова»⁸.

Местное купечество обеспечивало армию продовольствием путём взятия в откуп поставку определённого вида продуктов. Так, купцы Кантор Чёрный и его товарищи взялись обеспечить подвижным магазинам подвоз и продажу более трёх тысяч волов, муки, припасов и вина для нужд русской армии⁹.

Местное население снабжало армию и госпитали солью, привозимой из копий у города Окня. В 1773 году смотритель Хотинского госпиталя капитан Поликарпов сообщает в департамент вистерии, что он закупает соль у обывателей по 40 копеек за один пуд, но соли явно недостаточно. В Окны посылается нарочный с денежной суммой, чтобы заплатить за соль обывателям на месте продажи¹⁰. Местное купечество предоставляло свой транспорт для перевозки соли.

С марта по декабрь 1773 года было продано соли в госпитали: Ясский - 135 пудов за 66 рублей и 53 копейки, Хотинский - 110 пудов за 43 рубля и 95 копеек, Романский - 100 пудов за 39 рублей 99 копеек¹¹.

Во время военных действий для снабжения русской армии продовольствием совершали поездки в Молдавское княжество и российские купцы, которые везли часть товаров для продажи местному населению. Русское правительство, будучи заинтересованным в этом, всячески поощряло подобного рода поездки. Как указывал М.Чулков, «когда полтавские и другие малороссийские купцы оказались желательными перевозить во вторую армию провиант и ставить оный от себя, то именным указом её величества от 1771 года в награждение им было дозволено вывезти в Малороссию крымской соли 300 тысяч пудов и продать её беспоплинно»¹².

Так же как и в последующие русско-турецкие войны пошлины взимались только с товаров, которые привозились сверх необходимого армии для продажи местному населению.

В 1772 году нежинскому купцу Семёну Спиридонову в ответ на его жалобу о взятии с товаров, привезённых им в Молдавию для русской армии, пошлины в размере 100 рублей ему были возвращены деньги¹³.

Российские купцы для продажи товаров местному населению нанимали лавки в крупных городах Молдавского княжества. Так, например, тот же Семён Спиридонов за аренду лавки в Яссах выплачивал 250 левов¹⁴.

Нередко российские купцы проводили общие торги со здешними купцами. В одной лавке можно было приобрести товары местного и российского производства.

Широко известное ещё в середине XVIII века товарищество нежинских купцов Мантовых и Леоновых проводило торговые операции на территории нескольких государств, в том числе в Молдавском княжестве¹⁵.

Занятия торговым делом во время войны было связано с рядом опасностей. Заботясь о развитии торговли, русская администрация не раз выпла-

чивала деньги купцам за разграбленные товары или за нанесение какого-либо другого вида ущерба.

Экономические связи во время войны приобретают и своеобразную форму снабжения русской армии продовольствием, фуражом, транспортом местным населением по обязательным поставкам. Это было дополнительным бременем для молдавских крестьян и горожан. Поэтому в переписке П.А.Румянцева с командующими войсками и членами молдавского Дивана содержится требование о мерах по облегчению военных повинностей¹⁶. По решению русской администрации для пресечения злоупотреблений местными чиновников, обогащавшихся под предлогом снабжения русских войск, в полки назначались представители Дивана - факторы. В ноябре 1770 года генерал-майор С.М.Ржевский направил в Диван список «здесьних благородных людей» и просил дать им от Дивана повеление, чтобы они «все потребили возможности к пользе службы её императорского величества и к соблюдению справедливости жителям молдавским, которым они опекунами поставляются»¹⁷. Наблюдая экономическое состояние княжества, разорённое турецким игом, и снижение внутреннего товарооборота, П.А.Румянцев отдаёт распоряжение администрации о замене, в интересах населения Молдавии, денежных налогов натуральными (октябрь 1769 г.)

В январе 1770 года в Молдавии отменяется подушная подать, и вместо неё жители должны были строить и чинить мосты, гати, дороги, поставлять волов и фуры¹⁸. П.А.Румянцев регулярно в своих приказах за 1771 и 1772 гг. отмечал, чтобы поставки для армии собирались с учётом материального положения обывателей и те, «кои большой вред в войне понесли, перед другими облегчаемы были»¹⁹. За поставленные продукты жители получали плату из вистерийской суммы доходов Молдавского княжества или квитанцию, по которой впоследствии могли получить деньги. Документы подтверждают, что П.А.Румянцев не раз обращался в молдавский Диван с просьбой о выплате из вистерийской суммы по квитанциям денег местным жителям²⁰.

Нередко, во время сбора продовольствия по нарядам с местных жителей, представители власти превышали свои полномочия. Русская администрация пресекала подобного рода действия, а лица, нарушавшие нормы сбора продовольствия и фуража судились по законам о грабительстве.

Русско-турецкая война 1768-1774 гг. не принесла желаемого освобождения народу Молдавского княжества. Но благодаря усилиям России турецкий плёт значительно ослабевает. В период между двумя войнами были созданы более благоприят-

ные условия для активизации экономических отношений русских, украинских и молдавских земель. Увеличивается объём обращающихся товаров, в торговлю вовлекается всё большее количество купцов, укрепляются связи молдавских мест с торговыми центрами России и Украины.

В 1787 году начинается вторая русско-турецкая война. Экономические связи продолжают сохранять своё прежнее направление: торговля на территории княжества российских купцов, поставка части товаров русской армии молдавскими купцами, оказание экономической помощи русской армии в обеспечении продовольствием местным населением.

Во главе русской администрации, как и ранее, находился П.А.Румянцев, действовавший теми же методами и подчинявший свою политику тем же целям.

Учитывая опыт предшествующей войны, русское командование не возлагало больших надежд на снабжение армии за счёт экономических ресурсов княжества. Непомеренные поборы в пользу Турции, усиление плёта местного боярства, привели к тому, что жители княжества сами испытывали большой недостаток в хлебе и других продуктах.

Экономическое истощение княжества, опасность грабежа и разбоя со стороны турецких войск, как и в предыдущую войну, заставляли жителей покидать свои деревни и скрываться в горах и лесах, ожидая прихода русских войск.

В апреле 1788 года П.А.Румянцев сообщает, что «Молдавия была почти вся опустошена и обыватели оной с нами только вместе вошли в свои жилища»²¹.

В рапорте Екатерине II он же отмечал, что никакого расчёта на снабжение армии ресурсами княжества нет, так как «разного хлеба вообще мало, ячменя и овса из-за неурожая и сбора в магазины неприятельскими войсками вероятно нет»²².

Как и в прошлой войне русская администрация, руководствуясь необходимостью снабжения армии продовольствием, проводила меры по ликвидации турецкого разорения, заботилась о экономическом развитии края. П.А.Румянцев в представлении полковнику Яцунскому при назначении его комендантом столицы предписывал обратить внимание на её экономическое состояние, в том числе состояние промыслов и торгов²³.

Вместе с армией на территорию княжества прибывали российские купцы-маркитанты. Они снабжали армию продовольствием и всем необходимым. Русским командованием был составлен список товаров, которые купцы имели право доставлять.

Русское и украинское купечество привозило товары и для продажи местному населению. Раз-

решение на проезд в места расположения войск купцы получали у командования.

Как и в войне 1768-1774 гг. местное население оказывало экономическую помощь русской армии. Основной её формой была поставка фуража и продовольствия.

Документы сохранили сведения о том, что, находясь на театре военных действий, в переписку с командованием и гражданской администрацией по экономическим вопросам вступает и А.В.Суворов. Из-под Кинбурна в ноябре 1787 года он пишет А.Г.Потёмкину о необходимости заплатить за работу людям по поставке продовольствия и лошадей от 1200 до 1500 рублей²⁴.

Стремясь предотвратить насильственный сбор провианта местными властями, русская администрация обращается в молдавский Диван с тем, чтобы «через обличение и оппратование виновных вредный неурядок, а с тем и всеобщее дурное оглашение о войсках и земских управителях вдруг престали»²⁵. Для пресечения подобного рода нарушений молдавский Диван выдаёт расписки, или так называемые сальвогардии, жителям об охране их от поборов «свыше общественного долга». Такие документы получали отдельные лица, монастыри, а также жители всей деревни одновременно. Часто основанием для их получения являлись допесения командующих отдельными частями, среди которых были и представления А.В.Суворова²⁶.

Неоднократно, полководец получает от своих подчинённых квитанции, по которым необходимо было уплатить деньги местным жителям за указанное содействие русским войскам в провианте, фураже, подвозе продовольствия и т.д. В ноябре 1790 года такие квитанции, об уплате за ночлег «сельским начальникам» при следовании набранной команды волонтеров, доставляет прапорщик Иван Блажиевский, которые затем поступают в канцелярию молдавского Дивана уже по допесению А.В.Суворова²⁷.

Испытывая значительные трудности в обеспечении войск продовольствием при Очакове и Измаиле, он не раз поощряет местных жителей, снабжавших войска, используя не только вистерийские деньги, но и свои личные ресурсы.

Как и в прошлую войну основной продовольственной базой русской армии оставалась территория Украины. Но когда доставка продовольствия из Новороссийского края по каким-либо причинам, задерживалась, помощь молдаван играла значительную роль. Как и ранее, при сборе провианта и фуража не прекращались превышения объема нарядов местными чиновниками. Поэтому, в 1789 году русское командование приказало заменить весь состав Дивана, сократить численность исправ-

ников в цинутах, чтобы «все наряды по его, (П.А. Румянцев - автор) дивизионных командиров и провиантской комиссии требованиям исправники еженедельно сообщали о всяком наряде и числе подволов»²⁸.

Молдавское население, как и в прошлую войну, чинило мосты, строило переправы, ремонтировало дороги, содержало почтовые станции и т.д.

Таким образом, протекционистская политика Российского правительства по отношению населения молдавских земель и Приднестровья отразилась в деятельности русской гражданской администрации и командования войсками. Предпринимаемые ими меры способствовали расширению возможностей экономического развития освобожденных территорий, поощряли местных жителей к помощи действующей армии, приближая тем самым победы России в русско-турецких войнах. Сохраняющиеся свободные экономические связи даже в условиях войны косвенным образом подтверждали надежды народов на скорое освобождение от османского ига и обеспечивали в дальнейшем процесс включения этих земель во всероссийский рынок.

1 Румянцев П.А. Документы. - М., 1953. Т.II. С. 307.

2 Россия и освободительная борьба молдавского народа против османского ига. 1769-1812. Кишинёв, 1984. С. 14.

3 РГАДА. Ф. 293. Оп. 1. Д. 2261 Л. 51об.

4 Там же. Д. 1438. Л. 1. Д. 1439. Л. 2.

5 Там же. Д. 2279. Л. 2-5.

6 Петров Л.И. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769-

1774 гг. - СПб., 1866. Т. II. С. 10.

7 Там же. - СПб., 1874. Т.III. С.63.

8 РГАДА. Ф. 293. Оп. 1. Л. 53 об.

9 Там же. Д. 3169, 3118, 3301.

10 Там же. Д. 3456. Л. 1, 3, 11.

11 Подсчитано автором по материалам РГАДА. Ф. 293. Д. 3456. Л. 15, 15об.,

16, 16 об.

12 Чулков М. История краткая российской торговли. - М., 1788. С.279.

13 РГАДА. Ф. 293. Д. 1524. Л. 2, 2 об.

14 Там же. Л. 3.

15 Плохинский М.М. Иноземцы в старой Малороссии. // Труды XII

археологического съезда. - М., 1905. Т.II. С.265.

16 РГАДА. Ф. 293. Оп. 1. Д. 2412. Л. 10-12..

17 Россия и освободительная борьба... С. 247.

18 Петров Л.Н. Указ. соч. С. 19.

19 РГАДА. Ф. 293. Оп. 1. Д. 2412. Л. 43 об.

20 Там же. Д. 2292. Л. 1-3, 4, 41, 54.

21 Румянцев П.А. Документы. - М., 1959. Т.III. С. 421.

22 Там же. С. 211.

23 Семёнова И.В. Русско-молдавское боевое содружество. 1787-1791.

Кишинёв, 1968. С. 88.

24 Лопатин В.С. Суворов А.В. Письма. - М., 1986. С. 121.

25 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2397. Л. 185.

26 Там же. Л. 9, 17, 17 а, 23, 29, 30, 31, 42, 43, 44.

27 РГВИА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 79. Л. 31. Опубликовано в «Россия и освободительная борьба...» С. 155.

28 РГВИА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 79. Л. 31. Опубликовано в «Россия и освободительная борьба...» С. 155.

Роль А.В. Суворова в укреплении южных границ России в конце XVIII века.

История русско-турецких отношений второй половины XVIII в. имеет богатую историографическую традицию, так как юго-восточная Европа в этот период становится ареной столкновения интересов многих европейских государств. Тема научного исследования связана с успешными для России войнами против Османской империи 1768-1774 гг., 1787-1791 гг. Внутренние экономические ресурсы, полководческий талант П.А.Румянцева, А.В.Суворова, руководивших русскими войсками, позволили одержать победу над турками, в результате чего и появилась возможность укрепить южные границы Российской империи, в том числе и пограничную зону по Днестру и Северному Причерноморью.

Данная проблема теснейшим образом связана с современной историей, так как в результате распада СССР и провозглашения независимости бывших республик наметилась тенденция ослабления позиций России на Чёрном море и Балканах. Приднестровье является своеобразным образцом российских позиций на данной территории, которая имеет огромное значение в стратегическом отношении, развитии торговых связей, кроме того в религиозной сфере. Здесь соприкасаются три мировые религии: православие, католичество, мусульманство, - каждая из которых стремится расширить сферу своего влияния.

А в результате Ясского мира Россия получила земли Северного Причерноморья, лежащие между Бугом и Днестром. Для укрепления новых границ Российского государства правительство Екатерины II приступило к сооружению целого ряда крепостей по Днестровской линии, которая проходила от реки Мокрый Ягорлык по Днестру до самого устья, а отсюда - по морскому берегу до Очакова.

Императрица указом от 27 января 1792 года¹, повелела екатеринославскому генерал-губернатору М.В.Каховскому осмотреть вновь приобретённую землю и подготовить предложения по её территориально-административному устройству. В феврале 1792 года он отправляет 8 экземпляров составленных карт и описаний территории с целью разделения на уезды и «назначению городов». М.В.Каховский сам приезжает в м. Дубоссары, откуда направляет 5 мая 1792 года рапорт в Петербург следующего содержания: «Во исполнение сего Высочайшего Вашего Императорского Величества указа, всеподданейше представляю при сём генеральную карту сей новоприобретённой области с разделением ея на четыре уезда, четыре уездные карты, с раз-

делением их на участки, для отвода под поселения казённые и помещичьи, и к ним ведомости об отводимых землях, планы к четырём уездным городам»². Укрепление границ связывалось не только с защитой завоеванных стратегических позиций в данном регионе, но и с необходимостью заселения и экономического освоения края, плодородие земель которого отмечал в своих донесениях М.В.Каховский. Создаваемые крепости должны были стать и средством привлечения жителей в новые города, в которых учреждались ярмарки, «жителями разводились сады и огороды». Рескриптом от 17 июня 1792 года³ Екатерина II утверждает планы М.В.Каховского. Строительство крепостей поручили инженер-майору Францу де Волану под главным руководством М.В.Каховского, для чего предполагалось ещё раз осмотреть места, предназначенные для крепостей, и составить смету денежных расходов. Прежде всего предусматривалось строение «срединной крепости» при Ботне, которая в первый год стала бы «защитой и убежищем»⁴ (заметка - Ботня - река, впадающая в Днестр).

Несмотря на активную переписку в течение почти всего 1792 года дело по устройству границ мало продвинулось, в основном из-за отсутствия средств. Для более эффективного выполнения намеченных планов Екатерина II рескриптом от 10 ноября 1792 года назначает А.В.Суворова командующим войсками в Екатеринославской губернии, Крыму и вновь присоединённых землях⁵. Его опыт, энергия, авторитет понадобились для усиления юго-западной границы Российской империи. А.В.Суворов был наделён большими полномочиями. Ему предписывалось «устроить» войсковые части на юге России, создать склады и предупредить нападения турок. Все действия предполагалось сохранить в тайне, что подтверждал секретный рескрипт Екатерины II от 23 ноября 1792 года, поручавший А.В.Суворову осмотреть границы и сообщить о мерах «каким образом оные привести в беспечность против нечаянного неприятельского нападения»⁶.

С другой стороны, А.В.Суворову предлагалось осуществить уже «опробованные» проекты составленные инженер-майором Францем де Воланом. Но генерал был не из тех людей, которые слепо выполняли чужие повеления, он и сейчас решил всё изучить, рассчитать и составить свои планы.

Прибывший на юг России в конце ноября 1792 года А.В.Суворов в кратчайший срок объехал мес-

та, предполагаемые для строительства крепостей. Совместно с Францем де Воланом он составляет новые планы, работа над которыми не обошлась без конфликтов с самолюбивым инженером. Однажды, во время очередного «выяснения отношений» Франц де Волаи, не выдержавший накала спора, выпрыгнул в окно. Александр Васильевич последовал за ним, после чего произошло примирение. Совместное сотрудничество сблизило эти две незаурядные личности. В письме к статс-секретарю по военным делам П.И.Турчанинову от 26 января 1793 года, из Херсона, об этом периоде работы А.В.Суворов писал так: «Де Волаи скупен и грозен, избалован и три раза уже апширт брал, а мне истина неколо о их капризах думать?»⁷. Александр Васильевич сумел своего антагониста - талантливого инженера - обратить в ценного и верного помощника. С его помощью он составил собственный план инженерной подготовки границ, который отправлен в Петербург в конце января 1793 года. П.И.Турчанинов должен был сообщить об утверждении присланных в столицу планов строительства укреплений, сроков и смет. Не дождавшись утверждённых проектов и учитывая, что по Днестру располагалось крайне ограниченное количество войск (по всей линии от Галиции до Чёрного моря находились три полка пехоты, два батальона егерей и два казачьих полка), А.В.Суворов заключает серию контрактов с подрядчиками на поставку различных строительных материалов. Денежных средств, ему отпущенных, было недостаточно, и чтобы дать задатки подрядчикам он подписывает собственные векселя. Наибольшее внимание уделялось работам на Днестре; здесь немедленно приступили к обширным работам. А.В.Суворов уговорил главного начальника морских сил на Чёрном море, вице-адмирала Н.С.Мордвинова дать ему займы 100 тысяч рублей в счёт будущих ассигнований. Свои действия А.В.Суворов не скрывал, и вскоре в петербургских канцеляриях узнали о хозяйственных распоряжениях энергичного генерала, что вызвало там большой переполох: высказывались даже мнения отказать в удовлетворении кредитов полководцу. В Петербурге не спешили с отпуском денег, считая возможным растянуть строительство на больший срок. В апреле А.В.Суворов в письме П.И.Турчанинову резко высказывает своё мнение относительно сроков, объёма строительства и предложенной суммы в размере 10 тысяч рублей. «Пропал бы год, если б я чуть здесь медлил контрактами, без коих по состоянию страны обойтись не можно, и передал их в Ваши руки. ...Так сей год повороту нет... Присылайте денги и с ними хоть Вашею казначей!»⁸.

В июне 1793 года А.В.Суворов направляет

письмо Д.И.Хвостову, в котором сообщает о пребывании Франца де Волана в Петербурге и о намерении подать прошение на имя Екатерины II в связи с нехваткой средств. Кроме того, передаёт доверенность на получение займа и даёт распоряжение о продаже своих новгородских деревень, чтобы уплатить по векселям⁹. Содержание данного письма было доведено до сведения Екатерины II, которая повелела уплатить суворовский долг Н.С.Мордвинову и выделить из государственной казны 549 тысяч 966 рублей, сверх того 75 тысяч 683 рубля для строительства крепостей.

Императрица следила за работой А.В.Суворова. В честь годовщины окончания войны с Турцией согласно её рескрипту от 7 сентября 1793 года А.В.Суворову была пожалована похвальная грамота «...с прописанием всех храбрых подвигов ...и воздвигнутых Вами оборонительных зданий и укреплений в течении долговременного и навсегда знаменитого Вашего служения алмазный эполет и перстень»¹⁰. Одновременно Екатерина II передаёт генералу третьего класса крест ордена Св. Георгия Победоносца и поручает наградить им достойного. (Им оказался И.О.Курис).

По предварительной подготовленной программе все южные крепости, как новые, так и перестраивавшиеся, подлежали вооружению орудиями, имевшимися на местах и перевезёнными из упразднённых крепостей по Днепровской оборонной линии и по побережью Азовского моря. Всех орудий было 381, в основном чугунных. А.В.Суворов же полагал, что в крепостях на Днестре необходимо иметь орудия исключительно медные, так как орудия старого образца, по его мнению, не соответствовали требованиям полевой армии и были непригодны для проведения осадных операций.

Свидетельством подготовки турецкой стороны к проведению новых наступательных действий явилось развернувшееся строительство и совершенствование крепостных сооружений на Днестре и Дунае. А.В.Суворов считал, что «при первом разрыве мира армии нашей по сию сторону Дуная более будет должно осаждать, нежели сражаться в поле». Генерал решил все чугунные орудия поставить на вооружение крепостей в Крыму и на Тамани, а в крепостях Днестровской оборонной линии установить медные орудия. Крепости были обеспечены боевыми комплектами (480 000 ядер, 36 000 бомб, 44 100 гранат, 55 500 картечи, каркасы и брандскугелей и 106 000 пудов пороха).

А.В.Суворов планировал все вооружения изготовить на петербургских и брянских заводах, повозки, фуры и другие транспортные средства готовить на местах, используя лес в верховьях Днестра.

Организация продовольствия была рассчитана на содержание в крепостях и других удобных местах (провантских магазинах) - 18-ти дневных запасов (270 000 четвертей муки, 18 000 пудов крупы, 160 000 тонн овса), без учёта 30-ти дневного запаса подвижных в магазинах и 10-ти дневного запаса в полковых фурах¹¹.

В центре внимания А.В.Суворова всегда была забота об улучшении быта офицеров и нижних чинов. Большая тревога звучит в его письме П.И.Турчанинову от 12 апреля 1793 года: «Худой провиант... у генерал-поручика Толстого, частью по сырым казармам, немало знатнее Белевского, Полоцкого и прочих. Послал я туда доктора...»¹². И.М.Толстой, генерал-поручик артиллерии, командовал войсками, расположенными под Ботной на Днестре. В его частях, живших в недавно построенных сырых казармах и использовавших гнилой провиант, начались массовые болезни, особенно много заболевших было в Полоцком пехотном полку.

Суворов не скрывал правды о причинах заболеваний и винил в них командиров частей, которые принимали гнилой провиант у поставщиков. Екатерина II, узнав о случившемся, распорядилась отдать виновных под суд. Главной же проблемой в строительстве крепостей по-прежнему оставалась нехватка денег.

А.В.Суворов, поглощённый идеей укрепления южных границ, находясь в 1793 году в Херсоне, подготовил план «окончания вечной войны с турками». Согласно ему было разработано расположение войск в крепостях. Предполагалось следующее штатное размещение частей: при Ботне (Тираспольская крепость) - 8 батальонов (Херсонский гренадёрский полк, первый и второй батальоны Бугского егерского корпуса, Полоцкий корпус и пешая казачья команда); при Аджидере (Овидиополь) - 4 батальона (Алексапольского и Троицкого полков); при Аджибее (Одесса) - 4 батальона (Витебского полка и 3-4 батальоны Бугского егерского корпуса)¹³.

В Рашкове содержался кордон 2-го Чугуевского регулярного казачьего полка, который стоял по границе с Брацлавской губернией по Днестру до Ягорлыка¹⁴. Судя по сообщению, которое А.В.Суворов отправил из Ботны брацлавскому губернатору Ф.Ф.Бергману часть войск, а именно Херсонский гренадёрский полк, Витебский, Алексапольский, Троицкий полки и 1-2 батальоны Бугского егерского корпуса, на зимние квартиры отправлялись в Брацлавскую губернию¹⁵. Все расписания означенным полкам А.В.Суворов проверял лично.

В сентябре 1793 года Суворов издает приказ по армии об изменениях в расположении войск на зимних квартирах¹⁶, направленный на укрепление кре-

постей. Из 3-го батальона Бугского егерского корпуса предусматривалось по одной роте направить в Аджибей и Аджидер, а две роты - отправить в Парканы для снаряжения оттуда караула в крепость Ботну. Одина артиллерийская рота из Паркан переводилась в Аджибей. Кроме того, предусматривалось оставить 200 человек при Ботне и Аджидере «для вытаскивания леса», доставляемого по Днестру на крепостные строения. Вторая часть войск под руководством генерал-майора графа Де Кастра Ланцера располагалась при Слободзее и содержала кордон от Ботны до Аджидера, и при Дубоссарах - кордон вправо до Рашкова, а влево - до Ботны. Кордон по Днестру проходил от Тирасполя до Рыбницы, в Чобручах по Днестру - от Овидиополя до Ботны. А.В.Суворовым были расписаны расположения войск для защиты берегов Екатеринославской губернии и Таврической области на случай начала военных действий с Османской Портой: 1. Старо-Ингерманландский пехотный полк под командованием Бузина и казачий полк екатеринославского войска под командованием Родионова, расквартированные при Аджибее, содержали кордон вправо до Аджидера и влево - до Очакова; 2. Бугский егерский корпус и казачий полк Ивана Иловайского и Ивана Платова, находящиеся при крепости Ботна, содержат кордон влево до Аджидера, вправо через Дубоссары - до Ягорлыка; 3. Пешая казачья команда под руководством майора Грекова прикрывала Аджидер¹⁷.

Таким образом, укрепление южных границ России являлось осуществлением её дальнейших планов продвижения на Балканы и повышения международного авторитета. В этот период деятельности А.В.Суворов предстаёт перед нами не только в качестве главнокомандующего, но и умелого организатора, благодаря усилиям которого создаётся пограничная линия на Днестре. В построенных крепостях располагались войска в соответствии с его планом военных действий против Османской Порты. В дальнейшем крепости превращались в населённые пункты, ставшие экономическими центрами края.

1 РГВИА. Ф. 16. Д. 696. Л. 34.

2 Там же. Л. 187об.

3 Там же. Л. 219об.

4 Там же. Ф. ВУА. Д. 272. Л. 1.

5 Суворов А.В. Документы. Т.3. М., 1952. С. 129.

6 Там же. С. 142.

7 Суворов А.В. Письма/Изд. подг. В.С.Лопатин. - М., 1986. С.246, 642.

8 Там же. С. 249.

9 Там же. С.252, 646.

10 Военный сборник. 1900 г., № 5. С.73.

11 РГВИА. Ф. 29. Оп. 153. Л.34об.

12 Суворов А.В. Письма. С.248, 643.

13 РГАДА. Ф. 20. Д. 339. Л. 119, 120.

14 РГВИА. Ф.43. Оп. 1. Д. 62. Л. 4.

15 Там же. Л. 3.

16 Там же. Д. 56. Л. 14.

17 Там же. Ф. 41. Д. 501-508. Л. 13-14.

Под началом Суворова.

Только что весь наш российский народ отметил славную юбилейную дату - 55-ю годовщину победы Советского Союза над фашистской Германией. Эта победа досталась нам дорогой ценой, но дух патриотизма, героическое прошлое наших предков сделали эту победу необратимой. По достоинству были оценены заслуги наших воинов в этой войне, миллионы ее участников были награждены орденами и медалями. Советское руководство не случайно в самый разгар боевых сражений утверждало орден с именами прославленных полководцев, и среди первых были ордена Суворова и Кутузова. И хотя один из них считался учеником другого, но оба они были выдающимися полководцами, умевшими только побеждать противника во имя процветания России. Мы не ставили перед собой цели всесторонне осветить полководческий талант на протяжении всей их воинской службы, а выделить лишь первые совместные действия на этом поприще.

Итак, 21 августа 1762 г. М.И.Кутузов производится в капитаны и назначается командиром роты в Астраханский пехотный полк, в командование которым 31 августа того же года вступил тридцатидвухлетний полковник А.В.Суворов.

Для пятнадцатилетнего командира роты необычные нововведения А.В.Суворова стали прекрасной школой постижения самого передового опыта обучения и воспитания. С огромным интересом и желанием он учился у своего незаурядного командира полка.

В отличие от многих офицеров, числящихся в полку лишь по списку, М.И.Кутузов всегда был на месте, много сил отдавал обучению своих подчиненных, вникал в повседневный быт и мелочи солдатской жизни, проявляя заботу о бытовых нуждах. Примечательна характеристика, данная А.В.Суворовым капитану М.И.Кутузову в феврале 1763 г. и утвержденная петербургским обер-комендантом генерал-поручиком И.И.Костюриным: "В должности звания своего прилежен и от службы не отбывает, подкомандных своих содержит, воинские экзерцицы обучает порядочно и к сему тщение имеет, ленисти ради больным не репертовался и во всем себя ведет так, как честном обер-офицеру подлежит, от него непорядков не происходит, и таких пороков, коим в указе гос. коллегии 756 году января 20 дня написаны, не имеет, чего ради по усердию его службе к повышению чина быть достойн".¹

К сожалению, служба б А.В.Суворовым продолжалась в этот период всего семь с небольшим меся-

цев: в апреле 1763 г. полковник А.В.Суворов высочайшим указом был назначен командиром Суздальского пехотного полка. Но на всю жизнь молодой офицер унаследовал от А.В.Суворова твердое убеждение, что главная сила русской армии в ее солдате, что, завоевав доверие и любовь солдат, можно требовать от них высшего напряжения на войне и победы в боях.

Еще одно примечательное событие, сблизившее двух полководцев, была война с Турцией, объявленная Екатериной II 7 сентября 1787 г. Выступив 16 сентября из основного лагеря между селениями Александровка и Константиновка с тремя егерскими батальонами и двумя легкоконными полками, генерал-майор М.И.Кутузов прибыл в конце месяца к устью Буга и поступил в непосредственное подчинение А.В.Суворова, находящегося в Кинбурне. А.В.Суворов подтягивает к Кинбурну легкоконные Павлоградский и Мариупольский полки, лично посещает войска, расположенные в устье Буга, и ставит задачу по обороне границ М.И.Голенищеву-Кутузову.

Проверявший в конце декабря состояние укрепрайона, где командовал генерал-майор, нашел, что все учреждение Голенищев-Кутузова "весьма порядочно, как и укрепление здешнего замка же хорошо устроено, так что ... при сем poste под предводительством его ... в случае нападения неприятельского все пойдет с желаемым успехом"².

Еще одна военная баталия. Это осада и взятие неприступной крепости Измаил. Командовавший русской армией Г.А.Потемкин направляет для взятия Измаила А.В.Суворова, предоставив ему право действовать по его собственному усмотрению. В письме 25 ноября 1790 г. А.В.Суворову он сообщал: "Измаил остается гнездом неприятеля, и хотя сообщение прервано через флотилию, но все он вяжет руки для предприятий дальних. Моя надежда на Бога и на Вашу храбрость ... Много там равночинных генералов, а из того выходит всегда некоторый род сейма нерешительного. Рибас будет Вам во всем на пользу и по предприимчивости и усердию. Будешь доволен и Кутузовым ..." ³.

6 декабря начался штурм Измаила. Генерал-майор Голенищев-Кутузов возглавлял атаку шестой колонны, в которую вошли три батальона со ста двадцатью стрелками Бугского егерского полка и тысячей казаков⁴.

С соблюдением возможной тишины, в пустом тумане колонна Кутузова двинулась к крепости.

Однако, внезапного нападения не получилось, так как накануне турки были предупреждены о штурме бежавшим казаком и держали во рву войска готовые к бою. Началась страшная борьба. Почти все старшие начальники были перебиты или ранены. Несмотря на все героизм войска, Кутузов признал необходимым отступить, о чем послал доложить Суворову. В ответ Суворов передал: "Я донес уже в Петербург о покорении Измаила, а Кутузова назначаю измаильским комендантом"⁵.

Бой кончился - Измаил взят. Победа досталась ценой больших жертв.

Донося об одержанной победе Г.А.Потемкину, А.В.Суворов так оценил действия М.И.Кутузова под Измаилом: "Достойный и храбрый генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов мужеством своим был примером подчиненным и сражался с неприятелем. Но множество оного остановило на первый миг распространение по валу и для сего призвал он Херсонский полк, в резерве бывший... С прибытием резерва неприятель не токмо отражен, но и знатною частию побит... Генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов оказал новые опыты искусства и храбрости своей, преодолев под сильным огнем неприятеля все трудности, неприятель принудил его остановиться, он, служа примером мужества, удержал место, превозмог сильного неприятеля, утвердился в крепости и продолжал потом поражать врагов..."⁶.

"Он шел у меня на левом крыле, но был правую

мною рукою", - подытожил А.В.Суворов. Назначенный комендантом Измаила, Кутузов, вступив уже в эту должность, спросил, шутя, Суворова, - что значит назначение его комендантом в то время, когда до взятия крепости было еще далеко? "Ничего, - отвечал Суворов, - Кутузов знает Суворова, а Суворов знает Кутузова. Если бы не взяли Измаил, Суворов умер бы под его стенами и Кутузов тоже!"⁷.

За отличие при взятии Измаила М.И.Кутузов Указом Екатерины II 25 марта 1791 г. был пожалован в генерал-поручики и награжден орденом св. Георгия 3 класса⁸.

К этому времени боевой генерал, награжденный за отличия в кровопролитных сражениях многими орденами, чудом выживший после второго ранения в голову, выдвинулся в число самых искусных и талантливых военачальников, ближайших последователей А.В.Суворова, списавшего славу блистательного и непобедимого полководца.

1 Российская родословная книга, изд. Кн II. Долгоруковым. Ч.2. - СПб. 1855

2 М.И.Кутузов. Документы. Т.1. - М., 1950. - С. 45, 46 (далее - Документы).

3 Там же. С.15.

4 Там же. С.115.

5 Петров А. К биографии светлейшего князя Голенищева-Кутузова Смоленского // Военный сборник. № 4. - 1900. С.233.

6 Документы. С.114.

7 Петров А. Указ. соч. С.233.

8 Документы. С.120.

Мигаев Н.В.

Государственный мемориальный музей А.В.Суворова.

Последователи А.В.Суворова на юге России

При рассмотрении современной истории Отечества и роли А.В.Суворова в политических событиях на юге России, представляют интерес мнение ряда авторов о той части бывшего СССР, которая и сейчас остаётся в составе современного российского государства. Следует отметить, что постсоветский период, для многих, неожиданно, обрушил целый поток исторической информации, обнажившей застарелые противоречия. При таких обстоятельствах часто экскурс в историю заключал условия для возникновения конфликта. В данной ситуации к развитию событий на юге России проявила интерес международная группа по правам меньшинств в Лондоне и Копенгагене, которая в 1994 г. издала, первоначально на английском, а в 1995 г. на русском языке книгу "Северный Кавказ: народы на перепутье". Её авторы Хелен Краг и Ларс Фунг Хансен. В этой книге авторы выдвигают следующую версию: "Царь Иван Грозный женился на кабардинской

принцессе, по видимому, из политических соображений; русские правители объединялись с феодальными князьями для укрепления своих позиций на Кавказе до тех пор, пока средством установления власти и доказательства превосходства окончательно не стали вооруженное завоевание и коллективное наказание целых народов". В связи с такой версией, которая возникновение проблем современного Северного Кавказа относит ещё к событиям XVI века, вполне уместно обратиться к более позднему периоду XVIII и XIX вв., когда проходила деятельность А.В.Суворова и его последователей при *действительном* утверждении политической власти России в западной части Северного Кавказа.

В период "парада суверенитетов" в республиках юга России произошла переориентация массового сознания, когда в местных СМИ началась усиленная пропаганда исторического образа своего народа в противовес имперской истории. Как было от-

мечено в журнале "Родина": за короткий период на Северном Кавказе появилась множество специальных изданий, предназначенных для популяризации исторического знания ... Наряду с прочими сюжетами на первом плане неизменно фигурировала тема Кавказской войны².

Первый период деятельности А.В.Суворова, тогда генерал-поручика, в западной части Северного Кавказа проходил в 1778-79 гг., когда он проводил стратегическую рекогносцировку территории и планировал систему обороны, которая впоследствии сыграла глобальную роль в ходе длительной Кавказской войны. Значение этой системы обороны было по достоинству оценено уже в XIX веке.

Специфика данного региона в тот исторический период заключалась в том, что его населяло несколько этнических групп, которые могли оказать противодействие русским войскам. Наряду с племенами адыгов (черкесов), занимавших, в основном, горно-лесистую местность, плодородную степную часть населяли кочевники, ногайские татары и занимали господствующее положение, так как считались прямыми потомками Золотой Орды. Их кавалерия была основой ханского войска. Крымские ханы имели свою администрацию в городах Копыле, Темрюке и Тамани. Кроме этого под властью Крыма были русские некрасовцы, обосновавшиеся в поймах рек Кубани и Лабы. Потомки донских казаков, участников Булавинского восстания 1707-1709 гг. ушедших с атаманом старобоярцем И.Ф. Некрасовым на Кубань. "Игнат-казаки", как называли турки и татары некрасовцев, участвовали вместе с ногайскими татарами и черкесами в набегах на южные земли Российской империи. Так, например, в 1737 г., во время походов Миниха при правлении императрицы Анны Иоанновны, когда почти все донские казаки покинули свои дома, нападению подверглись шесть станиц и совершенно разорён был Кумишанский городок, взято в плен 968, убито и ранено 41 человек. Набег этот вызвал тревогу не только у всего южнорусского населения, но и в Правительствующем Сенате.

Суворов прибыл в начале 1778 г. и 17 января донес об этом генерал-фельдмаршалу П.А.Румянцеву, а 28 из лагеря при Копыле сообщил ему об осмотре местности по всему Таманскому полуострову. Суворовский рапорт по этому поводу дает сжатую и интересную характеристику местности и положению русских войск. От Копыла Суворов отправился через Темрюк, к устью черноморского рукава Кубани, а затем левым берегом ее до Копыла. Первое, что отметил Суворов, это изменение в географии местности. Неподалеку от Темрюка, где, по прежним картам значился залив, он нашел свободный проезд, верхом, и на возах, покрывающийся

только во время половодья на полтора аршина водою. Ближе к Темрюку был пролив, соединявший лиман с морем, глубиной от трех до пяти четвертей, а по сторонам дороги прилежала болотистая, поросшая камышами, местность. По дороге к Тамани Суворов прошел старинную гавань с укреплениями и базаром, а в 12 верстах от Тамани, устье Кубани, выходящее заливом и находящийся в десяти верстах, лиман Кизилташ, где так же оставались следы укрепления. От устья Кубани по Черному морю шла стрелка, отгибавшая залив, от нее к югу по берегу находились турецкие крепости Анапа и Суджук-кале, нынешний Новороссийск. Русло Кубани шло через лиманы разными протоками мимо некрасовских селений. Кроме двух удобных пристаней - Таманской и у старого укрепления между Темрюком и Таманью, Суворов обнаружил много мест на морском побережье удобных для причаливания мелких морских судов. Существующие русские укрепления Суворов назвал "не бесполезными". По его мнению, необходимо было возвести новые укрепления с правой стороны Кубани от переправы к Копылу. Некрасовский пост, называвшийся еще Екатерининской крепостью содержался исправно и служил по словам Суворова "дальним упором Суджука"⁴. "Наблюдавшееся здесь похвальное неразделение войск, говорил Суворов, имело "некоторые невыгоды". Разъезды сильно утомляли людей и лошадей. В связи с этим Суворов спроектировал ряд укреплений по Кубани с таким расчетом, что отдельные части войск находились в наблюдательном положении по местам. Для лучшего наблюдения за неприятелем Суворов решил выжечь камыши на большой территории, где, обычно, прятались черкесы и расположил посты между более крупными укреплениями "на переездах, чтобы большой нужды в разъездах не было".

Когда Суворов объезжал линию обороны, черкесы стреляли в него и его спутников из ружей на расстоянии 80 саженей. Суворов сделал вывод, что стрелки они плохие, из-за того что стреляли с сошек. Кроме этого он имел случай встретиться с некрасовцами и говорить с ними через реку Кубань. Некрасовцы рассказали ему, что лишены жилищ и бродят бесприютно в горах. Всего населения у них около трех тысяч обоего пола и от 600 до 800 строевых. Суворову они выразили готовность жить спокойно и желание возвратиться на русскую сторону.

Таковы были результаты десятидневного осмотра Суворовым местности и позиций русских войск в нижней части р. Кубань. Суворов создал очень простой практический план, вытекавший из развития принятой уже системы. Оставив базой армии Копыл, леваяший из деления Кубани на два рукава – азовский и черноморский, Суворов наметил глав-

ные укрепления и востепенные посты. Но приступить к сооружению укреплений было нельзя, т.к. в январе стояли еще холода, и Кубань покрывалась толстым слоем льда, из-за чего черкесы свободно переправлялись на другой берег и могли помешать строительным работам. Только с наступлением теплой погоды Суворов рассчитывал приступить к сооружению укреплений. Пока же он представил Румянцеву второй план укреплений вверх по Кубани против племен шапсугов, натухайцев и бжедзухов напротив рек Лабы и Урупа и далее вплоть до Моздокской линии. Это разъединяло черкесов и ногайских татар. Для осуществления своего плана Суворов считал необходимым снабжение укреплений "несколькими дюжинами" пушек, которые он просил отпустить из Азова, и один пехотный полк с тремя егерскими ротами.

Вместе с этими соображениями Суворов сообщал Румянцеву новые сведения о кубанских горах. По показаниям ушедших из плена, силы горцев в местах, примыкающих к нижнему течению Кубани, около двадцати тысяч, из которых вооружено ружьями, саблями и луками не более 15000. Пороха и свинца у них мало. За горсть пороха дают овцу, а свинец так дорого ценится, что за пять пудл отдадут хорошую бурку... В горах проходы тесные и леса большие, а по склонам гор, где живут черкесы, дороги ровные и реки не топкие поелику в них обитает камень⁵.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что Суворов уловил наиболее существенные особенности горских племен и спланировал Кубанскую кордонную линию. События ближайших лет подтвердили пользу проделанной им работы.

Крепость Анапа, которая не имела важного стратегического значения, до занятия русскими войсками Крыма, в 1781 году по указанию турецкого султана Гамиды, с помощью французских инженеров, была превращена в первоклассную, по тем временам, крепость с крупным гарнизоном. Анапа и Суджук-кале занимали ключевые позиции на подступах к Кавказу по суше и давали турецкому флоту возможность контролировать кавказское побережье⁶.

В 1782 г. против крымского хана Шагин-Гирея восстали два его родные брата и также родственник хана, приближенное к нему лицо, Мехмет-Гирей. Князь Г.А.Потемкин-Таврический поручил Суворову возвратить престол Шагин-Гирею, что тот выполнил, а братьев хана и Мехмет-Гирея захватил в плен.

В 1783 г. подданные крымского хана ногайские татары, находившиеся за Кубанью в количестве 4000 семейств прибыли в Суджук-кале и, видимо, в Анапу. Турецкими судами они были переправле-

ны в Бессарабию и тем самым усилили в этой местности турецкие войска своей кавалерией. После такого, враждебного по отношению к России шага, Г.А.Потемкин убедил Шагин-Гирея отказаться от престола в пользу России. Приведение в подданство татар было поручено Суворову. Первым его распоряжением было приказание донскому атаману А.И.Иловайскому, остановить поголовное ополчение казаков. Покорение ногайцев, писал Суворов Иловайскому, может быть, обойдется без кровопролития⁷. Суворов, собрав войска около Ейского укрепления, пригласил туда татарских мурз, где при общении с ними, называл их "старинными приятелями"⁸. Приятие присяги было проведено 28 июня, в день восшествия Екатерины II на престол. Многие влиятельные представители татарской знати были удостоены офицерскими чинами на русской службе, а хану Шагин-Гирею была назначена пенсия в 2000 рублей в год. Когда же по мысли Г.А.Потемкина ногайские татары должны были переселиться в степи южного Урала, согласившиеся было на это татары подняли бунт. Ночью 31 июня они напали на русские войска и на тех татар, которые сочувствовали переселению. Вскоре выяснилось, что виновником восстания был хан Шагин-Гирей, и князь Г.А.Потемкин приказал его арестовать, но тот успел уйти за р. Кубань из Тамани раньше, чем посланная команда прибыла в этот город. После усмирения мятежа, Шагин-Гирею разрешили возвратиться в Россию, и последний хан Крыма был сослан в Воронеж. Несмотря на значительную пенсию и ряд привилегий, хан решил отправиться в Турцию, рассчитывая на то, что ему там не будут мстить за прошлое. Однако, когда он там появился, был отдан приказ сослать его на остров Родос, где хан был задушен. Бегство Шагин-Гирея из Тамани побудило Суворова совершить поход против мятежников, укrywшихся за Кубанью по ее притоку, р. Лабе. Был распушен слух об отъезде Суворова в Полтаву, а тем временем ночью, 1 ноября 1783 г., тайно, отряд, с ним во главе, переправился через Кубань и в 12 верстах от берега реки, в урочище Керменчик произошло сражение с ужасными последствиями для татар, которые оставили 5000 убитых на поле боя.

В это время на востоке Северного Кавказа, в Чечне, первых военных успехов против русских войск добивается шейх Мансур, которые он объяснял своей особой духовной силой. Это стало известно в Турции, где искали союзников для войны против России. Несмотря на то, что в Мансур во главе своих единомышленников потерпел поражение при штурме Кизляра из-за чего его авторитет был подорван среди чеченцев, в 1785 году, состоялась его встреча с агентом турецкого правительства. Как

было отмечено в наши дни, в разговоре с турецким агентом шейх Мансур обнаружил не только свою неграмотность, и не знание мусульманской теологии. Кроме этого он опростовчиво похвалялся тем, что состоит в переписке с крымским ханом Шагин-Гирсем, который к тому времени уже был отстранен от власти. Этого не могли не знать в турецкой столице, куда вернулся агент от шейха Мансура. Вскоре о поездке на Кавказ узнали в русском посольстве в Стамбуле и сообщили в Петербург. Тем не менее, шейх Мансур, утративший свой авторитет у чеченцев, оказался нужным человеком для турецкой агентуры, которая подготовила в первой половине 1787 г. вооруженное выступление против России в западной части Северного Кавказа. Главные силы восставших закубанцев были сосредоточены в междуречье Урупа и Лабы, куда в начале июня прибыл Мансур.

С началом русско-турецкой войны 13 августа 1787 г. связаны военные действия Кавказского корпуса под командованием генерал-лейтенанта П.С.Потемкина, части которого совместно с казаками Иловайского 20 сентября нанесли поражение войскам Мансура на берегу Большого Зеленчука. 4 октября командование принял генерал-аншеф П.А.-Текелли-Порович, который совместно с Иловайским в конце октября завершил разгром. Сам Мансур благополучно добрался до черноморского побережья, а весной по пути следования сподвижников Мансура русская разведка в горах обнаружила множество замерзших трупов⁹.

В 1788 г. Текелли-Порович со своими войсками попытался занять турецкие крепости Анапу и Суджук-кале, но неудачно. Главной причиной этого был факт, что в 1781 г., когда русские войска занимали Крым, по указанию турецкого султана Гаида, с помощью французских инженеров, Анапа была превращена в первоклассную, по тогдашним европейским понятиям, крепость. Через два года, в феврале 1790 г. генерал-поручик Ю.Б.Бибилов, без разрешения попытался взять Анапу. Он переправился через р. Кубань по льду, имея 7609 человек и 26 полевых орудий. Больше месяца он осаждал Анапу. Налетевшая снежная буря нанесла большой урон русским войскам и 27 марта им пришлось начать отступление. За самовольные действия Ю.Б.Бибилов попал под суд. Два сухопутных и одно морское сражение явились подготовкой к другому решительному наступлению. Оно началось в 1791 г. Походом командовал генерал-аншеф И.В.Гудович, командующий войсками Кубанского и Кавказского корпусов. К Анапе подошло войско, насчитывающее около 15 тыс. человек с 50 орудиями. Для атаки было приготовлено 90 штурмовых лестниц. Гарнизон крепости состоял из 25 тыс. человек воору-

женных 83 пушками и 19 мортирами. Кроме того на стороне турок выступали черкесы. Несмотря на перевесство сил осада началась и 22 июня крепость пала¹⁰. Во время штурма генерал-майор С.А.Булгаков взял в плен укравшегося в погребше шейха Мансура, которого Гудович отправил в Петербург. Турецкий флот, посланный на помощь крепости, опоздал на 12 дней и ушел обратно. Русские войска взорвали батареи и разрушили город, но по Ясскому мирному договору Анапа снова перешла в руки турок. Они восстановили крепость и в начале XIX в. Анапа снова превратилась в центр работорговли¹¹.

При рассмотрении событий, связанных с Анапой, следует, на наш взгляд, обратить внимание на деятельность М.И.Кутузова, как дипломата. Академик Е.В.Тарле писал, что задачей дипломатической миссии Кутузова, которая продолжалась фактически, до марта 1794 г. "было предупредить заключение союза между Францией и Турцией, и устранить опасность проникновения французского флота в Черное море. Одновременно нужно было собрать сведения о славянских и греческих подданных Турции, а главное обеспечить мир с турками"¹². Как было отмечено в книге Н.П.Мунькова "Кутузов-дипломат": "О своих наблюдениях он должен был постоянно извещать командующего сухопутными силами на юге А.В.Суворова и председателя Черноморского адмиралтейского правления Н.С.Мордвинова "дабы они могли быть в мерах надлежащей осторожности противу всякого враждебного покушения со стороны турок"¹³.

Начавшаяся в 1806 году русско-турецкая война, снова сделала Анапу местом сражений, когда ожидалось нападение турецкого флота на Крымский полуостров. Высшее командование России все-речь собиралось осуществить военно-морской десант в столицу Турции. Однако в ходе первого совещания командующий Черноморским флотом маркиз Траверсе и херсонский генерал-губернатор дюк Ришелье убедились в невозможности высадки в Босфоре. После получения их донесения в Петербург поход был отменен. Не желая оставить Черноморский флот в бездействии, "Император повелел истребить Анапу, гнездо хищников"¹⁴.

В 1807 г. черноморская эскадра под командованием контр-адмирала С.А.Пустошкина вновь, после 1791 года, захватила крепость. Ее стены были взорваны. 80 колодцев крепости забиты чугунными ядрами и также взорваны. Но, вскоре, на этих развалинах опять появляются турки. Они опять восстанавливают крепость и заселяют ее. В 1809 г. русский отряд вновь овладел Анапой. Укрепления, которые турки успели восстановить за короткий срок, в этот раз были сохранены. В зимний период 1811-1812 гг. военные действия в западной части

Северного Кавказа возобновились и “велись в обычных рамках незначительных, хотя и назойливых набегов черкесов на казачьи хутора и селения”¹⁵. В случае же турецкой военной помощи, особенно при активизации военных действий между регулярными войсками России и Турции, пограничная линия снова потребовала бы ее значительного усиления войсками. Поэтому скорейшее заключение мира с Турцией накануне вторжения армии Наполеона было необходимо именно России. Из-за этого Кутузов решился частично пожертвовать плодами побед Русской армии на Кавказском побережье, но при этом сделал все возможное, чтобы уменьшить эти жертвы, хорошо понимая жизненно важное значение для России ее приобретений на восточном берегу Черного моря. Благодаря Кутузову русское военное присутствие сохранилось в Абхазии.

Заключение Бухарестского мира позволило не только отвлечь значительную часть казачьих и регулярных войск для изгнания армии Наполеона из российских пределов. В следующем, 1813 году черкесские набеги прекратились. Первой причиной этого было то, что турки, получившие обратно от русских крепость Анапу, обязались не допускать враждебных действий черкесов и, назначенный комендантом в Анапу Гуссейн-паша тщательно выполнял это обязательство. Спокойно прошел и 1814 год.

В XX веке представители европейской историографии создано неправильное, на наш взгляд, впечатление, что Бухарестский мир лишь восставлял прежние границы между Россией и Турцией на Кавказе. Это утверждение явилось источником версии о том, что Россия будто бы отказалась выполнять условия Бухарестского мира и незаконно удерживала ряд крепостей на черноморском побережье. В действительности Бухарестский трактат содержал ряд условий, существенным образом изменявших политическую картину Кавказа и определял новую расстановку сил в восточной части Черного моря. Благодаря дипломатическому искусству Кутузова, Россия приобрела участок восточного берега Черного моря протяжением более 200 километров. Это надежно обеспечивало морские коммуникации Абхазии и Крыма и одновременно пресекло турецкую военную экспансию на берегах Кавказа. Тонкость дипломатии заключалась в формулировке договора, в котором говорилось, что Россия отдает и возвращает Порте в таком состоянии, в каком теперь находятся крепости, замки, внутри сей границы лежащие и оружием Его Императорского Величества завоеванные...”¹⁶. Отсюда вытекало, что территории, принадлежавшие местным владетелям до войны, не подлежали возвращению Турции. Это в первую очередь относилось к

Абхазии, к Сухум-кале, который и являлся до войны резиденцией правителя и был “одновременно лучшим из портов на берегу Черного моря”. Значение сухумского порта с естественной зимней стоянкой судов по достоинству было оценено видным военным теоретиком генерал-лейтенантом Леером через несколько лет после окончания Кавказской войны”¹⁷. Заслуги Кутузова, как дипломата и последователя Суворова именно поэтому вызвали наше внимание. Стратегическая реконструкция и планирование кордонной линии Суворовым в западной части Северного Кавказа позволила перекрыть единственный зимний путь от Черного моря к Каспийскому, который Турция, непременно, использовала бы для переброски войск и снабжения оружием войск Шамиля в XIX веке.

Выяснение наиболее существенных особенностей народностей западной части Северного Кавказа позволило последователям Суворова проводить при создании новых видов оружия специфическую военно-техническую политику. Это можно проследить на деятельности участника суворовских походов А.Д.Засядко. Конструктор отечественных боевых ракет в первой половине XIX века работал, когда кавказский театр военных действий требовал новых видов артиллерийского вооружения, применительно к горным условиям.

Впоследствии, уже в середине XIX века, опыт Суворова, как командующего войсками юга России был, безусловно, использован при завершении Кавказской войны и Средней Азии последним генерал-фельдцейхмейстером России и кавказским наместником великим князем Михаилом Николаевичем.

1 Краг Хелен, Хансен Ларс Функ. Северный Кавказ: народы на перепутье. СПб., 1996. С.16, 17.

2 Гатигова Л. Чему мы учим.// Родина. 2000 № 1-2. С.203.

4 Шербина Ф.А. История кубанского казачьего войска. Т.1. Екатеринбург. 1910. С.374.

5 Там же. С.375.

6 Кругликова И.Т. Спидская гавань. Горгиппия. Анапа. М. 1978. С.35-36.

7 А.В.Суворов. Письма. Сост. В.С. Лопатин. М. 1986. С.507.

8 Из рапорта А.В.Суворова Г.А. Потемкину о восстании ногайцев, вызванном переселением их на Урал.// Русские полководцы. Т.П. Суворов. М. 1951. С.272.

9 Лесин В.д.и. Шейх Мансур. Родина. 1994. № 3-4. С.56-62. Родина. 2000. № 1-2. С.45-48.

10 Кругликова И.Т. Спидская гавань. Горгиппия. Анапа. М. 1978. С.36.

11 Там же. С.36.

12 Тарле Е.В. 1812. Избранные произведения. М. 1994. С.336, 360.

13 Муньков Н.П. Кутузов-дипломат. М. 1962. С.25.

14 Петров А. Война России и Турции. 1806-1812 гг. Т.1. СПб. 1885. С.288.

15 Шербина Ф.А. История кубанского казачьего войска. Т.1. Екатеринбург. 1910. С.179.

16 Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXX. 1812-1815 гг. СПб. С.319.

17 Энциклопедия военных и морских наук. Под ред. ген.-лейт. Леера. Т. VII. СПб. 1885. С.362.

“Казакі в Італо-Швейцарському поході 1799 г.”.

1799-й год принадлежит к числу тех достопамятных эпох отечественной истории, которыми Россия вправе гордиться. Это год славный и для Русского оружия, и для Русской дипломатии. Как писал Д.А.Милютин: “Судьба целой Европы, можно сказать, решалась в кабинете Российского монарха”. Русские войска сражались на обширном театре войны - от Италии до Голландии: впервые появились они так далеко от пределов отечества. Русские флаги развевались на всех европейских морях. Громкие победы в Италии и “дивный переход через Альпы” упрочили воинскую славу знаменитого русского полководца А.В.Суворова.

Помимо регулярных войск, бывших в Итало-Швейцарском походе, принимали участие и Донские казаки, которые впервые оказались, как в прочем и все русские части, в столь отдаленной и неизвестной местности. Однако донцы и в таких сложных условиях, будучи единственными русскими кавалерийскими частями армии А.В.Суворова в Италии, проявляли примеры героизма, стойкости и отваги.

В период царствования Павла I военную службу в Войске Донском несли около 20 тысяч человек – все годные, а иногда даже и негодные к строевой службе казаки – до самой своей смерти. В 1798 году казачьи чины были приравнены к армейским: войсковой старшина соответствовал майору, есаул – ротмистру, сотник – поручику, хорунжий – корнету. В следующем году жалование казачьих офицеров (в случае их нахождения на службе вне войска, на удалении более 110 км) было приравнено к жалованию соответствующих армейских чинов.

13/24 июля 1798 года императором Павлом I было дано высочайшее повеление о сосредоточении к Брест-Литовску корпуса под командованием генерала Розенберга на помощь Австрии. Рескриптом от 24 июля/ 4 августа 1798 года атаману Войска Донского генерал-лейтенанту Орлову было предписано отрядить в распоряжение генерала Розенберга четыре казачьих полка. Во исполнение этого повеления назначены были полки: Молчанова, Денисова 5-го, Сычова 2-го, Грекова 8-го. Кроме того, повелением от 27 августа/ 7 сентября в состав корпуса Розенберга были включены донские казачьи полки: Поздеева 6-го и Семерникова¹. Командиром всех казачьих полков, отправленных в этот поход, был назначен походный атаман Адриан Карпович Денисов. Всего же на службе в конце 1798 г. состояло 47 Донских и Уральских полков².

Как писал Д.А.Милютин: “Русские войска того времени не отличались совершенством материального устройства: в кавалерии лошади были содержаны дурно. Войска были привычны более к действиям против многочисленных неустроенных масс турецких, чем к европейскому образу войны. В горах и на местности пересеченной французские войска должны были неизбежно иметь перевес над Русскими”. Видимо понимая, что русская регулярная кавалерия не сможет быть пригодна для действий на сильно пересеченной и гористой местности, она и не была включена в состав корпуса Розенберга. Лишь казаки, как более мобильные соединения, которые могли действовать, как в пехоте, так и конном строю, могли быть полезны.

13-го октября русская армия выступила. На марше через Австрию корпус Розенберга следовал 2-мя колоннами, каждая из которых состояла из 2-х отделений. Донские казачьи полки были распределены следующим образом:

1-я колонна 1-е отделение - полк Денисова и 250 казаков полка Грекова в авангарде отделения, 2-е отделение - полк Семерникова и 250 казаков полка Грекова, 2-я колонна 1-е отделение - полк Поздеева и 250 казаков полка Молчанова, 2-е отделение - полк Сычова и 250 казаков полка Молчанова³.

17/28 декабря 1798 года в г. Брюне император Священной Римской империи Франц произвел смотр первой колонны корпуса Розенберга. Его сопровождали императрица, наследник престола эрцгерцог Иосиф, принц Фердинанд Вюртембергский, герцог Саксонский Альберт с несколькими своими генералами, граф Кауниц и русский посол граф Разумовский. На смотр казакам под командованием Денисова было приказано показать действия и приемы в конном строю. В своих воспоминаниях А.К.Денисов довольно подробно описывает маневры и действия казаков, которыми он командовал лично. Зрители были поражены мастерством и ловкостью донских казаков. Император Франц был очень доволен российскими войсками и многим на следующий день сделал подарки. Денисову так же, за хорошее командование и мастерство был пожалован бриллиантовый перстень⁴.

4/15 апреля 1799 г. А.В.Суворов прибыл в Валеджио, где находились австрийские войска. К 7-му числу в Валеджио собрались все русские части, составляющие дивизию генерал-лейтенанта Пovalo-Швейковского, в которую входили казачьи полки Грекова, Поздеева, Денисова и Молчанова под командование А.К.Денисова. Всего чис-

ленность казаков в полках, по списку на 29 марта, было 2390 человек⁵. Здесь Суворов пишет ряд распоряжений для союзной армии и в частности для казачьих частей: “Казаков надобно ставить вслед за пехотою, полками или сотнями, - чтобы немедленно преследовать неприятеля, лишь только начнет отступать.

В боевом порядке казаки должны строиться, смотря по местности, малыми или крупными частями, или позади линии или по флангам. Как только неприятельская линия сбита, казаки по своей быстроте отлично преследуют и в особенности забирают пленных. Иногда должны они кричать неприятелю: пардон! пардон!”⁶.

9/20 апреля вся армия осталась на местах, готовясь к выступлению. В этот день Суворов распределил казачьи полки по всем колоннам, приказав им следовать в голове. Фельдмаршал рассчитывал “на впечатление, которое должны были произвести в этом крас наши бородастые Донцы”.

10/21 апреля, согласно наступательному плану Суворова, союзная армия двинулась вперед. Казачьи части двигались впереди войск и проводили разведку. Однако первоначально из-за сильно пересеченной и не знакомой местности казакам было очень трудно вести ее, но Денисов нашел простой и в тоже время оригинальный способ. Он посылал вперед небольшие команды казаков с офицером, которые искали противника, а затем, обнаружив противника, и, запомнив местность, ехали назад и сообщали итальянцам, бывшим при австрийском генерале Шателере, эти данные, по которым точно и определяли нахождение французов.

Первое столкновение с французами в этой кампании, казаки имели при штурме г. Брешиа – одного из значительнейших городов Ломбардии. Авангард князя Багратиона и австрийский авангард Отта под общим командованием генерала Края 11(22) апреля взяли город. В атаке, по донесению Суворова, участвовал и отличился казачий полк Поздеева, за что командир полка был произведен в полковники. Хотя точных данных о действии казаков в этом бою нет, но в донесении Суворова сказано, что полк Поздеева с остальными русскими частями “под жестоким пушечными выстрелами крепостью завладели”⁷.

После столь успешного начала кампании союзные войска продолжили движение к р. Адде. 12-го апреля правая колонна союзной армии (русские части, дивизии Отта и Цонфа, и бригада Вукосовиа), подошла к Палаццолло. Двигавшийся во главе авангард Багратиона столкнулся у переправы с отрядом французов. Завязался бой. Не выдержав удара, французы начали отступать. Пока союзные войска устраивали переправу через р. Олио, полковник Греков со своим полком и частью полка Денисова,

послан был преследовать неприятельский арьергард, отступивший от Палаццолло на Бергамо. Казаки понеслись в погоню, и без оглядки ворвались вслед за неприятелем в сам Бергамо. Появление их в этом укрепленном и многолюдном городе было так неожиданно, так внезапно, что французы не успели даже укрыться в цитадели. Казаки захватили и город, и цитадель, взяв в плен до 130 человек. Там же было найдено 19 осадных орудий, много ружей, военных запасов и знамя⁸. Потери составили 2-е убитых, ранено 2 офицера и 14 казаков⁹. Ночью сам Суворов прискакал в город, “благодарил меня (Денисова – А.А.), полковника Грекова, и хвалил всех офицеров и казаков”¹⁰. Ночью же прибыл и авангард князя Багратиона. Суворов торопил войска, но Денисов сказал, что может выступить только утром, с половиной людей, а остальные останутся в Бергамо ковать лошадей. Утром, продолжая преследовать отступающего противника, казаки полки Денисова, Грекова и Молчанова, авангарда Багратиона, подошли к г. Лекко. Казаки окружили город, но в боевых действиях участия не принимали, т.к. местность не позволяла тому. Они лишь поддерживали огнем наступающие пехотные части. Ночью 15 апреля всем трем казачьим полкам было приказано перейти к Сан-Джержазо и поступить в распоряжение генералу Шателеру.

16/27 апреля союзная армия, наведя мосты и понтоны, начала переправляться через р. Адду. Казаки со своим походным атаманом Денисовым, смело высажились на правый берег и обскакали неприятельские посты в Треццо. Оставленный здесь французский батальон едва успел отступить. Генерал Моро, думая, что здесь была главная атака союзников, сам поскакал на место боя и чуть было не попал в руки казаков, рассыпавшихся даже до главной квартиры французской армии в Инцаго. Сосредоточив силы в районе Ваприо, Моро атаковал Отта и остановил его стремительное движение. Шателер поспешил на помощь, но и подкрепление не могло остановить наступление французов. В этот момент Денисов, собрав все три свои полка, вместе с австрийскими гусарами ударил в левый фланг неприятельской линии и опрокинул ее. Попытка контратаки французов не увенчалась успехом. 24-й конно-егерский полк, брошенный в атаку, был полностью разбит. Преследуя остатки полка до самого Горгонцоллы, казаки взяли “много пленных” в числе которых был захвачен генерал Бекер¹¹. В донесении Императору Павлу I Суворов высоко оценил действия казаков: “Вашему императорскому величеству не могу довольно похвалить отличную храбрость донских полков при низвержении не только кавалерии, но и пехоты пиками их”¹².

17 апреля казаки, посланные Суворовым за от-

ступающим противником, вступили в Милан. Майор Молчанов подошел с полком к городским воротам, и, найдя их запертыми, отбил их, вошел в улицы, колол и гнал встреченных французов, не успевших укрыться в цитадели. При этом было взято в плен 2 офицера и 32 рядовых. В городе найдено более 400 больных и раненых французов. Потери казаков составили 1 убитый и 2 раненых¹³. В этот же день Денисов послал известия о взятии Милана Суворову и Меласу, которые немедленно с войсками поспешили к городу.

17 апреля, в Светлое Христово Воскресенье, главные силы союзной армии под командованием А.В.Суворова вошли в Милан. Толпы народа вышли встречать входящие войска. Русские солдаты “возбуждали в Милане” общее внимание и любопытство. Особенно не могли надивиться итальянцы при виде бородатых казаков, которых прозвали *Русскими капуцинами* (gli capucini Russi). Многие откровенно сознавались, что считали прежде казаков людоедами¹⁴.

Пробыв 2 дня в Милане, Суворов приказывает продолжить кампанию. Главная действующая армия под личным командованием Суворова, куда входили все 6 казачьих полков, должна была двинуться к югу от Милана к переправам на р. По в Пиаченце и Парпанезе.

30-го апреля казачий полк Семерникова участвует в неудачном для русских сражении при Басиньяно. Поддерживаемые двумя ротами Тыртова, они отразили атаки французской кавалерии, которая пыталась обойти правый фланг русских.

5 мая казаки Молчанова и Грекова, из авангарда Багратиона, сражаются при Маренго. “Один его (*французский* – А.А.) целый гусарский эскадрон сколот казаками Молчанова; в других трех нападениях казаки, под предводительством походного атамана, а особливо полк Грекова, низвергли более 200 чел. Много раз Императорско-Королевская кавалерия рубила и поражала с казаками части разсыпанной неприятельской пехоты, и пригнав к р. Танаро, паки Молчанова полк отрезал одну полубригаду; сия бросилась в воду, где ее до 500 чел. потонула, а 78, бросив ружье сдались”¹⁵.

6 июня казаки (четыре полка) вместе с фельдмаршалом Суворовым первыми приходят на помощь австрийцам, сражающимися на р. Тидоне. В самый критический момент они являются на поле сражения. Суворов быстро принимает решение: два казачьих полка (Грекова и Поздеева) бросает вправо против польской дивизии Домбровского, а генерал-майор А.И. Горчаков – ведет другие два полка (Молчанова и Семерникова) влево, против правого фланга французов. Казаки “облетают” левый фланг поляков с криком, с визгом и бросают-

ся в рассынную на пехоту. “В первый раз войска Макдональда увидели наших Донцов”¹⁶. Неожиданной атакой казаки приводят противника в замешательство. Около 4 часа дня подходит авангард русских и тут же бросается в бой. Князь А.И.Горчаков с двумя казачьими полками, двумя русскими и тремя австрийскими гренадерскими батальонами атакует правое крыло французов. Под общим мощным ударом французы начали отступать. Дивизия Домбровского, атакованная во фланг и тыл казаками Грекова и Поздеева, построившись в каре начала отходить. Но казаки ворвались в их ряды “коля и рубя все, что попадалось”. Несколько батальонов было совершенно рассеяно. Подошедшая на выручку французская полубригада была также разбита. Все очевидцы этого дела говорят, что никогда еще казаками не было произведено столь блестящей атаки на пехоту¹⁷.

7 июня казаки принимают участие в сражении на р. Треббия. Казачьи полки Грекова и Поздеева, вновь атаковали поляков дивизии Домбровского. “Набросившись” с фланга казаки врубались в пехоту противника. Завязался упорный бой. Поляки дрались с ожесточением и яростью. Однако в конце концов, они были опрокинуты. Часть их была окружена и взята в плен, часть была перебита и лишь небольшому отряду удалось отступить. В то же время казаки Молчанова, с одним эскадром австрийских драгун, атаковали вышедшего на встречу им французскую кавалерию и опрокинули ее.

На следующий день сражения возобновилось. Казаки Грекова и Поздеева, как и накануне атаковали дивизию Домбровского. Не выдержав стремительного нападения, поляки были опрокинуты в горы, и едва успели отойти за Треббью.

На следующий день казаки авангард Чубарова у деревни Сан-Джоржио атаковали отступающего противника и участвовали в окружении и пленении 17-й полубригады.

К концу июля четыре казачьих полка были в авангарде Багратиона у Нови и два в корпусе Розенберга у Брони, а два остальных в корпусе Кейма в Пьемонте и отряде Кленуа у Сарзаны.

4 августа казаки участвовали в сражении при Нови с французской армией генерала Жубера. К сожалению, в литературе действий казаков в этом сражении не освещено, лишь в воспоминаниях А.К. Денисова есть небольшое описание их действий¹⁸.

16 августа Суворов получает из Вены известие новом плане военных действий. Венский Кабинет требовал выступления русских войск в Швейцарию. Выступив русские войска “усиленными переходами” прибывают 4-го сентября 1799 г. в Таверно, где Суворов узнает, что обещанных австрийцами мулов для обоза армии не доставлено. Это

чрезвычайно огорчило его, выпуждая отложить предполагаемую атаку неприятеля у Сен-Готарда. Но на военном совете было предложено употребить под выюки казачьих лошадей, поясняя тем, что в горах Швейцарии спешенные казаки могли даже быть полезнее, чем на конях. Суворов обрадовался этой мысли, и велел немедленно приготовить до 1500 казачьих лошадей под выюки. 8 сентября войскам были сделаны последние распоряжения. К каждой дивизии было придано по 50 конных казаков. Остальные же казаки, большей частью спешенные, были назначены для прикрытия обоза. Русским войскам предстояло действовать в совершенно новых условиях. В связи с этим было сделано наставление для движения и действия в горах. В голове каждой колонны должны были двигаться 25 казаков, которые должны вести разведку. Позади колонны обоз и казачьи лошади под прикрытием одного батальона и казаков.

14 сентября казачьи части вместе с войсками корпуса Розенберга участвовали в штурме Чертова моста. Спешенные казаки активно поддерживали огнем свою пехоту и помогали в строительстве переправы.

19 сентября два казачьих полка Поздеева и Курнакова вместе с арьергардом Розенберга отбивали атаки французов в Муттенской долине. Во время преследования отступающего противника казаки Курнакова, увлеченные горячей погоней, бросились в реку, переправившись в плавы и атаковали арьергард противника. Французы рассеялись по скалам гор, но казаки и там настигали их, выбивали из-за утесов и кустов. Только наступление ночи положило конец преследованию¹⁹.

К ночи прибыли последние выюки из Шахенской долины, а с ними и остальные части, в том числе полк Денисова и Грекова, которые присоединились к авангарду. На следующий день французы возобновили атаку. По приказу Денисова казаки встали по флангам войск. Генерал-майор Курнаков с одной частью встал с правого фланга, а Денисов с другой с левого фланга. Когда французские войска подошли на достаточно близкое расстояние, русские неожиданно сами перешли в контратаку. Не выдержав удара, французы начали поспешно отступать. Казаки бросились в погоню, однако из каменистой долины не смогли активно преследовать противника.

Французские войска бежали с позиций в беспорядке. Казаки Денисова, Курнакова и Поздеева гнали неприятеля, рубили и забирали в плен. У моста через р. Муотту французский арьергард попытался остановить преследователей. Открыв огонь по казакам, они на некоторое время остановили порыв донцов. Был убит полковой командир

Поздеев 4-й и несколько казаков. Но вскоре подошла русская пехота, и французы были вновь опрокинуты. Казаки гнали отступающих французов до самого Швица. Отважный полковник Греков с 300-ми казаками преследовал противника и многих взял в плен, в числе которых был начальник штаба 108-й линейной полубригады Лакур²⁰. С наступлением темноты русские войска отошли на прежние позиции. Полк Фертча с сотней конных казаков занял передовые посты. Посланные казачьи разъезды дошли до самого Швица и нигде не встречали противника, который оставался неподвижно в своей позиции у Севена.

Между тем, как Розенберг второй день отражал атаки французов в Муттенской долине, с другой стороны сам Суворов с авангардом Багратиона и дивизией Швейковского пробивались через долину Кленваль к Гларису. 20 сентября происходит тяжелый бой за деревню Нетсталь, где казаки вновь проявили себя.

Во время движения Суворовской армии из Глариса через гору Паникс к Иланцу казаки вновь участвовали в прикрытии армии и охраны обоза.

После ужасного перехода через Паникс, 26 сентября, русские передовые части достигли г. Иланца, а к вечеру прибыла и остальная часть Суворовской армии. 1 октября русские войска прибыли в Фельдкирх, где и расположились лагерем у деревни Альтенштадт. Там Суворов пишет донесение императору Павлу I, в котором высоко оценивает действия казаков в этом походе: "Казачьи полки Денисова и Курнакова открывали рассеянного неприятеля в выгодных для его местях, мнящего на некоторое время удерживаться: кунно с пехотными были и брали в полон"²¹. 4 октября Суворов выступил из Фельдкирха с корпусами Дерфельдена и Розенберга, и на другой день прибыл в Линдау. 9-го октября все русские войска соединились в единую армию под командованием Суворова. Всего в объединенной армии стало 10 казачьих полков под командованием А.К.Денисова: (Астахова, Грекова, Денисова, Семерникова, Поздеева 2-го, Молчанова, Курнакова, Сычова, Кумчатского и Поздеева 1-го). 15 октября русские войска выступили на зимние квартиры и, прибыв 25-го октября в Мемминген, расположилась между Иллером и Лехом. Казачьи полки расположились в первой линии по правой стороне Иллера. Пробыв более месяца, с 5 декабря по 14 января 1800 г., на зимних квартирах в Богемии, 14 января 1800 г. русская армия двинулась двумя колоннами в Россию. Все казачьи полки были распределены по корпусам²².

По возвращении в Россию император Павел I, 15 февраля 1800 года, пожаловал Войску Донскому знамя с надписью "Верноподданному Войску

Донскому, за оказанные заслуги в продолжение кампании против Французов 1799 года"²³, а Войсковой атаман Василий Петрович Орлов отдал приказ по войску – не употреблять прибывшие с Денисовым из похода казаков ни в какие службы в течение целого года.

Так закончился для казаков знаменитый Итало-Швейцарский поход, в котором они показали примеры храбрости и находчивости. В тяжелых условиях они доказали мощь и превосходство русского воина, его силу духа и воли.

¹ Д.А. Милютин. История Войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. СПб., 1857. - Т. III. С. 91

² В корпусе Розенберга – 6 полков (Денисова-5, Сычева-2, Грекова-8, Молчанова, Поздеева-6, Семерникова)

В корпусе Германа – 2 полка (Курикова и Поздеева-4)

В корпусе Нумсена – 4 полка (Кумчатского-3 и Астахова-2; Уральские: Бородина и Мизинова)

В корпусе Лассия – 4

В корпусе Бекендорфа – 2

В корпусе гр. Гудовича – 3

В корпусе Михельсона – 1

В корпусе Шниця – 2

По берегу Черного моря, под начальством гр. Каховского – 2

По Кубани, под начальством Кнорринга-2 – 5

На Оренбургской линии – 1

В Финляндии, под начальством Голенищева-Кутузова – 1

Около Бреста, под личным начальством атамана Орлова – 14

Д.А. Милютин. "История войны 1799 года между Россией и Францией...", СПб, 1857. - Т.3. с. 81.

³ Там же Т. I. С.86; Т. III. С. 95

⁴ А.К. Денисов. История Войска Донского казака им сами писаная // РО ИРЛИ Ф. 265, оп. 1, № 47.

⁵ Строевой рапорт Суворова Павлу I от 29 марта из Виллах.

Полки Всего	По списку		На лицо		Ген. и офиц.	Нижн. чинов
	Ген. и офиц.	Нижн. чинов	Всего			
Денисова	18 479	496	418	472		
Сычева	17 484	501	416	482	96	
Грекова	17 482	499	16	477	94	
Семерникова	17 474	491	17	467	484	
Поздеева	15 468	483	15	455	470	
Молчанова	16 484	500	16	478	494	

Всего 100 2871 2970 98 2831 2930

Д.А. Милютин. История Войны 1799 года... Т.3 С. 169

⁶ Там же Т.3 С. 167

⁷ Там же Т.1, С. 273; Т.3 С. 171.

⁸ Там же Т.1 С. 276.

⁹ Там же Т.3 С. 173.

¹⁰ А.К. Денисов. История Войска Донского казака самим им писаная // РО ИРЛИ Ф. 265, оп. 1, № 47.

¹¹ Д.А. Милютин. История Войны 1799 года... Т.1. С. 289.

¹² Реляция А.В. Суворова Павлу I о ходе военных действий, сражении на р. Адде и занятии Милана (20 апреля 1799 г.) А.В. Суворов. Документы. С. 44

¹³ Д.А. Милютин. История Войны 1799 года... Т.1. С. 298

¹⁴ Там же. С.301.

¹⁵ Из реляции А.В. Суворова Павлу I о взятии Турнина и действиях сокожых войск против Французов. (16 мая г. Турин) А.В. Суворов. Документы. С. 100

¹⁶ Д.А. Милютин. История войны 1799 года... Т.1. С. 526

¹⁷ Там же. С. 527.

¹⁸ А.К. Денисов. История Войска Донского казака самим им писаная // РО ИРЛИ Ф. 265, оп. 1, № 47.

¹⁹ Д.А. Милютин. История Войны 1799 года... Т.1. С. 291.

²⁰ Рейдинг-Биберег. Поход Суворова через Швейцарию. СПб., 1902. С. 95.

²¹ Реляция А.В. Суворова Павлу I о походе в Швейцарию от 3 (14) октября.

А.В. Суворов. Документы. С. 357

²² Д.А. Милютин. История Войны 1799 года... Т.1. С. 490-493. Т.111. С. 643

²³ Казачьи войска. Справочная книжка Императорской Главной Квартыры. СПб., 1992. С. 55, 71. Репринт.

* Князь Андрей Иванович Горчаков (1779 [1776]-1855) - племянник А.В.Суворова, младший брат князя Алексея Горчакова. В феврале 1799 г. Павел I поручил князю Андрею сопровождать своего дядю - главнокомандующего на театр военных действий в Италии. Горчаков участвовал во взятии крепости Брешиа, отличился в сражении при Маренго и награжден командорским крестом ордена св. Иоанна Иерусалимского, за отличие в трехдневном сражении на реках Тидона и Треббии награжден орденом св. Анны 1 ст. с алмазами, за участие в сражении при Нови получил орден св. Александра Невского, а за атаку при взятии Сен-Готтардского перевала в Швейцарском походе - алмазные знаки последнего ордена.

Лукирский А.Н.

Учитель истории Ново-Девяткинской средней школы № 1.

Трофей сражения при Треббии: знамена 17 полубригады.

Сражение при Треббии 7-9 июня 1799 г. – одно из крупнейших сражений Итальянского похода 1799 г. В результате победы на реках Тидоне, Треббии и преследования на реке Нуре, русскими были захвачены многочисленные трофеи, в том числе 6 знамен и 1 штандарт. Эти знамена принадлежали различным частям французской армии: 17 и 55 полубригадам и 1 и 3 батальонам 1-го Польского легиона. На некоторых обстоятельствах захвата знамен 17 полубригады мы хотели остановиться несколько подробнее.

После сражения на Треббии командующий Неаполитанской армией генерал Макдональд принял решение отступать. Для прикрытия отступления и для того, чтобы можно было эвакуировать раненых

из госпиталя в Комбарино, в Сан-Джорджо был оставлен сводный отряд из дивизии Домбровского в составе 17 полубригады, 1 кавалерийского полка и 6 орудий, а так же к ним присоединились солдаты из польского легиона. Деревня Сан-Джорджо находилась на берегу реки Нуры, селение состояло из 50 каменных домов и в нее, через достаточно широкую реку, вел единственный каменный мост. Пользуясь выгодой своего расположения, французский отряд смог отбить несколько атак союзников под командой П.И.Багратиона. После неудачных атак наступило некоторое затишье, во время которого голодные польские солдаты, пахотившиеся в боевом охранении, написали.

К полудню к Сан-Джорджо прибыл Суворов,

который лично указал драгунам Карачая, гренадерам Розенберга, егерям Чубарова места переправы. Войска двинулись в решительную атаку, обошли деревню с флангов, французы пытались прорваться, но были отрезаны и сложили оружие¹.

А.В.Суворов в рапортах императорам (австрийскому Францу и российскому Павлу) указывает следующие трофеи: 2 полковника, 1 подполковник, 26 офицеров, около тысячи рядовых, три знамени и одно орудие, захваченные егерями Чубарова и одну гаубицу и одну пушку, взятую драгунами Карачая². Французы приводят несколько другие данные, по количеству пленных: 2 старших офицера, 27 офицеров, 1070 унтер-офицеров и рядовых французов, 100 поляков, 30 драгун 19 полка, 2 гаубицы и 4 пушки. 1 знамя, и 2 фаньона³.

Первый вопрос, который предстояло решить: какая именно полубригада, линейная или легкая, потеряла свои знамена при Треббии? По всем расписаниям французской армии в Италии, опубликованным в классическом труде Д.А.Милюткина "История войны 1799 года", во французской армии Италии значится 17 Легкая полубригада⁴. Французский историк Гашо в своем труде "Суворов в Италии" в тексте, описывающем бой у Сен-Джорджо, указывает и 17 легкую и просто 17 полубригады, а в приложении указывает в составе дивизии Домбровского 17 линейную полубригаду⁵. В рапорте А.В.Суворова императору Францу II, кроме номера полубригады (семнадцатого) указано, что часть пленных, захваченных в составе полубригады, прежнего полку Овернье". Указание на Овернский полк находим и в рапорте А.В.Суворова императору Павлу I⁶.

В королевской армии две пехотные части носили название Овернских - пехотный полк и егерский батальон. А в республиканской две полубригады носили номер 17 - линейная и легкая. Мы стали проверять оба этих подразделения. Как нам удалось установить, семнадцатая легкая не имела отношения ни к одной из частей, носящих имя Овернских, поскольку на ее формирование пошли части Королевского Итальянского полка и Королевские егеря Прованса⁷. В списке полков королевской армии Овернский полк имел № 17. Но имел ли он какое-либо отношение к 17 полубригаде? Задача осложнялась тем, что во время революции, в феврале 1793 года, во французской армии началась реформа, которая получила название "Амальгамы", слияние линейных частей старой королевской армии с батальонами волонтеров, при этом к одному батальону королевской армии добавлялись два волонтерных. Вновь получаемые формирования получили название полубригад⁸. Обратившись к трудам историка французской армии А.Ригондо, мы нашли следующую информацию: 17 линейная полубрига-

да была сформирована в Ландау 29 января 1796 г. путем объединения 33 и 178 полубригад, в число которых входили солдаты старого полкад "Овернь"⁹. Т.о. несомненная связь между 17 полком королевской армии и 17 полубригадой установлена.

Второй вопрос, на который надо было найти ответ, какого образца знамена были захвачены во время преследования французов на реке Нуре? Во французской революционной армии к 1799 г. существовали два образца знамен: 1794 и 1797 гг. В 1989 г в журнале "Tradition" № 30-31 А. Ригондо были опубликованы таблицы проектов знамен французских полубригад, которые ввели в марте 1794 г. В качестве приложения к этой статье были использованы изображения сохранившихся в Берлине и Вене знамен республиканской пехоты. Эти знамена имеют белые полотнища, на которые нанесены различные геометрические фигуры синего и красного цветов. Распологая фотографией знамени 17 полубригады, приводимой в книге Андоленко¹⁰, мы сравнили это знамя с данными таблиц, приводимых в журнале. Знамена 17, 33 и 178 полубригад не совпадают с фотографией, но следует заметить, что некоторые знамена не имеют ничего общего с предписанными. Что касается знамен образца 1797 г., они были выданы 14 июля 1797 г. общим количеством 90 штук для частей Итальянской армии, а так же выдавались полубригадам Египетской армии. Эти знамена, во всех батальонах одинаковые, различались латинскими буквами обозначавшими батальон: Р (первый), Д (второй), Т (третий), но и этот тип знамен не совпадает с фотографией знамени 17 полубригады¹¹.

Мы можем предположить, что знамя 17 полубригады хранящееся ныне в музее А.В.Суворова или нестандартного образца, или, что более вероятно, это фаньон (батальонный значок). Это косвенно подтверждают данные, приводимые в книге Гашо "Суворов в Италии", и ссылка Андоленко на австрийские данные, которые определяют трофеи захваченные, на Нуре как знамя и два фаньона¹².

Память о захвате знамен на реке Нуре сохранялась в русской императорской армии до 1918 года. На знаменах Московского гренадерского полка образца 1800 г. была надпись "За взятие у Французов знамени, на реках Треббии и Нуре. 1799 г."¹³.

Автор выражает благодарность за помощь при подготовке данной статьи Т. А. Ли и К. В. Нагорному.

1 Gachot E. Souvarov en Italie. Paris, 1903. P. 280 – 285.

2 Реляция А. В. Суворова Павлу I о военных действиях с 24 мая по 10 июня и о сражении при Треббии. // Суворов А. В. Документы. М., 1953. Т. 4. С. 174; Подробная реляция о сражениях 17/6, 18/7 июня и 19/8 числа на Треббии и Тидоне и о преследовании неприятеля 20/9 числа через Ниру, представленная от Суворова императору Францу II. // Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947. С. 290.

3 Gachot E. Op. cit. P. 284.

4 Милютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и

Францией в царствование императора Павла I. СПб., 1857. Т.3. С. 151, 213. 5 Gachot E. Op. cit. P. 284, 446.
6 Реляция А. В. Суворова Павлу I о военных действиях с 24 мая по 10 июня и о сражении при Треббии. // Суворов А. В. Документы. С. 174; Подробная реляция о сражениях 17/6, 18/7 июня и 19/8 чисел на Треббии и Тидоне и о преследовании неприятеля 20/9 числа через Нуру, представленная от Суворова императору Францу II. // Хрестоматия по русской военной истории. С. 290.
7 Bussy E. - L. Les uniformes du premier empire: l'infanterie. Paris, 1979. P. 178.

8 Haythornthwaite Ph. Napoleon's line infantry. London. 1987. P. 3.
9 Rigo Le Plumet. Planche 231.
10 Andolenko C. R. Aigles de Napoleon contre drapeaux du tsar. Paris. 1969.
11 Rigo La Plumet. J' Etais en Italie en Egypte. // Tradition. 1987. № 11. P. 16 – 21.
12 Gachot E. Op. cit. P. 284; Andolenko C. R. Op. cit. P.32.
13 Габаев Г. Роспись русским полкам 1812 г. Киев. 1912. С. 188.

Островский О.С.

Государственный мемориальный музей А.В.Суворова.

Военачальники французской республиканской армии в оценках и отзывах Суворова.

В устах любого полководца высказывания о своих противниках имеют особый смысл. Верная оценка качеств соперника для военачальника весьма важна, что неоднократно подтверждалось историей. Например, Аустерлицкое сражение. Союзное командование составило диспозицию, полагая, что Наполеон будет невозмутимо наблюдать, как окружают его армию. Результат такой недооценки противника известен.

Поэтому высказывания Суворова о людях, противостоявших ему на полях сражений в Италии и Швейцарии, и сопоставление их с мнением историков, сложившимся за 200 лет изучения суворовских кампаний, позволяют выяснить насколько объективен фельдмаршал в оценке своих противников.

Впрочем слова, как произнесенные, так и написанные, материал довольно ненадежный. Всегда необходимо учитывать в какой обстановке произносилась или писалась данная фраза.

Например, один из самых известных фактов взаимоотношений Суворова и французских генералов. Славившийся при Адде генерал Серюрье получает от Суворова обратно свою шпагу. При этом фельдмаршал произносит следующие слова: "Кто ею так владеет как вы, у того она неотъемлемая. Благородно. Но когда Серюрье попросил освободить его солдат, то в ответ услышал следующее: "...вы лучше меня знаете, что народ в революции есть лютое чудовище, которое должно укрощать оковами" (!).

Широко известно гуманное отношение полководца к пленным полякам и туркам, отпуславшимся под честное слово. При взятии Турина французский гарнизон заперся в цитадели, откуда вел огонь по расположенным в городе войскам. По распоряжению Суворова коменданту Фиорелле был направлен ультиматум, в котором в частности говорилось: "... Если вы против всех обычаев, существующих между народами просвещенными, велите стрелять по городу, то предавая вас, генерал, что за это потеряны французы, взятые в плен при вступлении в Турин; тогда их всех, не исключая и больных, поставят на эспланаде цитадели, и там будут

до тех пор держать их, пока рассудите вы стрелять по безвинным гражданам...". Вот так. В турецкой же крепости Измаил безвинных граждан, разумеется, не было.

Из двух этих примеров следует, что приблизительно в одинаковой ситуации Александр Васильевич реагировал на своих противников по-разному. Отсюда вывод: к речам фельдмаршала следует подходить с изрядной долей осмотрительности.

Самая, на мой взгляд, достоверная информация кроется в служебной и личной переписке. Вернее в документах, написанных до решающего сражения, так как при известном результате (а это были исключительно победы) может слегка измениться и мнение о проигравшем. Информация эта содержит четкий анализ вероятных действий противника и сопоставление его возможностей с собственными.

Второй источник - устные изречения, записанные современниками. Так как все это в основном в форме анекдотов писалось задним числом, то к такого рода речам необходимо подходить критически.

И, наконец, полученную информацию желательно сопоставить с личностями самих французских военачальников. Как развивалась их военная карьера до встречи с Суворовым? Достаточно важны и их собственные отзывы о фельдмаршале.

Теперь, имея в виду всё вышесказанное, можно перейти к отдельным лицам, по мере соприкосновения их войск с русскими войсками.

Первым военачальником, противостоявшим Суворову, был командующий Итальянской армией генерал Шерер. Блистательными способностями он не отличался и впечатляющих побед на своем счету не имел. Прослышав о том, что на первом смотре по случаю принятия армии Шерер (в прошлом офицер имперской службы) проявил исключительный педантизм по части обмундирования, Суворов заметил: "Ну, теперь я его знаю. Такой эскерцимейстер не увидит, когда его неприятель окружит и разобьет".

Однако в скором времени Шерера сменяет Моро. Генерал Моро к этому времени имел за пле-

чами несколько лет успешных операций на Рейне и в Германии. Поэтому за ним уже укрепилась репутация одного из лучших полководцев Французской республики.

Узнав о смене французских главнокомандующих, фельдмаршал произносит: "... Мало славы было бы разбить шарлатана. Лавры, которые похитим у Моро, будут лучше цвести и зеленеть".

Моро разбит при Адде, "лавры похищены", но фельдмаршал действует с оглядкой на Италийскую армию. Его беспокоит, что два корпуса с других театров "... спешат к подкреплению армии Моро." Суворов обеспокоен, что Моро, получив такие подкрепления начнёт активные действия. И он прав.

"...противник предпринятой вчера операцией ясно показал, что он имеет намерение захватить Тортону, которую я стремлюсь удержать". Эта вылазка Моро была отражена. Суворов поворачивает на Макдональда. Но "Моро, как скоро сведом о нашем походе, пошёл с собранным им всем войском до 10000, в том числе 1000 генуэзцев на Бокету, Нови, через Тортону, которую опорожненную занял и стал на левом берегу Бормиды при Сенжульяне и Маренго". Учитывая то, что Александр Васильевич пишет всё это в победной реляции Павлу I, можно предположить какое впечатление произвело на него занятие без боя "ключа Пьемонта" и "...самой сильной крепости Европы." (собственные слова фельдмаршала о Тортоне). Но Макдональд разбит, Суворов разворачивает свою армию: "Угостим Моро, как и Макдональда". Моро отступает.

В результате всех этих событий французский генерал заслужил следующую оценку: "Он меня, седого старика, несколько понимает, но я его больше. Горжусь, что имею дело с славным человеком." Во всех упомянутых высказываниях есть доля уважения к такому противнику, как Моро.

Следующий противник фельдмаршала - генерал Макдональд, командующий Неаполитанской армией. Разбив Моро на Адде, русский главнокомандующий фактически беспрятственно утверждает в северной Италии. "Макдоналя ждуть из Неаполиса тысячах в 15-ти...." Это не опасно. Даже собрав воедино все разрозненные французские дивизии (что он и сделал), Макдональд сможет выставить против соединённой союзной армии (80000, не считая гарнизонов) лишь не более 45000 солдат. Суворов резонно полагает, что армия Макдональда опасна лишь по соединении с войсками Моро.

Поэтому фельдмаршал пишет Отту: "Главной целью вверенного вам корпуса попрежнему остаётся воспрепятствование соединению войск генерала Макдональда с войсками генерала Моро." Бельгарду также приказано: "...не допустить соединения Моро и Макдональда." Или в письме

А.К.Разумовскому: "Макдональ не побит, он соединится с Моро..." Отсюда вывод: если Суворов и считал Макдональда достойным соперником, то лишь совместно с Моро. А вот что фельдмаршал пишет по поводу сражения при Треббии: "Хотя мы и победили неприятеля довольно чувствительно 17 и 18 числа, он 19-го отважился добиваться связи с генералом Моро." После Треббии имя Макдональда также отдельно от Моро практически не упоминается: "Макдональ убеждал Моро неоднократно, чтоб с ним соединиться...", "...если случилось, что и Моро с ним соединится."

Таким образом, можно утверждать, что Александр Васильевич считал Макдональда решительным и смелым генералом, но неспособным малым числом противостать союзной армии.

Сам Макдональд сказал однажды русскому послу Толстому при беседе в Париже, указав на толпу придворных: "Не видать бы этой челяди Тюильрийского дворца, если бы у вас нашёлся другой Суворов."

Спустя месяц на место Моро назначается новый командующий - Жубер. Это был талантливый генерал, отличившийся ещё под началом Бонапарта в 1796-97 годах.

Суворов в своей переписке характеризует его как "...доверенность войск имевшего и храбростью славившегося генерала Жуберта...", а также замечает: "Юный Жуберт пришёл учиться; дадим ему урок." Всё та же уверенность в своих силах. И отнюдь не безосновательная, как выяснилось при Нови.

Позднее, уже в Швейцарии, появляется ещё один незаурядный противник - Массена, командующий Гельветской армией. За его плечами также Итальянская кампания Бонапарта. Его полководческий талант (как и Жубера) отмечен самим Наполеоном. Зато он обладал непомерной страстью к наживе, что отмечалось многими современниками.

Судя по всему Массена доставил фельдмаршалу немало беспокойства. Обратимся к переписке: ".....Корсаков останется с 33000 и, хотя в свете ничего не боюсь, скажу, в опасности от перевеса Массены, мало пособят мои 12000 отсюда." \; "...эргерцог бежит; не бьёт Массену, будучи с российскими, чуть не в полтора сильнее его. Новый Перун! Зрите...сё уже мне префона, кроме могущих быть между тем через Сен-Готард снегов, к соединению с Корсаковым"; "Массена не имеет никакой причины нас там ожидать; чтоб разбить нас по частям, он устремится на Корсакова, который приблизится к нему, потом на Конде и этого для него уже будет довольно."

В "Истории войны 1799 года...." Милютин указана численность корпуса Римского-Корсакова при Цюрихе-27000 человек. С указанными Суво-

ровым 12000 это составит 39000 против 39300 солдат Массены (там же). И все же Александр Васильевич считает, что его солдаты (и он сам!) против равного количества французов Массены “мало побоят”.

“Пренеоной “себе фельдмаршал человека зазря не назовёт.

Ну и наконец, Массена сделал именно то, чего Суворов боялся: начал бить союзников по частям.

Вывод: Александр Васильевич считал Массену потенциально опасным. Как оказалось не беспочвенно.

Кроме французских главнокомандующих Суворову также противостояли и дивизионные генералы. Многие из них, уже тогда достаточно известные люди, особенную славу приобрели в годы Империи. Надо сказать, что им Александр Васильевич уделял мало внимания и рассматривал скорее как статистическое подтверждение своих побед.

Пример - сражение при Нови. Фельдмаршал доносит Павлу I: “...неприятель потерял на месте и в погоне убитыми до 5000, пленено до 4000 при генералах дивизионных Груши, Периньян-раненых; и Коли с бригадным Партоно...”. Груши и Периньян попали в плен, после упорного сопротивления, сражаясь наравне со своими солдатами, причём Груши получил в общей сложности 14 ран. Великий князь Константин даже прислал генера-

лу своего хирурга. А вот Александр Васильевич, похоже, на проявленную врагами доблесть не отреагировал. Складывается впечатление, что фельдмаршал вообще не одобрял неприятельской стойкости. Зато сдвинувший Серюрье удостоился похвалы. Кроме последнего внимание Суворова обратил на себя всего один дивизионный генерал, правда не француз, а поляк - Генрих Домбровский: “Это знакомый. В польскую войну этот мальчик-красавчик попался в плен. Я его тотчас отпустил к маме, сказав: беги скорее домой и кланяйся мамаше; а не то русские тотчас убьют. Как бы я хотел возобновить с ним знакомство”!

Каков же итог?

Русский полководец Александр Васильевич Суворов признавал за своими противниками некоторые дарования, но вполне определённо считал, что противостоять самому Суворову им не под силу.

Впрочем, этим всегда отличались все удачливые военачальники.

Источники:

“А.В.Суворов. Письма”. М.,1986 г.

“А.В. Суворов.Документы”. М., 1953 г.

“Анекдоты князя Италийского, Графа Александра Васильевича Суворова-Рымникого”. Составитель И. Зейдель. Спб., 1865г.

“Жизнь Суворова, им самим описанная”. Составитель С.Глинка. М., 1819г.

“История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование Императора Павла I”. Составитель Д.Милютин. Спб., 1857 г.

Чернявский С.В.

Начальник научно-экспозиционного отдела Центрального военно-морского музея, кандидат исторических наук.

Корабли Российского флота, названные именем Суворова.

Традиция давать кораблям имена ведет свое начало с очень давних времен. Тогда на совсем небольших судах моряки пускались в далекие плаванья, порой уходя в неизведанное. Современному человеку, особенно тому, кто не понаслышке знает, что такое морские и океанские плаванья и с какими они сопряжены трудностями, тяжело это представить. В наше время совершенных навигационных систем и спутниковой связи далеко не каждый, даже очень опытный моряк, решится на такое отчаянное предприятие. Поэтому издревле корабли, от которых в буквальном смысле зависела жизнь моряков, воспринимались как живые существа, а порой и обожествлялись. А поскольку корабль имеет душу, то он должен иметь и собственное имя.

И по сей день моряки всех флотов мира к своим кораблям относятся с большим уважением и любовью, и даже самым небольшим из них дают имена.

Именами выдающихся военных деятелей кораблей Российского флота начали называться с начала XIX столетия. До этого они носили или наименования, связанные с религией (“Св. Петр”, “Св. Павел”, “Св. Ев-

стафий Плакида”, “св. Гавриил”, “Божье Предвидение”, “Богоматерь Тихвинская” и т.д.), или названы в честь выдающихся побед и тех мест, где эти победы были одержаны (“Гангут”, “Полтава”, “Азов” и т.д.), или носили такие имена, как “Надежда”, “Нева”, “Курьер”, “Штандарт” и т.д. Эта традиция сохранялась и в более поздние времена.

В начале XIX века в русском флоте появился первый корабль, названный именем нашего выдающегося соотечественника, блестящего полководца, генерал-лиссимуса, князя Александра Васильевича Суворова.

Это был небольшой корабль, вместимостью всего 300 тонн, длиной 30,5 метра, с экипажем 31 человек, вооруженный 14 орудиями. Он был построен в Нью-Йорке и куплен у американцев при участии главного инспектора Кройштадтского порта И.П.Амосова для грузовых перевозок между портами Европейской России и Русской Америки. “Суворов” принадлежал Российско-Американской компании. В 1813 году корабль совершил первое кругосветное плавание к берегам Аляски. Командовал “Суворовым” тогда еще лейте-

напт, а впоследствии известный русский моряк-исследователь, искусный и талантливый флотоводец, воспитавший таких выдающихся деятелей отечественного флота, как адмиралы В.А.Корнилов, П.С.Нахимов, В.И.Истомин, - адмирал Михаил Петрович Лазарев. Корабль под его командованием вышел из Кронштадта 9 октября 1813 года с грузом для русской колонии в Америке. Он пересек Атлантический океан, дойдя до южной оконечности Африки, обогнул мыс Доброй Надежды и 18 ноября 1814 года, пробыв в плавании больше года, прибыв на Аляску, в порт Ново-Архангельск (в настоящее время город Ситка, США). Летом 1815 года "Суворов" покинул берега Америки и, обогнув теперь уже мыс Горн, (южная оконечность Америки), 15 июля 1816 года, после без малого трехлетнего отсутствия в родном порту, прибыл в Кронштадт. Во время плавания была открыта группа атolloв в Тихом океане, один из которых называли именем Суворова.

В сентябре 1816 года "Суворов" под командованием лейтенанта З.И.Панафилина отправился во второе кругосветное плавание к берегам Америки вместе с кораблем "Кутузов". Необходимо было доставить в Ново-Архангельск различные грузы и главного правителя русской колонии Л.А.Гагемейстера. Корабли обогнули мыс Горн, а от города Кальяо (Перу) "Суворов" продолжал плавание самостоятельно, прибыв в Ново-Архангельск в июле 1817 года. В октябре 1818 года корабль благополучно вернулся в Кронштадт.

Следующим кораблем, получившим имя прославленного русского полководца, был построенный в 1858 году в городе Кунгуре на заводе Гакса буксирный колесный железный пароход, предназначенный для плавания в Волжско-Камском речном бассейне. Пароход "Суворов" имел длину 53 метра, ширину 5,7 метра и высоту борта 2,8 метра. Мощность паровой машины равнялась 58 номинальным лошадиным силам. Владелец парохода был И. И. Бай-Бородин.

Еще одним кораблем, носившим имя "Князь Суворов", был эскадренный броненосец, построенный в 1904 году для нужд Дальнего Востока, то есть для Тихоокеанского флота. Примечателен тот факт, что решение о присвоении броненосцу имени Суворова было приурочено к 100-летию годовщины со дня смерти полководца в «вечное сохранение и напоминание доблестного имени». Корабль строился в Санкт-Петербурге, на Балтийском заводе по проекту конструктора К.Я.Аверина. Это был современный для своей эпохи крупный боевой корабль. Броненосец имел водоизмещение 13516 тонн, длину 121 метр, ширину 23 метра и осадку 8 метров. Скорость его достигала 18 узлов, то есть около 35 км в час, экипаж насчитывал 903 человека, из них 47 офицеров. Корабль имел мощное бронирование: борт - 178 мм, палуба - 50 мм, боевая рубка - 203

мм, и достаточно сильное артиллерийское и торпедное вооружение: 305-мм орудий - 4, 152-мм - 12, 75-мм - 20, 47-мм - 20, 37-мм - 2 и 2 - 405-мм торпедных аппарата. Командовал броненосцем капитан 1 ранга В.Н.Игначиус.

Начало русско-японской войны ускорило строительство корабля, и уже летом 1904 года он был переведен в Кронштадт и свой флаг поднял на нем командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал З.П.Рожественский. Таким образом эскадренный броненосец "Князь Суворов" стал флагманским кораблем эскадры, ушедшей 29 августа 1904 года из Кронштадта и нашедшей свою гибель в водах Корейского пролива близ островов Цусима.

После высочайшего смотра в Ревеле (Таллин) и непродолжительной стоянке в Либаве (Лиепая), 2 октября 1904 года эскадра, ведомая броненосцем "Князь Суворов", вышла в море.

Совершив изнурительный многомесячный переход, в ночь на 27 мая 1905 года, корабли 2-й Тихоокеанской эскадры вошли в Цусимский пролив. Обнаружив русские корабли, японская эскадра, которой командовал адмирал Х. Того, начала развертывание сил, а в 13 часов 15 минут атаковала русскую эскадру. С первых минут бою флагманский корабль "Князь Суворов", идущий головным и несущий флаг командующего эскадрой, стал для японцев главной целью. Он получил около ста попаданий японской артиллерии и уже через 43 минуты после начала боя вышел из строя, перестав слушаться руля. Описав полную циркуляцию вправо, броненосец в строй ордера больше не вступил, а вице-адмирал З.П.Рожественский, получив два тяжелых ранения, фактически утратил руководство эскадрой. Корабль следовал дальше, управляясь только машинами и отбиваясь от беспрерывных атак противника. Около 17 часов 30 минут Рожественский и часть его штаба были сняты с броненосца миноносцем "Буйный". Командование русскими кораблями принял контр-адмирал Н.И.Небогатов. В течение полутора часов после этого "Князь Суворов" сражался с окружавшими его японскими крейсерами и миноносцами, ведя огонь из единственного уцелевшего 75-мм орудия. Получив тяжелейшие повреждения, в 19 часов 30 минут броненосец затонул со всем экипажем.

В годы Великой Отечественной войны в составе Черноморского флота принимал участие в боевых действиях сторожевой катер, носивший имя Суворова. Катер участвовал в одной из крупнейших десантных операций времен войны — Керченско-Феодосийской (25 декабря 1941 г. - 2 января 1942 г.), целью которой было создание плацдарма для освобождения Крыма.

После войны крупнейшим кораблем, названным именем нашего великого полководца, стал легкий

крейсер "Александр Суворов", вошедший в состав флота в 1953 году. Это был крейсер типа "Свердлов". Решение о строительстве большого количества кораблей этого типа было принято на совещании в Кремле в 1947 году. Основанием стало заявление Главнокомандующего Военно-Морским Флотом адмирала И.С.Юмашева о том, что эти крейсера по своим боевым возможностям превосходят ранее предложенные проекты.

Первый крейсер заложил в 1948 году в г. Николаеве, где в благоприятных климатических условиях были отработаны все технологические процессы для строительства серии кораблей.

Осенью 1948 года в Ленинграде был заложен головной корабль, названный "Свердлов". Работы по постройке серии велись широким фронтом, одновременно на девяти построечных местах четырех заводов: двух в Ленинграде, одного в Николаеве и одного в Молотовске (Северодвинск).

Крейсер "Александр Суворов" был построен в Ленинграде на Балтийском заводе. Это корабль водоизмещением 16653 тонны. Длина крейсера 210 метров, ширина 22 и осадка 7,4 метра. Скорость максимальная 31,5 узла (около 60 км в час). Экипаж насчитывал 1270 человек, из них 60 офицеров. Корабль имел сильное артиллерийское, торпедное и минное вооружение. Артиллерийское: 152-мм орудий - 4х3, 100-мм - 6х2, 37-мм - 16 х 2; торпедное: 2х3 - 533-мм торпедных аппаратов; минное: 179 мин различных типов. Кроме того, крейсер был вооружен современными радиотехническими средствами, обеспечивавшими эффективный поиск и уничтожение противника.

Военно-морской флаг на "Алекса́ндре Суворове" был поднят 18 февраля 1954 года. Корабль вошел в состав Балтийского флота. Помимо проведения боевой подготовки, то есть подготовки к ведению боевых действий, корабли этого типа часто принимали участие в зарубежных визитах, что является обычной практикой для всех морских держав. Не стал исключением и крейсер "Александр Суворов", нанесший визит в г. Портсмут (Великобритания) в октябре 1955 года. В январе 1956 года корабль был перечислен в состав Северного флота, а летом — осенью того же года по Севморпути перешел на Дальний Восток и вошел в состав Тихоокеанского флота. В мае 1981 года "Александр Суворов" находился с визитом в г. Адене (Южный Йемен). В декабре 1986 года крейсер вывели из боевого состава флота, законсервировали и поставили на отстой. В 1989 году он был разоружен и исключен из состава Военно-Морского Флота. В ноябре 1991 года крейсер "Александр Суворов" продали частной фирме в Индию для разделки на металл, что вполне соответствует духу нашего времени.

Всего крейсеров типа "Свердлов" было построено и заложено 21. Из них вошло в состав флота 14 кораб-

лей, остальные, во времена правления Н.С.Хрущева, были порезаны на металл прямо на стапелях, что, как вскоре выяснилось, стало очередной ошибкой нашего руководства.

Гражданские суда отечественного флота также носили имя выдающегося военачальника, причем построенные не только у нас в стране, но и за рубежом.

В годы Второй мировой войны в США для обеспечения перевозок через океан большого количества грузов было построено 2710 (!) судов типа "Liberty". Их называли судами «на один рейс». Они полностью оправдали свое название. Благополучный переход через океан такого судна с грузом оправдывал затраты на его постройку. Нашей стране, согласно действовавшему закону о ленд-лизе, было передано 40 судов этого типа. Одно из них называлось "Александр Суворов".

Судно было построено в 1943 году в г. Портленде (США). В том же году на нем был поднят Государственный флаг СССР и, судно вошло в состав Дальневосточного государственного морского пароходства Наркомата морского флота. Водоизмещение судна составляло около 14500 тонн, при длине 134,5 метра, ширине 17 метров, и осадке 8,5 метров. Скорость хода равнялась 11,5 узла (около 20 км в час), экипаж насчитывал 41 человека. В военное время судно было вооружено артиллерией: 127-мм орудий - 1, 76,2-мм - 1, 20-мм - 8.

В годы войны "Александр Суворов" использовался для экспортно-импортных перевозок между тихоокеанскими портами СССР и союзников. В 1946 году судно было передано в Мурманское морское пароходство. С 1968 года входило в состав Дальневосточного морского пароходства. Суда типа "Liberty" оказались при всей простоте своей постройки удивительно долговечными: "Александр Суворов" исправно прослужил 35 лет и был исключен из списков судов Министерства морского флота только в 1978 году.

После войны для морского и речного флотов было построено около десяти судов различных типов, носящих имя Суворова.

В течение многих десятилетий традиция давать кораблям и судам имена наших великих соотечественников практически не прерывалась. Горько сознавать, что в последние несколько лет корабли и суда для Военно-Морского и морского флотов нашей страны практически не строятся, поэтому сейчас эта традиция прервана, надеемся, что не надолго. Очевидно, что, несмотря на все изменения, в том числе и территориальные, произошедшие в нашей стране за последние годы, Россия продолжает оставаться морской державой, которой не обойтись ни без военного, ни без гражданского флотов. Хочется верить, что пройдет совсем немного времени, и очередной корабль, носящий имя Александра Васильевича Суворова, сойдет со стапеля одного из российских судостроительных заводов.

Иллюстрации к первому прижизненному изданию биографии А.В.Суворова.

Первым прижизненным изданием биографии А.В. Суворова была книга И.Ф.Антинга "Versuch einer Kriegesgeschichte des grafen Alexander Suworow-Rymnikski, Russ: Kayserl: General Feld Marschal". Три тома были изданы в 1795-1799 гг. на немецком языке в г. Готе, в ближайшие несколько лет книга была переведена на английский, французский, голландский и русский языки. Качество и точность перевода в этих изданиях было различным.

Автором первой биографии Суворова был Иоганн Фридрих Антинг. Немецкий художник, создатель оригинального стиля в искусстве графического силуэта; писатель; биограф и адъютант Суворова. Он много путешествовал по Европе и России, выполнял силуэтные портреты знати. С Суворовым Антинг встретился в 1793 году, в Херсоне, куда он приехал, чтобы отправиться в Константинополь. Но, вместо этого, Антинг остается на русской службе (попал на службу, возможно, благодаря протекции Суворова) и в 1796 году немецкий художник, сын пастора, становится полковником русской армии¹. Находясь при полководце адъютантом, Антинг, в 1794-1795 гг. составил его биографию.

Первая часть книги была просмотрена и исправлена самим Суворовым в 1795 году, в Варшаве, вторую часть он успел только прочесть и остался недоволен написанным. Суворов поручил начальнику своего штаба Петру Никифоровичу Ивашеву "указать Антингу недостатки и неверные повествования, вкравшиеся в его сочинение от слабого знания русского языка"². Ивашеву не удалось до конца выполнить поручение, т.к. несколько дней спустя Суворов был отозван в Петербург Екатериной II, а Антингу было позволено уехать на Родину... Антинг состоял на русской службе до воцарения Павла I, затем получил отставку и некоторое время находился "под строгим присмотром"³.

Впоследствии, Антинг намеревался написать продолжение биографии Суворова и просил разрешения императора Павла находиться при полководце. Но писателю не удалось представить "удивленному потомству беспримерную и вечно славную италийскую кампанию"⁴.

Победы Суворова в Италии и Швейцарии принесли славу и популярность книге Антинга. "Начались несогласные переиздания, поддержки и заимствования из его труда, открылся ряд аналогичных изданий, выходивших в Вене, Готе, Нюрнберге, Лондоне, Париже, Риме, Неаполе, Турине, Милане, Флоренции, Гамбурге, Гааге, Лейпциге..."⁵. В феврале 1799 года даже император Павел "потребовал книгу Ан-

тинга, чтобы подробнее ознакомиться с прежними кампаниями своего полководца"⁶. На русском языке труд Антинга был впервые издан инспектором типографии при Медицинской коллегии Максимом Парпурой в 1799 - 1800 гг.; затем - выдержал еще несколько изданий.

Долгое время труд Антинга оставался самым известным и основным жизнеописанием Суворова. Книга была издана достаточно традиционно для XVIII века, то есть была хорошо иллюстрирована известными немецкими художниками-граверами. Издания XVIII века отличались великолепной согласованностью иллюстраций с текстом и прекрасным качеством гравюр. В целом, XVIII век - время нового возрождения книжной иллюстрации. Характерно, что многие графические циклы иллюстраций уже могли существовать как самостоятельные - без привязки к тексту книги.

В XVIII веке структура книги, по сравнению с предыдущим веком, изменилась - она подчинилась иллюстрации. Авторы и издатели уделяли огромное внимание украшению книги - от этого нередко зависел ее успех⁷. Бумага, формат, форма шрифта соответствовали иллюстрациям. Связано это было в первую очередь с развитием типографской техники и ростом мастерства граверов и печатников. До XVIII века в книжной иллюстрации господствовала ксилография и иллюстрации печатались вместе с текстом с одной формы, нередко - без точной привязки к тексту. В XVIII веке технический прогресс привел к изменению способа выполнения иллюстраций. Ксилография была почти полностью вытеснена гравюрой на металле, оттиски иллюстраций изготовлялись уже отдельно от набора книги на другом станке. Так как гравюры печатались на отдельных вкладных листах, их формат не всегда соответствовал формату книги и листы складывали в несколько раз - под формат издания. Часто гравюры раскрашивали от руки гуашью или акварелью. Гравированные листы влетались по одному между страницами текста или все вместе после него⁸. Иногда коллекционеры влетали в свои экземпляры книг гравюры, подходившие по содержанию, но изданные отдельно.

Отдельные экземпляры одного издания могли не совпадать по количеству и видам влетенных гравюр; гравированные листы иногда вообще отсутствовали. В собрании фонда редкой книги нашего музея есть и такие издания труда Антинга.

В разных изданиях книги Антинга, не считая планов сражений и схем, было опубликовано 16 гравюр на сюжеты военной биографии Суворова. Кроме того,

печатались портреты Суворова - тип Крейцингера (в поздних изданиях) и профильный портрет полководца с силуэта Антинга.

Профильный портрет Суворова заслуживает особого внимания. Известно, что существовал альбом силуэтов работы Антинга, в котором, среди прочих, был и силуэт Суворова, выполненный с натуры. Альбом и силуэт Суворова были описаны в 1899 году русским посланником в Баварии А.П.Извольским⁹. В настоящее время этот альбом Антинга считается пропавшим. По мнению Андрея Валентиновича Помарнацкого, автора монографии "Портреты А.В.Суворова", портрет, опубликованный в первой биографии Суворова, можно считать репликой с силуэта работы Антинга, и, возможно Антинг принимал участие в разработке гравюры. Подписей авторов под гравюрой нет, но "предположение, что она выполнена по рисунку автора книги, напрашивается само собой и представляется почти бесспорным - Суворов изображен на этой гравюре так же, как и на силуэте Антинга: в профиль, в плечо, изображение заключено в медальон, внизу сражение русских с турками"¹⁰.

В создании остальных иллюстраций к труду Антинга принимали участие 7 гравюров и 1 художник. Все они занимались выполнением иллюстраций для популярных малоформатных изданий, альманахов, календарей, модных листов, копировали работы старых мастеров. Кроме того, они в разной мере испытывали влияние Даниэля Ходовецкого, разработавшего тип миниатюрно тонкой гравюры для книги или подражали ему.

Большинство гравюр - 13 из 16 выполнены по рисункам **Йоханна Давида Шуберта**. Он был художником, гравюром и рисовальщиком. Учился в Дрезденской Академии Художеств. С 1781 года занимался батальной живописью, с 1786 - известен как мастер-рисовальщик, с 1795 - как главный художник по фарфору на Мейсенской мануфактуре. С 1801 года преподавал историческую живопись в Академии Художеств в Дрездене. Известен также как акварелист. Иллюстрировал книги, в том числе и "Страдания юного Вертера" Гете¹¹.

По предположению А.В.Помарнацкого, у потомков Шуберта долгое время хранился ныне исчезнувший альбом силуэтов Антинга.

Самым известным гравюром, работавшим для издания книги Антинга был **Кристиан Готтлиб Гейзер** (1742-1803) - один из лучших учеников Адама Фридриха Эзера - немецкого живописца и гравера (1717 - 1799). С 1761 г. Гейзер учился в Лейпциге на юриста, одновременно посещая уроки рисования у Эзера. Дружил с будущим директором Вейсской Академии Художеств Фюгером¹², который тоже учился у Эзера. Позже Гейзер учился в Лейпцигской Академии Художеств, затем работал там в качестве помощника

преподавателя гравировального класса. Гейзер начинал творческую деятельность как художник-миниатюрист. В конце 60-х гг. занялся гравированием, которое вскоре стало его специальностью и преуспел настолько, что в 1766 г. его пригласили преподавать гравирование в Академию. Он занял место преподавателя в 1770 г., но продолжал работать и как самостоятельный, независимый художник. С 1770 года Гейзер - член Дрезденской Академии, в 1771 г. стал почетным членом Лейпцигской Академии. В основном Кристиан Готтлиб Гейзер занимался иллюстрацией книг. Среди его заказчиков были лучшие издатели Лейпцига. С 1766 г. Гейзер выставлял свои работы на выставке в Дрездене. Успехи Гейзера-гравера приносили ему немалый доход, он смог приобрести имение под Лейпцигом. Но умер гравер молодым и безработным. Он оставил после себя более 3000 собственных работ и огромную коллекцию гравюр самых разных мастеров.

Гейзер считался одним из лучших гравюров своего времени. Его работы отличаются мягкостью и тонкостью линий, благодаря особой манере гравирования офортом. Современники утверждали, что благодаря офортной игле Гейзера улучшился "типографский вкус" их поколения¹³.

Для книги Антинга Гейзер выполнил 3 гравюры, в том числе и гравюру "Командант Уральска передает пленного Пугачева Суворову". Этот лист претерпел наибольшие изменения при переизданиях книги. Так, в русском издании гравюра была напечатана с подправленной доски - было изменено изображение формы солдата конвоя. В поздних изданиях книги Антинга лицо Суворова на этой гравюре так же изменено - на тип Крейцингера.

Й.Беттер и Й.Липс выполнили для иллюстрации первой биографии Суворова 1 гравюру - "Вылазка турков из Очакова". **Йоханн Готтлиб Беттер** - гравер, известен как мастер пунктирной манеры. Учился у Христианера Готфрида Шульца в Дрездене. С 1796 года жил в Лейпциге, умер в 1825 г. Преимущественно гравировал портреты, среди них можно назвать и портреты русских императоров Петра I и Александра I. Позднее гравировал по рисункам других мастеров, в том числе и Й.Д.Шуберта¹⁴. **Йоханн Хайнрих Липс** (1758 - 1817) - гравер и художник. В 1780 году стал профессором в Академии Дюссельдорфа. В 1782 г. в Риме рисовал копии с росписей Рафаэля в Ватикане и на вилле "Фарнезина". С 1785 года работал в Цюрихе, писал маслом; в 1786-89 гг. - в Риме, рисовал акварелью и занимался гравированием. В Риме Липс подружился с Гете и с 1789 г., по приглашению поэта, стал работать в Веймарской Академии Художеств. В 1794 году переехал по состоянию здоровья в родной Цюрих. Как и другие мастера, работавшие для издания книги Антинга, иллюстрировал альманахи,

рисовал портреты. Оставил около 1400 работ, из них 370 гравюр¹⁵.

Эрнст Людвиг Рипенхаузен (1765-1840) тоже выполнил для иллюстрации биографии Суворова только 1 гравюру - "Сражение при Кинбурне в 1787 году". Он был гравером натуралистического направления, работал при Геттингенском университете. Работал в манере Д.Ходовещкого. Гравюры Рипенхаузена по картинам У.Хогарта публиковались в геттингенских альманахах. Мастер гравировал по собственным рисункам и по рисункам других художников. Резал гравюры с иллюстраций Джона Флаксмана к произведениям Гомера.

Сыновья Рипенхаузена - Франц и Йоханн, продолжив дело отца, также стали известными художниками - граверами¹⁶.

Абрахам Вольфганг Кюфнер (Кюфнер) (1760-1817), художник, гравер и издатель, стал автором 4 гравированных листов для издания Антинга. Кюфнер родился в 1760 году, в 1779-80 гг. посещал Университет в Альтдорфе, позднее преподавал там рисунок. Основная часть его работ выполнена в мини-атюрном формате. Кюфнера называли одним из первых художников Юриберга - "Юрибергским Ходовещким", его картины и гравюры (по собственным рисункам и по рисункам других художников) использовались для календарей и альманахов; как издатель Кюфнер печатал и отдельные гравированные листы. Известны также копии Кюфнера, выполненные с работ Дюрера.

В 1807 году, за подделку монет, Кюфнер попал в тюрьму на несколько лет.

Карл Буддеус - автор 5 иллюстраций, причем 3 из них он выполнил по собственным рисункам. Но, к сожалению, хороший гравер был неудачливым рисовальщиком. Он долго жил в России (в Санкт-Петербурге и Пскове). Гравировал по рисункам других мастеров. В 1820 году издал в Лейпциге рисованные им с натуры типы народов России и виды русских городов и деревень. Ему принадлежат также акварельные зарисовки ландшафтов Тюрингии и виды Дрездена (настелью), датированные 1853-55 гг.¹⁷.

Сюжеты иллюстраций из книги Антинга неоднократно использовались художниками и граверами следующих поколений. Часть гравюр копировалась (с разной степенью точности) для иллюстрации изданий биографии Суворова. Так, например, гравюра Буддеуса "Суворов отдыхает на солоне" стала основой для картины Павла Свищова "Отдых князя Итальянского графа Суворова-Рымниковского по одержанной победе". Свищов изменил пейзаж и освещение - вместо лесной поляны появилась долина в предгорье, а вместо луны - утренний свет. Картина не очень высокого уровня, но автор, бывший в свое время практически единственным художественным критиком,

получил за нее в 1811 году звание академика¹⁸.

Сюжет и композиция гравюры Кюфнера по рисунку Шуберта "Сражение при Фокшанах в 1789 году" заимствованы неизвестным художником конца XVIII века для картины "Свидание Суворова с принцем Кобургским в 1789 году". Но в правой части гравюры была изображена группа офицеров, а на картине в этом месте красовался стог сена. Технологическая экспертиза полотна позволила обнаружить под изображением стога нижний красочный слой, а реставрационная расчистка показала, что на картине изображена те же офицеры, что и на самой гравюре.

Кроме того, в экспозиции музея представлены работы современного художника-гравера А.В.Москвичева "Взятие Гольяна"¹⁹, "Поиск на Туртукай"²⁰, "Сдача Краковского замка"²¹. Началом творческого поиска художника также стала книга Антинга.

В заключение остается отметить, что гравюры из первой прижизненной биографии Суворова неоднократно воспроизводились в различных изданиях, посвященных полководцу.

1 Этингер П. Иоганн Фридрих Антинг (1753-1805.) // Русский библиофил. - Петрозаводск, 1915, № 1, С. 51-57.

2 Ивашев П.И. Из записок о Суворове. // Отечественные записки, 1841, т. XIV, отд. 2, С. 2.

3 Русский биографический словарь. - СПб.: 1900. - Т.2. - С. 208.

4 Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. - СПб.: 1894. - Т. 5. - С. 72.

5 Симанский П.Н. Суворовский отдел в библиотеке П.Н.Симанского. - СПб.: 1912. - С. 7.

6 Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов. СПб.: 1884. - Т.3. - С. 11.

7 Виттер Б.В. Введение в историческое изучение искусства. - М.: 1985. - 66 - 72.

8 Герчук Ю.Я. История графики и искусства книги. - М.: 2000. - С. 192.

9 И. А. Заметка о портретах Суворова и Альбоме Антинга // Русский архив, 1899, № 2, С.133-136.

10 Помаранцакий А. В. Портреты А. В. Суворова: Очерки иконографии. Л., 1963. - С. 126.

11 Thiern U., Becker F. Allgemeines lexikon der bildenden kunstler von der antike bis zur gegenwart. Leipzig, 1936, v. XXX, С. 305. Walcha Otto. Meissner Porzellan. - Drezden, 1975, С. 176

12 Фюгер Фридрих Хайнрих (1751-1818)- живописец-портретист немецкого Неоклассицизма, миниатюрист, в 1795-1806 гг. директор Венской Академии Художеств.

13 Thiern U., Becker F. Allgemeines lexikon der bildenden kunstler von der antike bis zur gegenwart. Leipzig, 1920, v. XIII, С.514-515.

Thiern U., Becker F. Allgemeines lexikon der bildenden kunstler von der antike bis zur gegenwart. Leipzig, 1923, т. XXIII, С. 279.

14 Thiern U., Becker F. Allgemeines lexikon der bildenden kunstler von der antike bis zur gegenwart. Leipzig, 1910, т. IV, С.

15 Thiern U., Becker F. Allgemeines lexikon der bildenden kunstler von der antike bis zur gegenwart. Leipzig, 1923, т. XXIII, С. 279.

16 Власов В.Г. Стиль в искусстве. - СПб.: 1997. - Т.3. - С. 259. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. - СПб.: 1899. - Т. XXVI. - С. 603.

17 Thiern U., Becker F. Allgemeines lexikon der bildenden kunstler von der antike bis zur gegenwart. Leipzig, 1911, т. V, С.185. Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов. СПб., 1895 т.1. С. 117.

18 Фонд живописи Государственного мемориального музея А.В. Суворова. Инв. № МС 23.

19 Фонд графики ГММ А.В.Суворова. Инв. № МС 21869.

20 Фонд графики ГММ А.В.Суворова. Инв. № МС 21990.

21 Фонд графики ГММ А.В.Суворова. Инв. № МС 22141.

Образ Суворова в годы Великой Отечественной войны.

Среди имен наших великих предков, под предводительством которых русская армия одерживала выдающиеся победы, первое место по праву принадлежит А.В.Суворову. Не случайно, в Красной Армии в годы Великой Отечественной войны совершенствовали и развивали принципы, заветанные своим потомкам великим русским полководцем.

Советскими историками был положен новый этап в изучении суворовского наследия, и популяризации самой личности Суворова, что особенно ярко проявилось в годы Великой Отечественной войны. Характерной особенностью изданий о Суворове являлось преобладание популярных книг и брошюр, рассчитанных на массового читателя. Издавались работы о полководческой деятельности, брошюры с афоризмами и изречениями Суворова, брошюры о суворовских традициях русской армии и т.п. Газета "Суворовский патиск", выходившая в нач. 40-х гг., публиковала на своих страницах известия с фронта. Из печати вышли первые советские сочинения А.Н.Боголюбова, К.Осипова.

В предверие военной угрозы на экранах страны появляется фильм "Суворов", и на долгие годы образ полководца и его внешний облик стали ассоциироваться с прекрасной работой Н.Черкасова. На сцене Ленинградского академического театра драмы им. А.С.Пушкина поставлен был спектакль "Полководец Суворов". Уже в годы войны на сцене Московского музыкального театра им. К.С.Станиславского и В.И.Немировича-Данченко была поставлена опера "Суворов". В 1940 г. в атмосфере подготовки к празднованию 150-летию штурма Измаила в Артиллерийском историческом музее открылся "Суворовский зал", познакомивший ленинградцев с собранием бывшего Суворовского музея.

В августе 1939 г. в Москве началось издание ежемесячного "Военно-исторического журнала", ряд статей которого были посвящены Суворову; в последствии, уже во время Великой Отечественной войны он соединился с другим журналом под общим названием "Военная мысль". Кроме того, суворовская тематика была представлена в других военно-исторических журналах, а также в периодической печати.

Начало к пропаганде имени полководца послужило упоминание И.В.Сталиным 7 ноября 1941 г. имени Суворова среди великих предков русского народа. В годы Великой Отечественной войны 1941-45 гг. имя Суворова вдохновляло бойцов Красной Армии. Портреты полководца и его афоризмы органически вливались в заголовки боевых листов и

фронтовых листовок. Их печатали на бланках воинских писем и почтовых открыток. Многие открытки являлись репродукцией плакатов. Изображения Суворова не сходили со страниц фронтовой печати. Наряду с официальным было и подлинно народное отношение к памяти Суворова. Оно выразилось в присвоении его имени партизанским отрядам и соединениям, танкам и самолетам. В это суровое время тяжелых испытаний слова Суворова "Бей врага, не щади ни его, ни себя самого, - побеждает тот, кто меньше себя жалеет" - приобрили для воинов Советской Армии особый смысл.

Важную роль в пропаганде заветов Суворова в дни войны играли выходившие большим тиражом политические плакаты. Их художники придавали этим произведениям изобразительного искусства исключительную ценность. Авторами одного из первых плакатов Великой Отечественной войны были Кукрыники "Бьемся мы здорово ...", текст к этому плакату был написан известным поэтом С.Я. Маршакom. Не менее выразительным является плакат В. Иванова, выполненный в 1942 г. "Бей, коли, гони, бери в плен!". Тогда же в блокадном Ленинграде был издан плакат художника В.Селиванова, изображающий Суворова в рост с обнаженной спиной, призывающего к стремительной атаке. Широко популярен был плакат работы П.П.Соколова-Скаля "Внуки Суворова". Отправляющиеся на передовую часто могли видеть эти плакаты расклеенными на щитах вдоль обочин фронтовых дорог.

Высказывания и афоризмы А.В.Суворова неоднократно использовались в качестве заголовков для плакатов, открыток, как в годы войны, так и в мирное время. Особо нужно отметить плакат "Тяжелое в учении, - легко в походе", созданный в Ленинграде в дни блокады художниками-фронтовиками М.Гордоном, Л.Ореховым и Л.Петровым. Очень были популярны плакаты серии "Боевой карандаш", появившиеся впервые в 1939 г., в плакатах публиковались высказывания полководца, его портреты. Часто плакаты этой серии носили карикатурный характер.

В честь Суворова Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 г. был учрежден орден трех степеней. Эскиз ордена был выполнен художником Скокан П.М.Прототипом послужил актер Н.Черкасов, сыгравший Суворова в одноименном фильме. Высшей степенью ордена является I ст. Орденом Суворова награждались командиры и полководцы Красной Армии за боевые операции. Орденом Суворова II степени награждались

командиры корпусов, дивизий, бригад, их заместители, начальники штабов. Орденом Суворова III степени награждались командиры полков, батальонов, начальники штабов полков и командиры рот.

Орден Суворова I степени №1 получил Г.К.Жуков, №2 - А.М.Василевский. 27 декабря 1942 г. был награжден первый кавалер ордена Суворова (II степени) - генерал-майор танковых войск В.М.Баданов, в последствии генерал-лейтенант. Жукову в 1945 г. был подарен подсигар из кости с резьбой (его можно увидеть на экспозиции музея Суворова). Еще одному кавалеру ордена Суворова Бычевскому Б.В. был подарен бюст А.В.Суворова (находиться в фонде ДПИ музея А.В.Суворова). В 1942 г. Сучалкин выполнил портрет А.В.Суворова акварелью, эта работа была подарена кавалеру ордена Суворова, командующему 54-й Армии Сухомлину А.В. в день присвоения звания генерал-лейтенанта.

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. создаются Суворовские военные училища. В 1943 г. было создано 11 военных училищ: в Краснодаре, Калинин, Сталинграде, Воронеже, Харькове, Курске, Новочеркаске, Ставрополе, Орле и других городах. В 1944 г. появилось еще 6. В них принимались мальчики в возрасте 10 лет. Срок обучения - 7 лет. Это были дети погибших на фронтах военнослужащих, дети сражавшихся воинов, дети рабочих и служащих. Среди них были и дети с боевыми наградами за мужество и отвагу, проявленные в боях за Родину. 21 сентября 1943 г. для воспитанников суворовских во-

енных училищ была введена форма одежды по образцу кадетских корпусов царской армии. Воспитанники суворовских военных училищ участвовали в марше героев на Красной площади.

В послевоенные годы имя Суворова не было забыто. Советские художники стремились полнее раскрыть образ Суворова. И в этом плане наибольший интерес представляют работы Н.Аввакумова и О.Берейского, последний иллюстрировал эпизоды жизни великого полководца. Среди работ на суворовскую тему особое место занимают диорамы, созданные творческим коллективом студии военных художников им. М.Б.Грекова. Диорама "Альпийский поход" была выполнена в 1949-51 гг. А.И.Интезаровым, Ф.П.Усыпенко и П.Т.Мальцевым.

В настоящее время в фондах музея Суворова хранится большое количество материалов связанных с образом Суворова в годы Великой Отечественной войны. Это и плакаты, открытки, бланки писем, различные эскизы, ордена Суворова, газеты, портреты полководца, эпизоды его боевой деятельности.

Список использованной литературы.

1. А.В.Суворов. К 250-летию со дня рождения. - М.: Наука, 1980 г.
2. А.В.Суворов. - М. [Б.г.]
3. А.В.Суворов / Сост. Г.И. Меерович. - М.: Изобразительное искусство, 1986.
4. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. - М.: Советская Энциклопедия, 1985.
5. Иллюстрированное описание обмундирования и знаков различия Советской Армии (1918-1958 гг.) / Сост. О.В. Харитонов. - Л., 1960.
6. Помаринацкий А.В. Портреты А.В.Суворова. (Очерки иконографии). - Л., 1963.

Попова М.С.

Государственный мемориальный музей А.В.Суворова.

Изображения А.В. Суворова на предметах

декоративно-прикладного искусства 1950-х годов из собрания музея.

В основе декоративно - прикладного искусства, тесно вплетенного в повседневную жизнь, лежат функциональность и приходящая вслед за ней красота. Но утилитарность может пониматься узко, применительно к потребностям небольшой группы людей или к краткому промежутку времени. Это относится, например, к произведениям, предназначенным для торжеств и церемоний, произведениям, утверждающим и увековечивающим культ определенного человека. Подобные предметы могут содержать в себе элементы геральдики или иметь символический смысл, что влечет за собой использование строго определенного материала или мотивов декора, не оставляя художнику права выбора.

Все вышесказанное можно отнести и к произведениям прикладного искусства, запечатлевшим образ А.В.Суворова - человека и полководца, чья

личность занимает умы уже не одно поколение потомков. Автору кажется целесообразным остановиться на коллекции 1950-х годов, так как это период появления большинства произведений советского декоративно-прикладного искусства, посвященных Суворову. На эти годы пришлось два суворовских юбилея: 150-летие со дня кончины и 225-летие со дня рождения А.В.Суворова.

Пропаганда жизни и деятельности полководца приобрела особый размах с началом Великой Отечественной войны, особенно после упоминания его Сталиным в числе великих предков русского народа. Но в итоге, неуловимую личность, живого человека заменили казенным набором штампов. Этому в полной мере способствовал и так называемый "стиль эпохи" или "Сталинский ампи́р", утвердившийся в советском искусстве 1930-

50-х годов весьма прочно. Из искусства почти совсем уходит психологизм, столь свойственный русскому художественному образу мышления. "Шкатулка для драгоценностей, чайный сервиз и картина в это время исполняют одну и ту же задачу - увековечить величие и грандиозность изображаемого исторического момента"¹. Стиль этот, созданный "свыше", пронизывал все - от архитектуры до прикладного искусства, до фаянсовой кружки, покрытой такими же лубочно-барочными завитками, позолотой и лепниной ...

Основную группу произведений с суворовской тематикой составляют работы художников - керамистов. Особая гордость нашей коллекции - это крупные декоративные вазы - традиционный элемент убранства парадных интерьеров.

К 150-летию со дня смерти Суворова на заводе имени М.В.Ломоносова в Ленинграде была изготовлена по заказу музея большая кобальтовая с золоченым орнаментом ваза в форме амфоры с двумя ручками¹. Автор - художник А.Скворцов. Высота ее - 91 см., диаметр - 41 см. Вазу украшает медальон с портретом полководца в русском мундире павловского времени с Андреевской лентой через правое плечо и орденскими звездами на груди. На противоположной стороне - изображение ордена Суворова 1-ой степени в медальоне из золотых лучей, красное знамя и лавровые ветви, перевитые Георгиевской лентой.

Пятью годами позднее, на том же заводе, авторами М.Ризнич и А.Скворцовым была исполнена ваза к 225-летию со дня рождения Суворова в форме расширяющегося сверху колокола на круглом цоколе². Тулово вазы белого цвета, цоколь - цвета морской волны. На одной стороне изображение атаки суворовских войск в сражении у Рымника 11 сентября 1789 года. На переднем плане - скачущий верхом полководец в белой рубашке с орденом св. Анны на шее, со шпагой в вытянутой руке, обращенный к наступающим позади войскам. На другой - портрет Суворова. Он изображен анфас, голова слегка повернута вправо. В мундире павловского времени, через правое плечо - лента ордена св. Андрея Первозванного, на груди - звезды русских и иностранных орденов, на шее - кресты этих орденов. Оба изображения обрамлены позолоченной рамкой с растительным орнаментом и муаровой лентой, сверху - щитки, обрамленные военной арматурой, внизу - рамки в виде свитков с надписями.

Декоративная выразительность росписи, присутствие в ней иллюстративных деталей, подчеркнутая парадность, а также портретирование политических деятелей и народных героев - весьма характерное явление для фарфора периода с кон-

ца 1930-х до середины 1950-х годов. На рассмотренных выше вазах для изображения А.В.Суворова взят за основу так называемый портрет "Шмидта-Уткина". Пастель работы И.Г.Шмидта, придворного художника саксонского курфюрста, - последний из дошедших до нас прижизненных портретов полководца. Написан он был в январе 1800-го года, за четыре месяца до кончины Суворова, после окончания швейцарского похода, в Праге. Портрет этот занимает в суворовской иконографии исключительное место. С него крупнейшим русским гравером Н.И.Уткиным была исполнена в 1818 году гравюра, получившая всеобщее распространение и ставшая одним из канонических изображений полководца.

Исключительное положение гравюра Уткина сохранила и в последующие годы. "В дни юбилея в 1950 году она репродуцировалась на страницах почти всех центральных и местных газет и журналов, попала на почтовые марки, открытки и даже на спичечные коробки"³.

Уткин "передел" полководца из австрийского в русский мундир, а также изменил выражение лица Суворова. В результате Суворов стал на гравюре Уткина более представительным, более "парадным", но неизмеримо потерял в экспрессии. Она совершенно не передает ту живую подвижность лица, ту "быстроту" и изменчивость облика полководца, которые были ему так свойственны и которые так неразрывно связаны в нашем представлении с самим существом его военного искусства, великолепно выраженным в лапидарной суворовской формуле: "глазомер, быстрота, натиск"⁴. Одним словом, гравюра Уткина совершенно не передает своеобразие Суворова как человека и полководца.

Продолжая разговор о юбилейных вазах, не лишне будет упомянуть и о выполненной на заводе художественного стекла мастером А.Алексеевой в 1950 году тематической вазе "Суворов - великий русский полководец"⁵. Общая высота ее - 156 см. Тулово вазы цилиндрической формы синего стекла с перехватом у горла, переходящим в широкий рубчатый раструб прозрачного стекла, прикреплено к высокому, также цилиндрической формы, пьедесталу с профилированным цоколем. На тулове в овальном медальоне - портретный портрет Суворова (уже упомянутый тип "Шмидта-Уткина"), окруженный лавровым венком и выполненный гравировкой по стеклу. На противоположной стороне в таком же медальоне - изображение памятника Суворову работы Козловского. На лицевой стороне пьедестала выгравировано изображение ордена Суворова над арматурой из оружия и знамен, под орденом - ветка лавра и дата "1950".

Эту вазу, а также предыдущую в форме амфоры, зрители могли видеть на новых экспозициях 1951, 1954 годов. Уже тогда было заметно увеличившееся количество произведений искусства советских авторов.

Апофеозом прославления жизни и деятельности Суворова можно назвать декоративную вазу с изображением солдат, несущих полководца⁶. Ваза высотой 83 см. является дипломной работой В.Я. Кравцевич, выполнена на ЛФЗ им. Ломоносова для Центрального Дома Красной Армии, подарена в музей фарфоровым заводом в 1950 году.

Привлекательна была возможность использовать большую поверхность крупной вазы белого глазурованного фарфора в виде кубка с крышкой. Сложная декоративная композиция построена из условных сюжетных изображений, орнаментальных фантазий, надписей и клейм.

На лицевой стороне вазы помещено изображение двух солдат в зеленых мундирах, несущих Суворова перед строем. Полководец одет в белую рубашку, на шее - орден св. Анны. Голова повернута вправо, правая рука поднята и указывает вдаль. За его спиной - развевающееся полковое знамя, которое держит солдат. Напряженно-взрывающийся взгляд, резко очерченные черты лица и почти полное отсутствие внешних регалий - орденов и лент, - все это указывает на отсутствие парадности, стремление показать Суворова в обычной обстановке, среди своих "чудо-богатырей". С обратной стороны вазы почти стертое суворовское изречение, скрывающее цитату Сталина: "Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков". Оба изображения в овальных медальонах, помещены в вилетку из орденских лент, знамен и военной арматуры. Ваза украшена ручками в виде позолоченных стилизованных античных шлемов. Под ними изображения орденов Суворова, герба графа Суворова-Рымникого и в символической форме представленных основных принципов "Науки побеждать": глазомера, быстроты, натиска.

Ваза изобилует орнаментами, составленными из стилизованных венков, орденских лент, орденов и медалей. Крышка имеет выпуклое основание и увенчана скульптурной фигурой советского воина. В результате, ваза приобрела явно помпезный характер. Фантазии на суворовскую тему стали мотивами пышного многосложного оформления, которое автор подчинил монументальной архитектонике и масштабу вазы.

Рассказ о музейном фарфоре 1950-х годов будет неполным, если не упомянуть о декоративных тарелках и блюдах, посвященных Суворову.

Подавляющее большинство из них - это дар

музею заводов "Пролетарий" и "Красный фарфорист", находящихся в Новгородской области, приуроченный к 150-летию юбилею со дня смерти полководца. На тарелках белого глазурованного фарфора декорью с последующей росписью, а чаще без оной, нанесен поясной или погрудный портрет А.В.Суворова (тип уже известного нам "Шмидта-Уткина"). По краям - чаще всего - золотая отводка и декоративный пояс из стилизованных растений. Под портретом - годы жизни и вилетка с именем.

На одной тарелке завода "Пролетарий" художника Ф.Н.Крохиной⁷ мы встречаем портретное изображение Суворова, выполненное с литографии 1828 года Апри Гревседона. Литография эта - это творческая интерпретация портрета работы Уткина. Отличается от последнего поворотом головы в другую сторону, несколько иным выражением лица, более пышной прической и иным расположением орденских крестов. Французский живописец, рисовальщик и литограф А.Греведон еще больше приукрасил внешность полководца. "Лицо Суворова, - отмечал один из литераторов, - постепенно теряло свою характерность, хорошило и молодело..."⁸.

И уж менее всего А.В.Суворов похож на себя на трех тарелках того же завода "Пролетарий", выполненных мастером А.С.Илгач.⁹ В центре, в круглом медальоне на темном фоне дано профильное изображение в виде барельефа пожилого мужчины с зачесанными назад вьющимися волосами. На одной из тарелок под изображением имеется надпись золотом: "Суворов А.В. 1800-1950". На самом же деле, это портрет канцлера Австрийской империи барона Иоанна-Франца Амедея Тугута (1736-1818).

Оригинальная гравюра Тугута, скорей всего посмертная, находится в известном "Сборнике Энгельгардта". Но, каким образом, можно было перепутать Суворова с австрийским канцлером, остается загадкой.

Дополняет ряд курьезных изображений, посвященных полководцу, еще одна тарелка - з-да "Пролетарий". На ней мастер А.И.Копылов¹⁰ декорью поместил изображение дома в селе Тимановка. По борту - надпись золотом: "Дом, в котором в 1796-1797 гг. проживал А.В.Суворов. Здесь он закончил книгу "Наука побеждать". Как известно, "Наука побеждать" стала книгой только в 1806 году, то есть уже после смерти полководца, когда сочинение было издано и получило свое название. Окончательная же редакция его сложилась в 1795 году. Соответственно, последнее имеет весьма косвенное отношение к проживанию Суворова в селе Тимановка.

В 1950-х годах художественные артели страны выпустили значительное число предметов, посвященных великому русскому военачальнику. Так, Жостовская артель изготовила декоративные подносы с портретом Суворова. Один такой имеется в музее - дар артели¹¹. Художник А. Гогин изобразил погрудный портрет Суворова в окружении венка из ярких цветов. Несмотря на "представительный и благопристойный" образ изображенного полководца, поднос этот отличает высокая техника исполнения.

Победам полководца посвятили серию лаковых шкатулок художники артели села Холуй Ивановской области. На шкатулках, исполненных по заказу музея, запечатлены эпизоды боевой деятельности Суворова: Измаил, Рымник¹². Мастерски переданы момент сражения, самозабвенный порыв полководца, указывающего на противника. Следует также отметить высокий уровень исполнения вышесказанных предметов артельщиков, их следование традициям.

Фарфор и фаянс, цветное стекло и ткань, металл и папье-маше использовали мастера для произведений прикладного искусства, посвященных Суворову. Советские мастера стремились рас-

крыть образ полководца как воплощение лучших патриотических традиций нашего народа, и рост произведений декоративно-прикладного искусства в те годы, достаточное тому подтверждение.

1 "Агитация за счастье". Советское искусство сталинской эпохи. Каталог выставок. Дюссельдорф-Бремен. 1994. С. 22.

2 Собрание ГММ А.В.Суворова. Фонд Декоративно-прикладного искусства. Инв.№228.

3 Собрание ГММ А.В.Суворова. Фонд Декоративно-прикладного искусства. Инв.№3663.

4 А.В.Помаринацкий. Портреты А.В.Суворова. Очерки иконографии. Эрмитаж. Л., 1963. С.64.

5 Собрание ГММ А.В.Суворова. Фонд Декоративно-прикладного искусства. Инв.№229.

6 Собрание ГММ А.В.Суворова. Фонд Декоративно-прикладного искусства. Инв.№7468-1.

7 Собрание ГММ А.В.Суворова. Фонд Декоративно-прикладного искусства. Инв.№213.

8 "А.В.Суворов". П/р Г.И.Мееровича. М., 1986. С.217.

9 Собрание ГММ А.В.Суворова. Фонд Декоративно-прикладного искусства. Инв.№19268.

10 Собрание ГММ А.В.Суворова. Фонд Декоративно-прикладного искусства. Инв.№206.

11 Собрание ГММ А.В.Суворова. Фонд Декоративно-прикладного искусства. Инв.№233.

12 Собрание ГММ А.В.Суворова. Фонд Декоративно-прикладного искусства. Инв.№336.

Лазарев С.А.

Старший научный сотрудник ВИМАИВиВС.

Образ А.В.Суворова в символике нарукавных знаков российской армии.

В истории форменного костюма с давних пор большую роль играла различная символика, которая носилась на этом костюме. Эта символика могла отображать самые различные аспекты: от политических до историко-героических. Имя А.В.Суворова на протяжении длительного времени неразрывно связано с историей русского военного мундира, традициями ношения этого мундира, названиями отдельных войсковых частей, боевых кораблей и кадетских корпусов. Однако, после событий октября 1917 года, все эти традиции русской армии были разрушены. Вернулись к этим традициям в тяжелое для нашей страны время, в самый разгар Великой Отечественной войны.

Начиная с 1943 года, в истории военного костюма появляются такие понятия, как "суворовец", "форма одежды суворовца", "мундир суворовца". Как эта форма выглядела: "мундир из черного сукна, одюбортный стоячий воротник, восемь латунных пуговиц. По обшлагам рукавов и краю воротника кант красного цвета. Концы воротника красные с золотым шитьем. Гимнастерка суконная, черная со стоячим воротником, с прямой застежкой на пять пуговиц"¹. Как выглядит современная форма одежды суворовца все вы хорошо представляете.

Современную форму одежды воспитанников Суворовских военных училищ (СВУ) сейчас используют и различные кадетские корпуса* (КК). Сегодня только в системе Министерства Обороны Российской Федерации действуют 7 СВУ, Нахимовское военно-морское училище, Московское военно-музыкальное училище и 6 КК. Недавно принято решение о создании во Владикавказе Северо-Кавказского СВУ, восьмого по счету, набор в которое будет осуществляться уже в этом году².

Начиная с середины 90-х годов, наблюдается появление большого количества нарукавных знаков, в которых прямо или косвенно, присутствует образ великого полководца. Все эти нарукавные знаки условно можно разделить на несколько групп.

В первую очередь это официальные знаки по принадлежности к СВУ и КК, которые должны носиться на левом рукаве форменного обмундирования³.

Ко второй группе можно отнести нарукавные знаки по принадлежности к каждому отдельному СВУ или КК. На символике этих знаков я остановлюсь более подробно. Первое, что сразу бросается в глаза, во всем многообразии этих знаков,** так это их разнородность и отсутствие какой либо схемы при их создании. На некоторых нарукавных знаках, таких

как Московское СВУ. Екатеринбургское СВУ присутствует изображение А.В.Суворова, в других, таких как Санкт-Петербургское СВУ, Тверское СВУ, Омский КК присутствуют геральдические элементы, которые мало что говорят о самих СВУ. В этих знаках присутствуют элементы государственной символики, что запрещено делать⁴, территориальной геральдики, атрибуты символов воинской доблести и славы, памятники культуры.

К сожалению, многие из этих знаков, которые призваны решать и большие воспитательные задачи, не выдерживают никакой критики. Например, на наркуавном знаке Ульяновского СВУ изображена гвардейская лента - выходит, что это гвардейское СВУ? На наркуавном знаке Санкт-Петербургского СВУ на фоне бело-синие-красного флага угадывается контуры "Медного всадника" - какое отношение Петр Первый имел к этому СВУ? Понятно, что авторы знака хотели показать через этот памятник архитектуры место расположения этого СВУ, но... Или наркуавный знак Санкт-петербургского ракетно-артиллерийского корпуса, на котором в центре бело-синие-красного щита изображен "алам" - древний знак московских пушкарей, но грозный вид исторического "алама" превращен в образ львенка из известного мультфильма про львенка и черепашку... Таких примеров можно приводить великое множество.

Очень часто, при разработке знаков совершенно не учитывают технологические возможности при изготовлении самих знаков. Сам рисунок знака художник прорисовывает очень тщательно, до мельчайших подробностей, а на практике получается очень непонятное изображение, которое узнается с большим трудом.

Очень важно, чтобы все наркуавные знаки прошли геральдическую экспертизу, которая поможет выявить некоторые недостатки при разработке знака или при его изготовлении. (Для примера сравните два наркуавных знака: Уссурийского СВУ и 76 гвардейской воздушно-десантной дивизии. При изготовлении этих знаков фирма-изготовитель использовала одну и ту же оснастку).

Следующая категория наркуавных знаков - это те знаки, в которых показаны почетные наименования и

награды этих частей и соединений, полученных в годы Великой Отечественной войны. Более правильно используются ленты орденов, которыми перевивают какие-то элементы знака, но самый "классический", с точки зрения геральдики, это наркуавный знак 339 мотострелкового полка республики Беларусь. Это не наркуавный знак, а пособие по изучению наградной системы Союза ССР. Это пример того, какими не должны быть наркуавные знаки, тем более с образом великого полководца.

К последней группе наркуавных знаков следует отнести наркуавные знаки, в которых встречаются памятники, воздвигнутые А.В.Суворову. Это в первую очередь наркуавный знак 59 гвардейской мотострелковой дивизии, находившейся первоначально в городе Тирасполе. Это один из первых наркуавных знаков такого рода и на нем изображен силуэт конного памятника А.В.Суворова⁵. Изображение этого памятника встречается и на наркуавном знаке 15-го гвардейского полка связи 14-й гвардейской армии РФ в Приднестровье.

Вместо заключения:

1) Стараться не использовать при разработки новых наркуавных знаков изображения самого полководца и ордена его имени.

2) В символике наркуавных знаков СВУ и КК учесть уже существующий опыт создания подобного рода знаков и больше использовать общие (объединяющие) элементы всех СВУ и КК; ведомственную принадлежность к МО РФ (геральдический знак - эмблема)⁶, а также характерные детали, присущие тому или иному СВУ или КК (герб города, символы специализации и т. д.)

Примечания:

* Рассматриваются КК только в системе МО РФ.

** Не все из этих знаков прошли геральдическую экспертизу в соответствии с приказом МО РФ.

1 Харитонов О.В. Иллюстрированное описание обмундирования и знаков различия Советской Армии. (1918-1958 г.г.). Л., АИМ, 1960, стр. 77.

2 Морская газета № 49-50, 29 апреля 2000 г.

3 Приказ МО РФ Х* 210 -28 марта 1997 г., стр.40.

4 Там же, стр. 55 (приложение № 2).

5 Журнал "Гербуев" №37 (5-99), стр.54, 1-я стр. цв. вкладки.

6 Плоткин Г., Степанов А. "Сержант", серия "Шеврон" № 3, М., ТОО "Рейтар", 1998, стр. 8, 43.

Слугин Б.Г.

Государственный мемориальный музей А.В.Суворова.

Открытие памятника генералиссимусу А.В.Суворову в Очакове 1 октября 1907 г.

1 октября 1907 г. в крепости Очаков был торжественно открыт памятник российскому генералиссимусу А.В.Суворову. В газетах и журналах того времени были опубликованы как короткие, так и подробные репортажи с места события, в которых отмечалось, что это открытие приурочено к

120-й годовщине победы русских войск над турками под крепостью Кинбурн¹.

Однако лишь в немногих периодических изданиях, таких, например, как газета "Русский инвалид" и "Севастопольская газета", были напечатаны статьи, посвященные истории установки этого памятника.

Так в "Севастопольской газете", в статье "1 октября 1787 года (Коткрытию Суворовского памятника в Очакове)" сообщается, что "в воспоминание об этой победе на Кинбурнской косе был сооружен Суворову памятник, в октябре 1855 г. разрушенный войсками неприятельской армии"². От памятника сохранился лишь крест, который хранился в Очаковском соборе вместе с крестом и евангелием, поднесенными Суворову нижними чинами после боя 1 октября 1787 г. А когда в 1901 г. появилась мысль поставить новый памятник, то решили поставить его не на старом месте (на омываемой Кинбурнской косе), а на площади перед Очаковским собором, на что 10 июня 1903 г. последовало высочайшее соизволение. Отливка и установка памятника были поручены скульптору-художнику Б.В.Эдуардсу³.

Дополнительно о судьбе разрушенного памятника можно сказать, что в фонде документов и рукописей Государственного мемориального музея Суворова хранится письмо управляющего делами военно-ученого комитета Главного штаба генерал-майора В.Целебровского начальнику Николаевской академии Генерального штаба генерал-лейтенанту В.Г.Глазову от 1 марта 1902 г., из которого мы узнаем, что на одной из сторон этого памятника находилась картина, по преданию, изображающая "Суворова в походной форме на молитве, с надписью, относившейся к событию 1 октября 1787 года" и взятая 5 октября 1855 г. начальником английского десанта, генералом Спенсером⁴. Весной 1901 г. бывший председатель Суворовской комиссии генерал-лейтенант Сухотин поручил военному агенту в Англии полковнику Н.С.Ермолову разыскать эту картину. Однако генерал Спенсер, имевший одного сына и нескольких дочерей, в 1892 г. умер, а старший представитель семьи Спенсеров, лорд Черчилль, с которым Ермолов имел свидание, написал всем оставшимся в живых членам семьи, "прося их сообщить, где находится эта картина". Предполагалось, что эта картина может находиться: "1) либо в частных руках потомков Спенсера; 2) либо в замке Blenheim, родственной семье Спенсеров фамилии Мальборо; 3) либо в Виндзоре". Во все эти места полковником Ермоловым и лордом Черчиллем были отправлены запросы. Эта картина также могла находиться в офицерском собрании одного из полков, участвовавших под начальством Спенсера в штурме Кинбурна⁵. Однако поиски картины не увенчались успехом.

Более подробная информация о мероприятиях, направленных на осуществление идеи восстановления памятника содержится в статье "Памятник Суворову", напечатанной в "Русском инвалиде" накануне открытия памятника, 18 сентября

1907 г.⁶. Так мы узнаем, что еще в 1901 г., по инициативе военного министра, был возбужден вопрос "о сохранении и освежении в армии памяти о былых подвигах и полях сражений"⁷, а командующий войсками Одесского военного округа, в свою очередь, "нашел необходимым принять особые меры к поддержанию в частях войск их боевых традиций"⁸. Так как на тот период времени единственным уцелевшим историческим памятником был Очаковский военный собор, а сама Кинбурнская коса имела как боевую, так и нравственную связь с Очаковской крепостью, то появилась идея сохранить память о делах "времен Очакова и покоренья Крыма", помимо проведения парадов в особо торжественные дни, устройства в частях небольших военно-исторических музеев и др. мероприятий, путем восстановления памятника Суворову на Кинбурнской косе⁹.

Нет смысла подробно говорить о мероприятиях, направленных на установку нового памятника, так как об этом достаточно много написано в статье "Памятник Суворову", стоит лишь отметить, что менялись даты установки и открытия памятника. Так, первоначально, предполагалось поставить памятник к 1 сентября 1904 г., но неопределенные обстоятельства, независимые от создателя памятника скульптора Эдуардса, в том числе и забастовки, задержали исполнение заказа, и памятник был принят комитетом лишь 15 ноября 1906 г., а потом понадобилось время на оборудование площадки и ограды около памятника¹⁰.

Сведения об изменении даты установки памятника мы также находим в письме командира 57-го Молдинского полка (в 1901 г. - начальника штаба Очаковской крепости, одного из организаторов установки памятника), полковника М.Г. Сулькевича, датированном 14 апреля 1907 г.¹¹. В этом письме, адресованном попечителю Суворовского музея при академии Генерального штаба Д. Щербачеву, Сулькевич сообщает, что в 1901 г. он "возбудил вопрос о постановке памятника Суворову в память Кинбурнской победы", что "памятник уже готов и открытие состоится в конце лета текущего года"¹². Это письмо только подкрепляет мнение о том, что памятник устанавливался хоть и в память о Кинбурнской победе, но отнюдь не по случаю ее годовщины.

Если говорить о причастности Сулькевича к установке нового памятника, то в выше названной статье "Памятник Суворову" сообщается, что Сулькевич, еще, будучи начальником штаба Очаковской крепости, принимал в этом деле активное участие¹³. Эта информация подтверждается хранящимся в фонде "Коллекция приказов..." Государственного мемориального музея Суворова

приказом командующего войсками Одесского военного округа генерала от кавалерии А.В. Каульбарса от 3 ноября 1907 г.: “Памятник ему (Суворову - Б.С.) необходимо было создать такой, чтобы он соответствовал величию полководца. Для этого надо было найти средства и исполнителя, и в данном случае, при участии полковника Сулькевича, сумевшего заинтересовать всех начатым делом, удалось, в конце концов, добиться тех блестящих результатов, которые мы видели в Очакове 1-го октября”¹⁴.

Что же касается деятельности скульптора Эдуардса, то в дополнение к сведениям, содержащимся в статье “Памятник Суворову” можно сказать, что в фонде документов и рукописей музея Суворова хранится письмо Эдуардса, адресованное Управлению Суворовским музеем и датированное 11 января 1907 г., в котором автор, “вследствие окончания работы по сооружению памятника генералиссимусу Суворову”, предлагает в дар музею “гипсовый эскиз памятника, который был высочайше одобрен”, а также предлагает купить “модель памятника в Очакове из гранита и бронзы в 1/8 натуральной величины”¹⁵. На обратной стороне письма от руки написан ответ попечителя Суворовского музея (без подписи), датированный 20 января 1907 г., в котором последний благодарит за эскиз и просит “выслать цены” на модель памятника¹⁶. Названные предметы были приобретены музеем и по сей день хранятся в его фондах, что же касается гранитно-бронзовой модели памятника, то осенью 1999 г. она была предоставлена в Смольный собор на выставку “Генералиссимус”.

Для организации торжества открытия памятника были разработаны: “Программа открытия памятника генералиссимусу Суворову в Очакове”, составленная комендантом Очаковской крепости генерал-майором Зметновым, и “Порядок торжества открытия памятника генералиссимусу князю Суворову в крепости Очаков”, подписанный начальником штаба войск Одесского военного округа генерал-лейтенантом Безрадецким¹⁷. Согласно этим документам, на 30 сентября в офицерском собрании планировалось чтение сообщения полковника Сулькевича о Кинбурнском бое и чтение начальником штаба крепости подполковником Федоренко “очерка истории восстановления памятника Суворову”. На 1 октября намечались: построение войск у памятника для парада, церковная процессия (молебен у подножия памятника Суворову и освящение его водой, обход войск), поздравление командующим войск округа с открытием памятника, парад войск мимо памятника Суворову к па-

мятнику бригадиру Горичу, вечером - солдатский спектакль, посвященный Суворову¹⁸.

Оба названных документа, по своей сути, друг от друга ничем не отличаются, к тому же открытые памятника, как видно из репортажей, проходило без всяких отклонений от намеченного плана. Можно только дополнительно сказать несколько слов по поводу доклада полковника Сулькевича.

В фонде документов и рукописей музея Суворова хранится письмо полковника Сулькевича, датированное 11 октября 1907 г., следующего содержания: “В Суворовский музей. Посылаю отчетную карту Кинбурнского боя, сделанную для моего сообщения в день открытия памятника Суворову в Очакове 1-го октября 1907 года в 120-ю годовщину, и вид памятника. Полковник Сулькевич.”¹⁹. Однако “Программа открытия памятника...” и “Порядок торжества...”, а также напечатанные репортажи, свидетельствуют о том, что доклад был сделан все же 30 сентября, накануне, а не в день открытия памятника. Как видим, Сулькевич сознательно меняет дату своего выступления, чтобы придать ему более торжественный характер.

Из упомянутого ранее письма Сулькевича от 14 апреля 1907 г. мы узнаем, что в том же году докладчиком был выслан в музей фотографический снимок с редкой старинной акварели Кинбурнского боя²⁰.

Можно предположить, что названные в письмах Сулькевича предметы были использованы им при докладе, и некоторое время хранились в Суворовском музее. Однако следует добавить, что помимо полученной фотографии с картины Кинбурнского боя была сделана попытка приобрести сам оригинал, о чем свидетельствует переписка Щербачева с Императорским Одесским обществом истории и древностей²¹. К сожалению, эта попытка не увенчалась успехом, так как, как видно из ответного письма Императорского Одесского общества, “оно (общество - Б.С.) не считает себя вправе уступать какому бы ни было учреждению предметы, введенные его охране в музей общества”²².

Открытие памятника было отмечено и в графическом искусстве. В фонде “Коллекция приказов...” и в фонде документов и рукописей музея Суворова хранятся проспекты, в которых сообщается, что “с целью предоставления войсковым частям, военно-учебным заведениям и военным учреждениям возможности вещественно запечатлеть в памяти день открытия памятника генералиссимусу Суворову в Очакове 1-го октября 1907 года, в день 120-й годовщины Кинбурнс-

кого боя", графическое заведение М. Пиковского изготовило для продажи исторические памятки для офицеров и нижних чинов с текстами Суворовской реляции "О происшедшей баталии при Кинбурне и одержанной совершенной над неприятелем победе октября 1-го на 2-е число 1787 г.", с видами памятника и картины Кинбурнского боя, а также фотолитографические снимки памятника Суворову в Очакове, которые могут "служить украшением для офицерских собраний, военных училищ, кадетских корпусов, частных жилищ и проч."²³. Эти снимки, а также памятные жетоны, были розданы участникам открытия памятника по окончании церемонии открытия²⁴.

Памятные жетоны, один из которых хранится в фонде нумизматики музея Суворова²⁵, были изготовлены по случаю 120-летия победы под Кинбурном. Жетон выполнен в виде позолоченного креста, с овалным медальоном в центре. На медальоне сделана надпись: "Суворов. В память Кинбурнского боя". На лучах креста отчеканена дата: на верхнем и нижнем - "1-го" "ОКТ.", на левом и правом - "1787" и "1907".

Что же касается фотографических изображений, то одно из таких, предположительно, подаренное полковником Сулькевичем²⁶, хранится в фонде документов и рукописей музея Суворова²⁷. Б.В.Эдуардс изобразил Суворова в момент полученной им в Кинбурнском бою раны: левая рука зажимает рану под сердцем, а правая протянута вперед, в сторону противника. Вся фигура выражает собою один порыв, одно стремление увлечь своих чудо-богатырей на новые подвиги и "обновить" сражение, казавшееся уже бесповоротно проигранным. "Я обновил третий раз сражение", докладывал Суворов Потемкину в реляции по случаю победы под Кинбурном.

В заключении следует сказать о неординарном отношении командующего войсками Одесского военного округа Каульбарса к скульптору Эдуардсу и полковнику Сулькевичу. Так в приказании войскам Одесского военного округа N 178 от 11 сентября 1907 г. сказано, что "командующий войсками приказал в составе распорядительного комитета по открытию памятника Суворову в Очакове, назначить представителем от себя командира 57 пехотного Модлинского полка, полковника Сулькевича, и разрешил пригласить к участию в том комитете скульптора Эдуардса - строителя памятника". В приказе N 573 от 3 ноября 1907 г., в котором подводятся итоги работы по открытию памятника, Каульбарс восславляет Сулькевича больше всех, но ни слова не говорит об Эдуардсе. На основании сказанного выше можно сделать предположительно вывод о негативном, в неко-

торой степени, отношении командующего округом к скульптору. Однако - это тема отдельного исследования.

Автор выражает благодарность за помощь, оказанную при работе над сообщением, работникам ГММ А.В.Суворова: заместителю директора по научной части Н.Г.Роголину и главному хранителю Н.А.Антоновой, а также научному сотруднику О.В.Карасовой и младшему научному сотруднику А.Г.Абрамову.

- 1 Исторический вестник. 1907 г. Т. 110. NN 10-12; Русский инвалид. 3 октября 1907 г. С. 4; Одесская газета. 1 октября 1907 г. С. 3; Севастопольская газета. 3 октября 1907 г. С. 3.
- 2 Севастопольская газета. 4 октября 1907 г. С. 2.
- 3 Там же. С. 2.
- 4 Государственный мемориальный музей А.В. Суворова, фонд документов и рукописей (далее ФДРМС). Инв. N 2423. Л. 36-37. Машинописный текст на бланке управляющего делами Военно-ученого комитета Главного штаба, подписанный В. Целебровским.
- 5 Там же. Л. 36 об.
- 6 Русский инвалид. 18 сентября 1907 г. С. 2-3.
- 7 Там же. С. 2. Приказ войскам Одесского военного округа N 159 от 28 июня 1901 г.
- 8 Приказание войскам Одесского военного округа N 40 от 1 июня 1902 г.
- 9 Русский инвалид. 18 сентября 1907 г. С. 3.
- 10 Там же. С. 3.
- 11 ФДРМС. Инв. N 2429. Л. 3. Машинописный текст, отпечатанный на официальном бланке командира 57-го пехотного Модлинского полка и подписанный Сулькевичем.
- 12 Там же. Л. 3.
- 13 Русский инвалид. 18 сентября 1907 г. С. 3.
- 14 Приказ войскам Одесского военного округа N 573 от 3 ноября 1907 г.
- 15 ФДРМС. Инв. N 2429. Л. 4. Рукописный текст на официальном бланке художника-скульптора Б.В. Эдуардса, проживающего в Одессе, в собственном доме N 4 по Софийскому переулку.
- 16 ФДРМС. Инв. N 2429. Л. 4 об.
- 17 Приказ войскам Одесского военного округа N 573 от 3 ноября 1907 г. Приказания войскам Одесского военного округа NN 178 и 182 от 11 и 18 сентября 1907 г.
- 18 Там же.
- 19 ФДРМС. Инв. N 2429. Л. 13. Машинописный текст, отпечатанный на официальном бланке командира 57-го пехотного Модлинского полка и подписанный Сулькевичем. В дате написания письма не указан год, однако в ответном благодарственном письме Д. Шербачева в качестве даты составления указано 21 декабря 1907 г.
- 20 Там же. Л. 3. Это подтверждается сделанным на этом письме рукописным вариантом ответа Шербачева от 7 мая 1907 г., в котором выражается благодарность за присланный в дар Суворовскому музею фотографический снимок с акварели Кинбурнского боя с подписью дарителя.
- 21 Там же. Л. 7-8 об. Рукописный вариант запроса Шербачева от 7 мая 1907 г. Машинописный вариант ответа Императорского Одесского общества истории и древностей, отпечатанный на официальном бланке, от 17 мая 1907 г. на запрос Шербачева.
- 22 ФДРМС. Инв. N 2429. Л. 8.
- 23 Приказание войскам Одесского военного округа N 206 от 16 октября 1907 г.
- 24 Русский инвалид. 10 октября 1907 г. С. 2.
- 25 Государственный мемориальный музей А.В. Суворова, фонд нумизматики. Инв. N 3879.
- 26 ФДРМС. Инв. N 2429. Л. 13. Об этом сообщается в цитируемом ранее письме полковника Сулькевича от 11 октября 1907 г., однако в ответном благодарственном письме Д. Шербачева от 21 декабря 1907 г. нет никаких сведений о получении этого снимка.
- 27 ФДРМС. Инв. N 2429. Л. 14.

История создания музея А.В.Суворова в селе Кончанском.

В 260 км. от Великого Новгорода и в 36 км. от г. Боровичи находится село Кончанское-Суворовское, известное в истории как место ссылки великого русского полководца А.В.Суворова. Это село дало приют опальному полководцу на закате его жизни. Отсюда он начал путь к вершине своей славы и хотел вернуться сюда, если бы не смерть. Сейчас здесь образован единственный в стране музей-усадьба А.В.Суворова. Усадьба сохранилась благодаря заботам внука и правнука знаменитого полководца. После смерти правнука в 1893 году имение стало разоряться и его участью занялось царское правительство. С целью сохранения суворовской реликвии из усадьбы была перевезена Суворовская деревянная церковь в Санкт-Петербург. Боровичское дворянское собрание взяло под охрану летний дом А. В. Суворова на горе Дубихе. Эти обе реликвии были отчуждены из имения последними владельцами - Молоствовыми.

К моменту установления Советской власти в усадьбе сохранился «главный дом» - так назывался дом построенный внуком Суворова, и «полудомик» или флигель, в котором жил сам фельдмаршал. Этот «полудомик» сохранился в результате забот и внимания внука полководца к постройкам своего знаменитого деда.

Дом, в котором жил внук полководца, при Советской власти использовался как административное здание, и сгорел в результате поджога в 1947 году. «Полудомик» использовался под жильё, а потом в нём размещалась сельская почта.

У интеллигенции и колхозников Кончанского сельсовета появилась идея о создании здесь музея-памятника А.В.Суворову. Работа же по организации дома-музея началась в 1938 году. По инициативе работника артиллерийского музея В.Н.Грусланова создаётся специальная бригада для обследования мест, где жил А.В.Суворов. Начался активный сбор материалов, относящихся к Суворову или к его времени.

Мысль о создании музея в Кончанском он высказывает на страницах газет «Ленинградская правда» и «Красная искра». Не выдержав такого напора со стороны В.Н.Грусланова, местные органы власти были вынуждены создать комиссию с целью проведения работы по созданию в селе музея А.В.Суворова и памятника ему. Комиссия состояла из 9 человек, среди которых были директор Боровичского краеведческого музея С.Н.Поршняков и председатель Кончанского сельсовета А.И.Иванов. После этого В.Н.Грусланов от имени интеллигенции и колхозников села составляет обращение к депутату

Верховного Совета СССР Е.И.Корчагиной-Александровской. На это обращение народная артистка ответила на страницах газеты «Правда» 18 июля 1939 года статьёй «Создать музей-памятник великому полководцу А.В.Суворову», в которой поддерживала мысль о создании музея. Эти публикации сыграли роль в открытии 22 декабря 1940 г. памятника А. В. Суворову в Кончанском. Прошло ещё почти два года, прежде чем был открыт музей. Начавшаяся Великая Отечественная война, принёсшая много бед и страданий русскому народу, ускорила решение этой задачи. После того, как Сталин с трибуны на параде 7 ноября 1941 г. назвал А.В.Суворова в числе великих предков вдохновляющих на борьбу с врагом, имя Суворова приобрело особое звучание. Его именем назывались партизанские отряды, оно было на броне танков, фюзеляжах самолётов. Одновременно издавались плакаты с афоризмами Суворова, памятки, открытки. 29 июля 1942 года был учреждён орден Суворова. Создание музея там, где ещё сохранялась вещественная память о нём, было требованием времени. Инициатором создания музея был начальник политуправления Волховского фронта К.Ф.Калашников. В июле 1942 года он посетил село Кончанское, и после его посещения было издано распоряжение о создании музея А. В. Суворова. Первый экскурсовод музея А. Ф. Евтушенко о создании музея пишет в воспоминаниях: «В июле-августе 1942 года нашей кафедре, а также другим кафедрам курсов младших лейтенантов, работающих в Боровичах, было поручено создавать музей А.В.-Суворова в с. Кончанском. Мы часто, в августе, сентябре и октябре 1942 года выезжали в Кончанск. Был составлен план ремонта помещения. Из него была отселена сельская почта, проведён капитальный ремонт помещения и благоустройство территории. Одновременно по плану шёл сбор экспонатов. В селе был найден суворовский стол, кресло и самовар. Картины и оружие 18 века поступали из Москвы и Ленинграда. Преподаватели нашей кафедры во главе с полковником Кутурушевым следили за качеством изготовления схем сражений русских войск под руководством А.В.Суворова. Экспонаты размещали по указанию полковника Кутурушева.

Торжественное открытие дома-музея А.В.Суворову состоялось 25 октября 1942 года. Людей было очень много. Играл духовой оркестр Боровичского гарнизона. Кроме слушателей курсов младших лейтенантов Волховского фронта, трудящихся Боровичей и колхозников, были представители из действующих подразделений Красной армии.

Митинг открыли представители Политуправления Волховского фронта (полковой комиссар тов. Смирнов), выступали военные и гражданские ораторы. Все они говорили о необходимости в те трудные годы, брать на вооружение суворовскую науку побеждать, про подвиги русских чудо-богатырей. В местной газете «Красная искра» об этом событии была напечатана статья, которая заканчивалась словами «Наш народ свято чтит память великого патриота русской земли. Домик Суворова в Кончанс-

ком, превращённый сейчас в музей, ещё больше укрепляет уверенность в неизбежной победе советского народа в его смертельной схватке с лютым врагом - немецкими захватчиками».

А.Ф.Евтушенко, проводивший в этот день экскурсии по музею до позднего вечера, говорил: «Мы ощущали большое моральное удовлетворение, что выполнили поручение командования Волховского фронта по созданию дома-музея А.В.Суворова».

Киммельман М.М.

Государственный мемориальный музей А.В.Суворова.

Суворов и Петербург: проблема взаимовлияния.

В мае 2000 г. исполнилось 200 лет со дня смерти А.В.Суворова. Через 3 года мы будем отмечать 300-летие со дня основания Петербурга. Судьба великого человека пересеклась с судьбой великого города.

Возникает вопрос: в какой степени повлияло скрещение их судеб, с одной стороны - на А.В.Суворова, а с другой - на Петербург и становление его истории.

Для решения этой проблемы необходимо исследование петербургского периода жизни А.В.Суворова, который длился с определенными перерывами с 1748 по 1800 годы.

Сложность проблемы заключается в том, что в обширной суворовской литературе петербургский период отражен фрагментарно. Затрудняет исследование также неполнота и противоречивость данных.

Попытка систематизации всех материалов, относящихся к петербургскому периоду жизни А.В.Суворова, впервые была предпринята Г.И. Месервичем и Ф.В.Будановым /25/.

Заслугой авторов является использование большого количества документальных данных, однако идеологизированный подход, отсутствие ссылок на источники, наличие целого ряда ошибок и опечаток не дают возможности в полной мере воспользоваться результатами этой работы.

Итак, разрозненность, неполнота и недостаточная достоверность литературных данных не позволяют создать отчетливое представление о петербургском периоде жизни А.В.Суворова. В связи с этим возникает необходимость в постановке и исследовании проблемы «Суворов и Петербург», что является предметом настоящей работы.

Проблема «Суворов и Петербург» нами будет рассматриваться в двух аспектах:

· *Влияние петербургского периода жизни на формирование личности А.В.Суворова.*

· *Влияние суворовского наследия на восприятие образа Петербурга.*

На первом этапе работы были произведены систематизация и анализ литературы, относящейся к петербургскому периоду жизни А.В.Суворова, с целью составления хронологии пребывания его в Петербурге и выявления суворовских адресов. Результаты исследований показывают, что в период с 1748 по 1800 годы А.В.Суворов приезжал в Петербург не менее 25 раз и провел в Северной столице и её пригородах в общей сложности свыше 16 лет. /2, 5, 8, 10, 13, 17, 20, 21, 25, 27, 30, 36, 37, 38, 40, 41, 43/. К числу известных и возможных мест пребывания А.В.Суворова в Петербурге и пригородах в эти годы относятся полковые слободы Семёновского и Преображенского полков, церковь Самсония Странноприимца, Андреевский собор, Таврический дворец, Смольный монастырь, Сухопутный Шляхетный корпус, Здание Двенадцати коллегий, Зимний дворец и Эрмитаж, Оперный дом и Театр на Царицыном лугу, Петропавловская крепость, Летний сад, дом Г.Р.Державина и другие частные адреса, квартира Д.И.Хвостова на набережной Крюкова канала, 23; похоронен А.В.Суворов в Благовещенской усыпальнице Александро-Невской лавры /3, 5, 9, 22, 24, 27, 28, 30, 31, 33, 34, 35/.

Дежурство в караулах в различных точках Петербурга и его пригородов в первые годы службы позволило А.В.Суворову ознакомиться с величайшими памятниками архитектуры XVII - XVIII вв. (Зимний дворец, Петропавловская крепость и др.). Возможное посещение Сухопутного Шляхетного корпуса способствовало расширению и углублению познаний А.В.Суворова в различных областях, овладению иностранными языками, знакомству с передовыми достижениями научной и философской мысли, приобщению к литературе.

Знакомство с А.В.Сумароковым и М.М.Херасковым, посещение заседаний «Общества любителей российской словесности», дружба с Г.Р.Державиным способствовали не только развитию лите-

ратурных способностей А.В.Суворова, но и становлению его как критически мыслящей личности.

Посещение Оперного дома и Театра на Царском лугу приобщило А.В.Суворова к музыкальной и театральной жизни столицы. Во время посещения культовых сооружений полководцем знакомился с духовной музыкой, любовью к которой он сохранил на всю жизнь.

Во время посещения дочери Н.А.Суворовой, в Смольном институте А.В.Суворов входил в курс передовых для того времени идей Екатерины II и И.И.Бецкого в области воспитания и образования.

Бывая в Зимнем дворце и императорских летних резиденциях, куда А.В.Суворов неоднократно приглашался на обеды, он встречался с различными государственными деятелями и деятелями культуры, проникался духом своей эпохи, своего времени.

В годы пребывания А.В.Суворова в Петербурге полководец встречался также с представителями иностранных государств, например, с представителем Франции при дворе Екатерины II графом Сегюром, у которого полководец с 1785 г. по 1786 г. неоднократно бывал на обедах, о чем граф упоминает в своих «Записках» /12; 160/.

Следует заметить, что Петербург XVIII в. - это город, открытый для западноевропейского влияния. Петр I основал Петербург как европейский город, привлекая к его строительству западноевропейских архитекторов и мастеров. В Петербург приглашаются иностранные учителя и артисты. В 1712 г. столица переносится в Петербург, что приближало Россию к Западной Европе. Эта линия на контакт с Западной Европой была продолжена при Елизавете Петровне, а затем при Екатерине II. В Оперном доме шли спектакли итальянских и французских трупп, в частности, «вольные» (платные) маскарады Ш.Серины /43/, итальянская инструментальная музыка звучала на обед и приемах в императорских резиденциях /11 - 21/.

Во время пребывания в упомянутых местах Петербурга А.В.Суворов проникался духом города, становился его неотъемлемой частью.

Таким образом, петербургский период жизни, в особенности годы службы капрамом, оказали определяющее влияние на формирование личности А.В.Суворова. Именно Петербургу обязан своим появлением генералиссимус Суворов.

Возникает обратный вопрос: в какой степени суворовские последние повлияли на облик Петербурга и восприятие его истории?

Для решения этой задачи нами были исследованы места, где теоретически мог бывать А.В.Суворов, а также увековечение памяти А.В.Суворова.

Анализ мест пребывания А.В.Суворова в Петербурге показывает, что они являются носителями

ми культуры соответствующей эпохи в истории Петербурга. Так, например, здание Двенадцати коллегий - образец административного общественного здания эпохи Петра I. Дом Г.Р.Державина - образец дворца-усадьбы в архитектуре XVIII века; Андреевский собор, Благовещенская церковь Александро-Невской лавры - образцы культовых сооружений.

Различна судьба этих зданий. Некоторые, как, например, полковая церковь Суздальского пехотного полка, исчезли с лица земли; другие сохранились практически в неизменном виде до настоящего времени (здание Двенадцати коллегий, Таврический дворец). На протяжении долгой истории Петербурга эти дома неоднократно меняли своих хозяев и внешний облик. Менялось и функциональное назначение зданий.

Особого внимания заслуживает вопрос об увековечении памяти А.В.Суворова. Нами были рассмотрены мероприятия по увековечению памяти полководца в различные исторические эпохи /3, 4, 7, 29, 31, 39, 42/. **Основными вехами в увековечении памяти А.В.Суворова в дореволюционном Петербурге** являются открытие памятника полководцу в 1801 г. в южной части Марсова поля; перенос памятника к Троицкому мосту и расположение его на Суворовской площади в 1818 г.; возложение мраморной плиты с текстом "Здесь лежит Суворов" на могилу А.В.Суворова в 1852 г.; создание А.М.Онекушиным в 1870 г. бюста А.В.Суворова и фрагмента памятника Екатерине II в 1873 г. **Кульминация в увековечении памяти А.В.Суворова наблюдается в царствование Николая II, в 1900-х годах, и связана с празднованием столетней годовщины со дня смерти полководца.** В эти годы открывается музей А.В.Суворова (13 (26) ноября 1904 г.), переносится Суворовская (Кончанская) церковь в Петербург, на картах города появляется Суворовский проспект, в который была переименована Слоновая улица. **После Великой Октябрьской социалистической революции наблюдается тенденция к уничтожению памяти А.В.Суворова.** Свидетельства этому - переименование Суворовского проспекта в Совский в 1918 г., закрытие музея А.В.Суворова в 1923 г., уничтожение в 1925 г. Суворовской церкви, пропавшая мемориальная доска с дома, где скончался полководец, в начале 1930-х гг. **В 40-х гг. XX века вновь усиливается интерес к личности А.В.Суворова,** о чем свидетельствует Суворовский зал в Артиллерийском историческом музее. **Интерес к полководцу значительно возрастает в годы Великой Отечественной войны,** когда А.В.Суворов рассматривался как символ боевой славы русского оружия, как вдохновляющий пример для

советских воинов. В годы героической обороны Ленинграда памятник А.В.Суворову у Марсова поля стоял открытым, и войска, проходившие мимо него на фронт, отдавали полководцу воинские почести. Так генералиссимус Суворов влиял на последующие поколения. *Процесс увековечения памяти А.В.Суворова продолжается и в послевоенные годы.* В 1944 г. Советский проспект был переименован в Суворовский. В 1950 г. была установлена (взамен уничтоженной) мемориальная доска на доме № 23 по набережной Крюкова канала. В 1951 г. был открыт музей А.В.Суворова, который с 1953 г. превратился в "Военно-исторический музей А.В.Суворова". В 1955 г. в бывшем Воронцовском дворце открывается Суворовское училище /4/. В 1990 году профиль музея А.В.Суворова меняется с военно-исторического на мемориальный. 8 мая 1998 года Государственный мемориальный музей А.В.Суворова открывается после реконструкции.

Следует заметить, что Петербург с самого основания складывается как военная столица. Его первым сооружением была Петропавловская крепость. Военное значение Петербурга особенно возросло после Полтавской битвы, когда главным театром военных действий стала Прибалтика. В дальнейшем в Петербурге сосредоточились все главные структурные управления - военная коллегия, Адмиралтейство и др.. В Петербурге стояла гвардия, которая была законодателем военной моды, здесь стояли лучшие войска. Именно в силу того, что Петербург - военная столица, с этим городом связана судьба выдающихся русских полководцев: П.А.Румянцева, Г.А.Потемкина, М.И.Кутузова и, конечно А.В.Суворова.

Места, связанные с памятью о Суворове (местоположение полковых слобод Семеновского и Преображенского полков, Марсово поле и памятник А.В.Суворова, Суворовский проспект, Таврический дворец, Смольный собор, Александро-Невская лавра и др.) определяют облик Петербурга как военной столицы. Как было показано выше, они непосредственно связаны с культурой и историей города. По нашему мнению, целесообразно объединить их понятием «Суворовский Петербург». Объединяющим моментом здесь является некое духовное начало, ощущение причастности к высшему таинству великой любви к Родине, ибо, как сказал маркиз Габриэль Пьер Гильоманш-Дюбокаж, "Суворов вменял душу столь сильную, которая господствовала над событиями и часто покоряла ему судьбу" /7; 14/.

Следует заметить, что потомки А.В.Суворова были заметными лицами в военной столице, в частности, его внук Александр Аркадьевич Суворов был военным губернатором Петербурга /23/. Поэтому правомерна постановка вопроса о взаимовлиянии Петербурга и потомков А.В.Суворова. Однако этот

вопрос выходит за рамки настоящей работы и должен стать предметом дальнейших исследований.

Литература и архивные источники:

1. Антонов В.В., Кобак А.В. Святissimi Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в 3-х тт. Т.2. - СПб., 1996.
2. Биографические данные о службе великого русского полководца А.В.Суворова (выписка из послужного списка). - Л., 1940.
3. Бученков П.А. Суворовское военное. - М., 1981.
4. Галенко Б.В., Погулин Н.Г. Суворовские дни 1900 г. в Санкт-Петербурге. (в печати)
5. Гера А. Суворов - солдат. 1742 - 1754: Итоги архивных данных о его службе юным чином. - СПб., 1900.
6. Гильоманш-Дюбокаж Габриэль Пьер. Характер, привычки, нравственные качества и способности фельдмаршала Суворова, почерпнутые из разных фактов его жизни. // А.В.Суворов глазами современников. - М., 1999.
7. Горбачевич К., Хаблю Е. Почему так называю? - СПб., Норинт, 1996. - С. 252 - 253.
8. Записки графа Сепора о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785 - 1789). - СПб., 1865.
9. Записки графа Сепора о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785 - 1789). - СПб., 1865.
10. Ивашев П.Н. Из записок о Суворове. // Отечественные записки. 1841. № 1. - С. 1 - 9.
11. Камер-фурьерский церемониальный журнал за 1765 г. - СПб., -
12. Камер-фурьерский церемониальный журнал за 1767 г. - СПб., -
13. Камер-фурьерский церемониальный журнал за 1785 г. - СПб., 1885.
14. Камер-фурьерский церемониальный журнал за 1786 г. - СПб., 1886.
15. Камер-фурьерский церемониальный журнал за 1789 г. - СПб., 1888.
16. Камер-фурьерский церемониальный журнал за 1791 г. - СПб., 1890.
17. Камер-фурьерский церемониальный журнал за 1792 г. - СПб., 1892.
18. Камер-фурьерский церемониальный журнал за 1795 г. - СПб., 1894.
19. Камер-фурьерский церемониальный журнал за 1796 г. - СПб., 1896.
20. Камер-фурьерский церемониальный журнал за 1798 г. - СПб., 1897.
21. Камер-фурьерский церемониальный журнал за 1799 г. - СПб., 1898.
22. Крюковских А.П. Дворцы Санкт-Петербурга. Художественно-исторический очерк. - СПб., 1997.
23. Кудашева Э. «Потомство мое прошу брать с меня пример». // Смена - СПб., 1999. 24 ноября. - С. 8
24. Лисевич И.И. Доменико Трезвини. Л., 1986.
25. Меерovich Г.И., Буланов Ф.В. Суворов в Петербурге. - Л., 1978.
26. Павлов А.П. Храмы Санкт-Петербурга. Художественно-исторический очерк. - СПб., 1998.
27. Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов, в 3-х томах. Т.1. - СПб., 1884.
28. Письма и бумаги Суворова. Т.1. Письма. / сост. Алексеев В. - Петербург, 1916.
29. Пирютко Ю.Н. Благовещенская усыпальница - первый пантеон России. // Суворовские чтения. Материалы конференции. - СПб., 1999. - С. 44 - 48.
30. Плестерер Л.Л. История 62-го Суздальского пехотного полка. Т.2. - Белосток, 1903.
31. Путеводитель по Санкт-Петербургу. - СПб., 1903.
32. Пушкинские адреса в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Путеводитель. - СПб., 1999.
33. Пыляев М.И. Старый Петербург. - М., 1990. (Репринтное издание. - СПб., 1889.).
34. РГИА, ф. 1399, оп.1, д.689.
35. РГИА, ф.466, оп.1, д.93.
36. Русский биографический словарь. Т.20. - СПб., 1912.
37. Спиридонова Л.И. А.В.Суворов в Финляндии. // Суворовские чтения. Материалы конференции. - СПб., 1999. - С. 98 - 105.
38. Столыпин А.А. Воспоминания об А.В.Суворове. // Москвитин. 1845. Ч.III. № 5/6. - С. 1 - 16.
39. Столярова И.А. Похороны и надгробие А.В.Суворова в Благовещенской усыпальнице. // Суворовские чтения. Материалы конференции. - СПб., 1999. - С. 32 - 35.
40. Суворов А.В. Документы. / Воениздат МО СССР. Т.1. - М., 1949.
41. Суворов А.В. Документы. / Воениздат МО СССР. Т.2. - М., 1951.
42. Суворов А.В. Альбом. - М., Изобразительное искусство, 1986.
43. Храповицкий А.В. Дневник. 1782 - 1793. - М., 1902.

Нарбут А.Н.

Доктор технических наук, профессор Московского автомобильно-дорожного института,
Председатель Комитета потомков А.В.Суворова.

О потомках А.В.Суворова.

В 1774 (16.01) А.В.Суворов (в 43 года) женился на княжне Прозоровской Варваре Ивановне (ей было 23 года).

У них было двое детей и 11 внуков (III колена): 7 - это графы Зубовы, от дочери Наталии, причём трое из них: Александр, Платон и Надежда - родились при жизни А.В.Суворова, и 4 - это графы Суворовы-Рымникские князья Итальянские, от сына Аркадия. В IV колена (правнуки) было уже 35 потомков, в V - 67 и т.д. Столь удачное начало привело к тому, что уже с III колена образовалось семь (!) ветвей потомков А.В.Суворова: 4 ветви - от дочери Наталии (они обозначены как Н1, Н2, Н3, Н4) и 3 ветви - от сына Аркадия (они обозначены как А1, А2, А3). Здесь и далее речь идет только о прямых потомках А.В.Суворова (и их женах или мужьях).

Первая (старшая) ветвь (Н1) потомков берет начало от III.1* графа Зубова Александра Николаевича (р.1797-у.1875). Назовем ее «Зубовской», поскольку эта фамилия простирается здесь до VII колена (в остальных ветвях, кроме III колена, ее нет). В VI колена здесь появляются немецкие фамилии, а с VIII колена только они и остаются. В этой ветви встречаются потомки Леонарда Эйлера (М2.VI.8. Арндт Беккер, р. 1906-у. 1952, и его дочь VII. 14. Татьяна, р. 1942). Всего в этой ветви 38 потомков.

Вторая ветвь (Н2) потомков берет начало от III.3. графини - Зубовой Веры Николаевны (р.1800-у.1863) и ее мужа Владимира Петровича Мезенцова (р. 1779-у. 1833), генерал-лейтенанта, героя войны 1812 г. Назовем эту ветвь «Оболенской». Эта фамилия встречается здесь чаще других в V-IX коленах. Кроме князей Оболенских, здесь встречаются князья Трубецкие, князья Мосальские, князья Енгальчевы, графы Голенищевы-Кутузовы, графы Шереметевы, графы Габбе, Шидловские и др. Например, здесь М1.V.8. князь Иван Сергеевич Трубецкой (р.1843-у.1874), сын декабриста князя Сергея Петровича Трубецкого (р.1790-у.1860). М2.V.8. граф Александр Васильевич Голенищев-Кутузов (р.1846-у.1897) из рода. Светл. князя, фельдмаршала Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова (р.1746-у.1813). Внука графа Александра Васильевича - VII.31. графиня Марина Сергеевна (р.1912-у.1969) была замужем за князем Дмитрием Александровичем Романовым (р.1901-у. 1980), правнуком царя Николая I: Ж.VII.34., Елена фон Врангель (р.1907), дочь барона Петра Николаевича фон Врангеля

(р.1878-у.1928), главнокомандующего Русской армией на юге России в 1920 г. Сестра Ж1.VI.15. Светл. княжны Екатерины Александровны Юрьевской - Ольга Александровна (р.1873-у.1926) была первой женой графа Георгия Николаевича Меренберга (р.1871-у.1948), внука Александра Сергеевича Пушкина. Всего в этой ветви 100 потомков, это самая многочисленная ветвь Потомков А.В.Суворова.

Третья ветвь (Н3) потомков берет начало от III.4. графини Зубовой Любови Николаевны (р.1802-у.1894) и ее мужа Ивана Сергеевича Леонтьева (р.1783-у.1824), генерал-майора, героя войны 1812 г. Назовем эту ветвь «Леонтьевской», поскольку здесь эта фамилия проходит по всем коленам, начиная с III колена, причём ни по одной фамилии среди потомков А.В.Суворова такого нет. Кроме Леонтьевых, здесь встречаются Ершовы, Жеребцовы, Нарбуты и др. Так, например, V.16. Михаил Михайлович Леонтьев (р.1853-у.1901), предводитель дворянства Владимирской губ., действ. стат. советник; VI.21. Сергей Михайлович Леонтьев (р.1879-у. после 1938), в 1917 врид. Москв. военного градоначальника, товарищ Министра внутренних дел Временного правительства; М.V.17. Владимир Иванович Ершов (р.1844-у.1899), предводитель дворянства Московской губ. и т.д. Всего в этой ветви 46 потомков.

Четвертая ветвь (Н4) потомков берет начало от III.5. графини Зубовой Ольги Николаевны (р.1803-у.1882) и ее мужа Александра Степановича Талызина (р.1795-у.1858), тайного советника. Назовем эту ветвь «Столыпинской» по М.V.29. Петру Аркадьевичу Столыпину (р. 1862-у. 1911), председателю Совета министров, руководителю аграрной («столыпинской») реформы, и его потомству. Кроме Столыпиных, здесь много Нейдгартов, Талзыных, Всеволожских, Нарышкиных и др. М.V.32. Сергей Дмитриевич Сазонов (р.1860-у.1927), министр иностранных дел, женат на сестре жены Петра Аркадьевича Столыпина, - Анне Нейдгарт, фрейлине. Всего в этой ветви 73 потомка.

Пятая ветвь (А1) потомков начинается от III.7. графини Суворовой-Рымникской, Светл. княжны Итальянской Марии Аркадьевны (р.1802-у.1870) и ее мужа князя Михаила Михайловича Голицына (р.1793-у.1856), генерал-майора Генерального штаба. Назовем эту ветвь «немецкой», поскольку, начиная с V колена, в этой ветви встречаются только немецкие фамилии, в основном графы Мюнстеры, фон Ностиц-Вальвицы и др. Всего в этой ветви 47 потомков.

Шестая ветвь (А2) потомков начинается от III.8. графини Суворовой-Рымникской, Светл. княжны Итальянской Варвары Аркадьевны (р.1802-у.1885) и ее первого мужа Дмитрия Евлампиевича Башмакова (р.1792-у.1835), действ. стат. советника. Назовем эту ветвь «Башмаковской», поскольку эта фамилия встречается здесь чаще других. V.51. Александр Александрович. Башмаков (р.1858-у.1943), главный редактор журнала «Правительственный Вестник», в эмиграции председатель Суворовского Комитета (с 1930 г.). Кроме Башмаковых, здесь встречаются графы Канкрины, Огнев, Петковичи, Пашковы, князья Ухтомские, князья Голицыны, князья Гагарины (М. V.62) князь Александр Данилович Гагарин (у.1911) и его потомки являются также потомками Светл. князя Александра Даниловича Меншикова) и др. M2.V1.40. князь Вадим Григорьевич Волконский (р.1895-у.1973) и его потомки являются также потомками Михаила Васильевича Ломоносова. Всего в этой ветви 125 потомков.

Седьмая (младшая) ветвь (А3) потомков начинается от III.9. графа Суворова-Рымникского, Светл. князя Итальянского Александра Аркадьевича (р.1804-у.1882). Назовем эту ветвь «Суворовской», поскольку только в этой ветви в IV колене встречаются последние Светл. князья Суворовы-Рымникские. Здесь встречаются Молоствоволы, Козловы, Хитрово, графы Литке (потомки знаменитого мореплавателя и географа, адмирала, графа Федора Петровича Литке, р.1777-у.1882), Башмаковы, князья Голицыны и др. Всего в этой ветви 51 потомок.

Всего же от двух детей Д.В.Суворова: Натальи и Аркадия во 11-Х коленах на 1.03.2000 выявлено 578 (по (2) - 487) прямых потомков А.В.Суворова, причем 353 (по (2) - 306) - от Натальи и 225 (по (2) - 181) - от Аркадия.

В 1930 г. в Париже был создан Суворовский Комитет, основной целью которого было «соединение всех рассеянных на чужбине творческих сил»,

чтобы достойно отметить 200-летие со дня рождения генералиссимуса А.В.Суворова. Другой целью было составление списка всех потомков А.В.Суворова. В связи с этим 10.07.1930 было составлено и разослано за подписью председателя Комитета Александра Александровича Башмакова (р.1858-у.1943) и девяти членов письмо с просьбой прислать адрес и взнос 150 франков. Затем была составлена в виде таблицы «Настоящая Родословная потомков генералиссимуса А.В.Суворова», проверенная 21.04.1932 Суворовским Комитетом (в это время Комитет состоял из 15 человек) и дополненная по 1.09.1933 (в настоящее время эта таблица находится в Нью-Йорке у Ю.И.Шидловского). Однако после войны 1939-1945 гг. Суворовский Комитет перестал существовать.

В 1970 г. (или в 1976?) Жаном Ферраном был издан (1) список прямых потомков А.В.Суворова (на французском языке), куда вошло 437 человек. В 1996 г. в книге «Род и потомки генералиссимуса А.В.Суворова» (2) были приведены сведения о 487 прямых потомках.

28.04.1998 в Москве был создан Комитет потомков А.В.Суворова (председатель Андрей Николаевич Нарбут). Основные задачи Комитета: 1. Популяризация личности генералиссимуса А.В.Суворова - величайшего полководца России. 2. Содействие мероприятиям по увековечиванию памяти А.В.Суворова при взаимодействии с другими организациями. 3. Сбор и систематизация сведений о потомках А.В.Суворова. В настоящее время Комитет располагает сведениями о 578 прямых потомках А.В.Суворова из них около 200 человек проживает за рубежом (в основном во Франции, США, Германии) и около 20 человек - в России.

Литература:

1. Ferrand J. La Descendance du Marechal Alexandre Vassilievitch Souvorov. - Paris: 1970 (или 1976?).
2. Нарбут А. Н. Род и потомки генералиссимуса А.В.Суворова. Родословные росписи, вып. 6. - М.: 1996.

Исмагулова Т.Д.

Научный сотрудник сектора источниковедения Российского института истории искусств.

Графиня Наталья Александровна Зубова, “Суворочка”, и ее потомки.

В одном из фондов Пушкинского дома мне попался документ, который был знакомым и незнакомым одновременно. Это были записанные потомками воспоминания управляющего имениями известного князя Платона Александровича Зубова, последнего фаворита Екатерины II, деверя “Суворочки” (Михаила Братковского). Все плохие или компрометирующие сведения этого документа о князе были хорошо знакомы, потому что печатались и перепечатывались в словарях и статьях. Но вот никаких хороших характерис-

тик из этих воспоминаний – мне никогда не приходилось читать ранее. Обнаружилось даже, что и цитировали этот документ весьма своеобразно. Например, в широко известной статье о Платоне Зубове, опубликованной в журнале “Русская старина” за 1876 год (Том 17, с. 719-720)¹ приведены “рассказы о жизни князя, записанные со слов ...главноуправляющего имениями Платона Зубова”, там сказано:

“С первых же дней поселения своего в Янишках, Зубов прилежно занялся хозяйством, но был крайне

скупи и вовсе не заботился о крестьянах», в то время как в оригинале написано так: «По...удалении князя Платона Зубова в его огромные имения Виленской губернии Шавельского уезда, - князь с первых же дней занялся хозяйством, не как придворный вельможа, но как обыкновенный помещик - с той разницей, что повёл свои дела по пути, ведущему не к долгам, но к улучшению быта крестьян и обогащению самого себя», чуть далее сказано, что он был «любим крестьянами и шляхтой» (ИРЛИ. Ф. 265. Оп.2. № 276. Л.1). Не кажется ли вам, что разница в приведенных отрывках весьма существенна?

Я привела этот, вроде бы незначительный, эпизод потому, что он весьма симптоматичен. Наша историческая методология, и увы не только советского времени, требовала избирательного подхода. Если исторический персонаж признавался фигурой положительной, «белой», он мог рассчитывать на некоторую объективность и даже на то, что какие-то компрометирующие его сведения будут забыты или опущены. Но если это фигура «чёрная», то любые факты из его биографии могут быть трактованы так, как в данном примере.

Графиня Наталья Александровна Зубова, урождённая Суворова, оказалась как бы между двух полюсами, её биография совместила черты двух подходов и оценок - самые близкие ей люди получили противоположную историческую «краску» - белую (отец) и чёрную (муж). В её жизни борьба этих двух цветов, сказалась на создании мифов вокруг ее имени. Проведен анализ этих мифов, на основании доступных документов, так сказать «сеанс чёрной магии и ее разоблачение».

Отметим еще одну существенную деталь: в основном, статьи, посвященные биографии «Суворочки», как до 1917 года,² так и после,³ основаны не на архивных материалах (в лучшем случае используются письма Суворова к дочери и ее детские ответы). Единственным исключением из этого правила были две статьи сотрудников владимирского архива⁴ и в них героиня выглядела уже иначе, поскольку авторы использовали её поздние подлинные письма и документы.

Её биография чётко делится на два периода: первый - маленькая девочка, легендарная «суворочка» - с отцом, краски белые; второй - история замужества и жизни с мужем; здесь краски уже смешаны. Именно второй период наименее освещён в её биографии и представляет для нас наибольший интерес. Для рассмотрения его избран биогрифический и хронологический аспект:

Пунктирно: Суворов забрал дочь у матери в 6-летнем возрасте и определил вольной пансионеркой в Смольный институт. Его письма к ней вызвали всеобщее удивление и интерес, их читала и цитировала сама императрица. После окончания курса Екатерина пожаловала Наталью Александровну во фрейли-

ны, но отец забрал ее с придворной службы и поместил в дом к своему родственнику Д.И.Хвостову. Он всерьёз задумывался о ее замужестве. До этого момента жизнь «Суворочки» описана многократно и подробно (см. например, статью Д.Мордовцева в его сборнике «Русские женщины XIX века» (СПб., 1874. С. 22-38), посвященную исключительно пересказу суворовской переписки, и проч.).

Миф первый: сватовство и замужество

Известно, что у любимой дочери великого полководца было много женихов. Стремление поскорее выдать «Суворочку» замуж могло быть продиктовано одним - ощущением непрочности жизни, которой отец постоянно рисковал на поле сражения, желанием устроить ей стабильное существование, дать возможность иметь семью и многих детей, как мечталось ему самому и её деду, семьянину и скопидому. В итоге отцовские женихи⁵ были отвергнуты и Наталья Александровна вышла замуж либо по желанию императрицы, либо по собственному желанию. А может быть, по той или другой причине одновременно. В пользу первой версии говорили строки из одного ее письма⁶, и то, какое значение придавала Екатерина этому браку. («Признаюсь, эта свадьба самая удачная, какую я видела» - строки из письма её к Гримму от 7 апреля 1795). В пользу второй - известные стихотворные послания, которыми Наталья Александровна обменивалась с отцом. Они настолько убедительно доказывали, что окончательный выбор жениха - графа Зубова - был сделан самой невестой, что некоторые авторы сомневались в их подлинности⁷ - уж очень не хотелось это признать. Между тем, обстоятельства, если подойти к ним объективно, создают любопытную картину. Подполковник Николай Александрович Зубов, старший брат нового фаворита, был прислан Суворовым с известием о Риминикской победе⁸, - за что произведён в полковники 25 сентября 1789 года. В этот момент «случай» Платона Зубова уже начался, но вряд ли слухи об этом так быстро достигли полей сражения. Возможно, полководец послал с известием именно Зубова, потому что знал его как храброго боевого офицера (одно из писем Суворова к нему датируется 1788 годом)⁹, а может потому, что он отличился в сражении. Очевидно, вместе с ним Суворов отправил и письмо к дочери, датированное «11/22 сентября 1789». Место - «ручей Римник в Валахии. С поля битвы!». А так как императрица интересовалась письмами Суворова к дочери, она вполне могла призвать Наташу, чтобы офицер лично вручил ей письмо отца. Предположим, что между молодыми людьми возник интерес, замеченный императрицей. Во всяком случае Храповицкий отметил в своём «Дневнике», что Екатерина изволила «сочинить две песни», одна из которых «Сказка складка, а песня быть». Приключения Николая Зубова¹⁰. Позже сама

Екатерина несколько запугала дело, когда в письме к Гримму, говоря о предстоящей свадьбе “графини двух империй”, написала не о взаимной симпатии молодых, а, желая подчеркнуть достоинства жениха, придумала историю, как “Граф обеих империй ... сам фельдмаршал позвал его и сказал: “Вы храбры и честны; сделайте мне удовольствие, женитесь на моей дочери”. Тот согласился на это”¹¹. Но очевидно нужно признать, что Екатерина, только что “отпустившая” Мамонова, не стала бы никого принуждать к браку без взаимной склонности. Напомню, что свадьба состоялась 25 апреля 1795 года в Таврическом Дворце, куда позже поселила Екатерина отца невесты, прибывшего после громких побед в Петербург.

Миф второй: личные качества невесты и жениха.

Отзывов о личных качествах взрослой Натальи Александровны очень мало. С детства приученная отцом и институтским воспитанием избегать общества, она сознательно старалась “ограничить жизнь домашним кругом”. Поэтому известных высказываний о ней только два, в чем-то совпадающих, в чем-то противоположных. Это слова “злослычного”, по словам современников, графа Головина – “добрая и добродетельная маленькая особа”¹² и мнение княгини Анны Александровны Голицыной, урожденной княжны Грузинской, которое и закрепилось за ней – “она очень доброго сердца и очень глупа”. Здесь некоторая тонкость перевода – письма Голицыной написаны по-французски, и для точности следовало бы взять не слово “глупа”, а скорее “проста, простушка”. (Ср. далее: “Действительно, ея простота (simplicité – франц.) изумительна”). И самое главное, стоит проанализировать ситуацию: Голицына - родственница матери Натальи Александровны, она приехала с поручением от влиятельного князя Александра Михайловича Голицына - убедить детей Суворова, прежде всего дочь, вступить в сношения с Варварой Ивановной, что было от самого полководца, видимо, подстрогим запретом, - это ей не удастся и вызывает её раздражение¹³. (Сами письма в каком-то смысле отчёты о выполненном). После первой встречи с братом и сестрой, княгиня говорила о доброте Натальи, но и только: “кажется, она такая добрая”. В третий раз она упоминала Наталью Александровну в совсем любопытной ситуации: граф Zubov вместе с женой входили в самый близкий круг императрицы, присутствовали на тех вечерах, куда остальным вход был закрыт: “Она обещает каждый день с императрицей, этой чести не имеет ни одна из придворных дам, но от этого она не делается любезною, или разговорчивою (подчёркнуто мною, в этом всё и дело, не желала сплетничать – Т.И.) и сдва говорит, - императрица тоже с ней не разговаривает никогда”. Разговаривала ли с “Суворошкой” Екатерина, Голицына не знала, потому что её на эти рауты не звали. Но что не ска-

жешь с досады! Странно, что эти характеристики недалёкой¹⁴ титулованной особы пристали к Наталье Александровне.

Ещё более резкие характеристики получил жених. Ранее я отмечала, что негативные портреты Zubovых, вошедшие во все справочные издания, восходят к книге Гельбига¹⁵, справедливость которой сомнительна. “Титант обладавший большой физической силой, Zubov был пигмеем по своим нравственным качествам”¹⁶. В других источниках его называли “пьяницей”, даже “алкоголиком”,¹⁷ “грубым” и “высокомерным”. Но вот как этот человек вёл себя со слугой, карликом Якубовским, которого зимой вёз в Петербург – тот оставил воспоминания, опубликованные много лет спустя правнуком “Суворочки”, графом Валентином Платоновичем Zubovым: “проехавши город Витебск... я отморозил обе ноги. Как же я испугался! Думал, что останусь без ног, и давай плакать, но Николай Александрович не велел меня вносить в тёплую комнату, а тереть ноги чем больше снегом на воздухе, и, благодаря Всевышнего нашего Создателя и Спасителя ноги мои остались целы... Теперь дал мне свою муфту Николай Александрович, из белого медведя, огромная; и в неё влез, и посадили в другой экипаж теплее”¹⁸. Слухи о пьянстве старшего Zubова, очевидно, основываются на шампанском, которое пили накануне 11 марта, дабы придать себе решительности. Никаких конкретных свидетельств тому нет. Зато в ситуациях критических для семейства, вызывали прежде всего его¹⁹. Даже за год до его смерти, когда решался вопрос о наследстве и долгах графа Валериана Александровича Zubова, именно Николай брал на себя обязанность улаживать дела с кредиторами, свободно распоряжаясь ценными вещами, оставленными покойным в залог.²⁰ Алкоголику такую роль поручить невозможно. Единственно справедливой характеристикой старшего брата Zubова нужно признать его вспыльчивость, “буянство”, по словам Суворова, (её он унаследовал от отца²¹), отсюда и его выходка с ящиками, отсюда и знаменитый удар табакеркой в ночь на 11 марта.

Миф третий: как жила “Суворочка” с мужем

В основном принятая версия – “с мужем жила плохо”.²² Конечно, если вспомнить, каким рисовали портрет мужа. Некоторые авторы, видимо, считали, что если граф Николай Zubov ударил государя табакеркой, то жеңу бил по меньшей мере кочергой. Но некоторые исследователи неохотно признали: “с мужем жила хорошо” или “люба хорошо”²³.

Только факты. Наталья Александровна прожила в браке 10 лет (с 1795 по 1805), за это время родила семерых детей (одна из дочерей, Надежда, рано умерла). Вдовой осталась в 30 лет. “Сама была еще очень молодая” – писал о ней карлик, Якубовский²⁴. Замуж второй раз, в отличие от Натальи Николаевны Пуш-

киной, так и не вышла, всецело посвятив себя воспитанию детей. В семье её не обижали, пользуясь ее пресловутой “добротой” - Якубовский вспоминал случай, когда из-за него она заспорила со старой графиней Елизаветой Васильевной Zubовой, и та ей уступила²⁵. После смерти мужа, продолжая его роль, фактически возглавила клан графов Zubовых^{25a}. Недавно была опубликована репродукция с большого семейного портрета графов Zubовых – в центре изображения – графиня Наталья Александровна²⁶.

Миф четвёртый: отношения с отцом – ее самой и семьи мужа.

К счастью, никто не сомневается, что у самой Натальи Александровны отношения с отцом до самого последнего дня оставались нежными и добрыми, доказательством тому – приезд ее с маленьким сыном в село Кончанское, к ссыльному Суворову. Хотя некоторые и подчёркивали тот факт, что письма отца к ней после её свадьбы стали короткими. Это объясняется просто – она замужем, отец за неё спокоен и нет необходимости воспитывать и наставлять дочь, что занимало главный объём в его прежних письмах Наташе-девочке. Отношения с зятем более сложные, но это опять же вполне объяснимо – при такой любимой дочери плох был бы даже ангел. Скорее удивительно, что конфликтов между ними было так мало.

Суворов старался поддерживать отношения с семьёй Zubовых. Якубовский вспоминал: “А в девяносто пятом году граф Николай Александрович женился на графине Наталье Александровне Суворовой, сам фельдмаршал Александр Васильевич Суворов ездил к графине Елизавете Васильевне Zubовой и обедал несколько раз у неё; Проника за ним всегда стоял, и он спрашивал, что ему есть. Проника позволял всё есть. “Помилуй Бог, что это значит? Вы с ним сговорились, сватьяшка, он мне мало позволяет, а у вас всё позволяет; это правда, что вы по вкусу моему всё сделали”. Однажды просит её к себе на обед: “петух поёт, и павлин хвост распускает”, и малютку с собой привези”. Тут надобно было переводчика: он просит в двенадцать часов к себе на обед в Таврический дворец и чтоб меня взяла, но графиня не взяла, а когда приехала без меня, он увидел что меня нет, тотчас же послал дежурного генерала Хистопова, чтоб он привёз меня, и кушать не сел, но гостей много было; но когда меня привезли, так посадил сзади себя. “Помилуй Бог, я там с большими не увижу тебя”. И Пронике приказал, чтоб меня кормил хорошенько. “Чтоб он не сказал, что был в фельдмаршала и голодный поехал”. Всё назад глядел и спрашивал, сыт ли я, а когда стол кончился, надавал мне фруктов множество и велел Хистопову назад отвезти. “Да смотри мне, осторожно малютку доведи”²⁷. Впрочем, поддерживая особо тесные отношения с семьёй фаворита Суворов не хотел из гордости. Возникали между ними и неко-

торые недоразумения – вроде приёма им Платона Zubова в нижнем белье. Хорошо, что это соревнование более молодой участник не стал продолжать.

Всё изменилось после смерти Екатерины. Суворов подвергся преследованиям – его заставили платить за сожжённые в боях дома на польской земле, причём обрадованные владельцы поднимали цены своих построек раза в три. Подобным преследованиям подверглись и Zubовы – их Павел заставил расплачиваться за победоносный Персидский поход, плоды которого он сознательно отдал врагу. Князь Платон Александрович Zubов обязан был заплатить за “употреблённые ...на литые семидесяти орудий...сверх отпущенных на то денег излишние девяносто две тысячи девятсот один рубль восемь копеек с половиною”²⁸. Эти “восемь с половиной” умилила, но сумма по тем временам была весьма велика. Непосредственный же военачальник граф Валериан Александрович Zubов должен был платить “за палых в Персии лошадей во время командования его тамо войсками”²⁹. Кстати, в ходе этого “взыскания” случился отвратительный эпизод. По высочайшему повелению на имения Zubовых был наложен секвестр, а чиновники курляндского губернского правления имение описали и “жительствовавших в экономии всех служителей и управляющих выптали из дому”. Генерал Zubов “поставил в экономию две роты Софийского полка...постоем в самом замке, отведённом под лазарет”³⁰. В результате раненные и больные оказались на улице.

Суворов и Zubовы очутились собратями по несчастью ещё в одном отношении. Воспользовавшись ситуацией опалы, на Суворова подала жалобу его супруга, требуя себе дом и повышенного содержания, эта история известна; а на графов Zubовых в это же время подал жалобу их родной дядя, брат отца, который сетовал, что его “тридцать восемь лет разоряли и угнетали”³¹ и требовал возмещения за обиды более трёхсот тысяч рублей. Положение семейства становилось катастрофическим. Еще 11 июня 1797 года Николай Александрович Zubов, который, как обычно считают, безмятежно наслаждался “милостями нового Государя”^{31a}, подал прошение об отставке, “удручённый положением впадения в долги дома моего...которые простираются более миллиона рублей”³² “на время” для “поправления разстроенного состояния моего”. В начале 1798 года собрался весь клан – мать и четыре брата, они составили точный реестр своего состояния – и ежегодный доход “всей фамилии”³³ был только около ста двадцати тысяч рублей.

Вероятно именно в этот момент Николай Александрович обратился к тестю с просьбой подсчитать приданое за женой, что положило начало недомолвкам и недоразумениям между ними. Хотя этот вопрос требует еще дальнейшего исследования.

К чести Суворова нужно отметить, что в самый трудный момент для фамилии Зубовых, после возвращения Валериана из Персидского похода, он написал самое тёплое письмо к нему (датированное сентябрём 1797 года): "Голубчик граф Валериан Александрович, здравствуй. Только что услышал от князя Алексея. Я о тебе, мой друг, двойные слёзы лил..."³⁴

Миф пятый: как "Суворочка" относилась к заговору 11 марта.

Угадать с трёх раз нетрудно – ну конечно, по мнению большинства авторов крайне не одобряла, даже поссорилась из-за этого с мужем и уехала от него. Уехала правда оригинально – в имение ещё одного участника заговора князя Платона Александровича Зубова³⁵. Кроме того, если она "некоторое время жила даже врозь с мужем"³⁶, то определить это время крайне сложно – дети у них рождались как часы: в 1801 (Вера), в 1802 (Любовь), в 1803 (Ольга), в 1804 (Валериан). И потом, почему мы подозреваем у "Суворочки" такое пристрастие к императору Павлу? Императрицу Екатерину она искренне почитала, была её доверенной фрейлиной, до конца жизни носила бриллиантовый вензель, пожалованный ей Государыней, с ним она изображена на многих портретах. Но верность императрице не обозначает ещё верности её сыну, поставившему себе похвальную задачу "вышибить" прежний порядок из всех сфер русской жизни. Вступая в разговор, Зубовы исправляли свою роковую ошибку, когда выдали Павлу завещание его матери; надежда, что император изменится к лучшему на троне, не оправдалась. А вот знала или нет о готовящемся заговоре жена старшего брата заговорщиков? Если следовать её традиционным характеристикам "доброй и глупой" особы, то конечно нет, а когда узнала, пришла в праведное негодование и уехала от мужа. Но вот свидетельство совершенно беспристрастное, того же карлика, Якубовского, который о заговоре в своих записках вообще не упоминал, со своего "лягушечьего" кругозора. В канун новогодних праздников 1801 года "мы приехали в Москву благополучно; дети ея (графини Елизаветы Васильевны Зубовой, то есть все заговорщики, Николай, Платон и Валериан - Т.И.) отправились в Санкт-Петербург". В новогоднюю ночь 1801 года у графини Натальи Александровны родилась дочь, Вера. "А графиня Наталья Александровна осталась у нас, потому что была очень тяжела, а когда родила дочку, после 6 недель уехала тоже, а дочь Веру Николаевну оставила у бабушки"³⁷. Надо знать, как относилась к детям Наталья Александровна, чтобы представить, что заставило её бросить новорожденную дочь и за месяц до рокового дня, в середине февраля кинуться в Петербург. Ну ведь не на столичные балы она так торопилась!³⁸ Скорее всего её погнало беспокойство за мужа, а может быть стремление раз-

делять с ним опасность – в случае неудачи заговора ответила бы вся семья. Отсюда совсем иначе выглядит и проживание её в имении князя Платона Зубова в 1803 году. В архиве Пушкинского дома есть письмо князя братьям из Вены, датированное 12-м июня 1803 года. Вот его финал: "И тебе, мой милый друг и брат, граф Николай Александрович, свидетельствую моё почтение. Я, благодаря Богу, здоров и еду к вам, надеюсь, что вскоре увидимся и поговорим подробно обо всём, что случилось. Поклонись от меня графине своей и разцелуй детей. Я навсегда твой друг и брат. Князь Платон Зубов"³⁹. Как видите, никакой ссоры между супругами нет и в помине, а гостила она с детьми в имении князя по очень простой причине, которую назовёт любая мать, – летом на природу детей повезла.

Заключение: "Суворочка"-вдова.

Смерти графов Зубовых носят несколько мистический характер и действительно кажутся следствием того, что "душу свою погубили навеки"⁴⁰. Валериан умер в 1804 году тридцати трёх лет. На следующий год умер Николай, муж "Суворочки", ему сорок один год. Ни в каких документах не называется причина смерти. Это же относится и к последнему заговорщику, князю Платону Александровичу Зубову, скончавшемуся в 1822 году и тоже по неизвестной причине (считается, что из-за огорчения после неудачной женитьбы).

Наталья Александровна устроила своему мужу пышные похороны (описание сложной погребальной церемонии сохранилось в архиве)⁴¹. Похоронили его в Сергиевской пустыни, близ Петербурга в храме, сооружённом в память графа Валериана Александровича Зубова, здесь возникла усыпальница фамилии графов Зубовых. Сколько их поколений похоронено именно там. Там лежит и "Суворочка".

О том, как уважала Наталья Александровна память мужа, можно судить по одной записи.

Лето 1812 года. Изохваченной пожарами Прибалтики пробрался карлик, Якубовский, в Москве никого не застал, семейство графов он нашёл в семейном имении Зубовых, с/е Фетиньино. Но графиня тут же отправила его в Москву "и дала ... письмо к графу Расстопчину, чтоб он ей прислал подорожную чрез Ярославль в Петербург"⁴². Карлик обиделся, что она не оставила его у себя: "И слышать не хочу, я сама еду!" ... Графинюшки чуть не заплакали обо мне, а граф Валериан Николаевич взял меня к себе спать..."⁴³. Несмотря на спешные сборы, графиня старалась сохранить памятные вещи Зубовых. Она составила "Ресстр вещам, хранящимся в сундуке в кладовой села старого Фетиньино 1812 года августа 19-го"⁴⁴ где аккуратно перечислила: "№ 3. Попона с гербом графов Зубовых на палевом кашемире; № 4. Чепрак на пупцовом бархате, шит серебром, старый артиллерийский" (Николай Александрович "в службу вступил

сначала в артиллерию”⁴⁵. А в конце детским почерком младшего внука Суворова записано: “Положена две снаги золотые заслуженные Графа Николая Александровича вся целая нию поломанная с брильянтами вокруг головки и тарелка, а графа Валериана Александровича золотая только без брильянтов одна надписи за храбрость из мелниных брильянтиков, а взят лекарский мнюю инструмент, по приказанию маминки, положены оные две шнаги, а взят лекарский инструмент, а более ничего не взято и нечего (ничего – Т.И.) нетрогано (не трогано – Т.И.), что значится в реестре, маминкою рукою подписаншим и подписуюсь

Граф Валериан Зубов”.⁴⁶

В документах нашлось и подтверждение известной легенды, что, при выезде из Москвы карета дочери Суворова была окружена французами, которые, узнав её имя, не только пропустили карету, но и отдала ей воинские почести. В книге записей расходов есть запись: “сентябрь 2-го издержан дорогой на... до Санкт-Петербурга”⁴⁷. Это день вступления в Москву войск Наполеона.

Денежное положение семейства графини Натальи Александровны Зубовой было в начале не простым. Необходимо было выплачивать долги, разбираться с наследством. А на руках оказались трое мальчиков, которым необходимо дать образование, и трое девочек, которым нужно приданое. Иногда приходилось считать каждую копейку, что Наталья Александровна прореживала с присущим ей педантизмом. С детьми было оговорено и денежное содержание, которое получал каждый из них. В одном из писем старшему сыну мать писала: “Теперь ты получишь, друг мой сердечный, четыре тысячи рублей, что с первого декабря по первое марта, получить тебе девять тысяч с первого марта по первое июня сего года...”⁴⁸. Старалась она приучить сыновей и к ведению хозяйства, в том же письме она давала Александру Николаевичу поручение “получить деньги” с купца 2-й гильдии Плешакова за поставку трех тысяч пудов поташа “с наших казанских заводов”⁴⁹ - дела несколько непривычные для графини. Зато экономия дала результат: в своём завещании она могла дать “дворовым людям, как при мне находящимся, так и в селе Хорошеве... всем... отпускные вечно на волю и денежного награждения раздать...” и при этом завещала детям “капитал по билетам сохранной казны, состоящий из четырёхсот тысяч рублей ассигнациями с процентами”⁵⁰. Приблизительно столько же оставил долгов после смерти граф Валериан Александрович Зубов.

1 Автор статьи спрятался (может быть, неспроста) под инициалами П.П. По словарию Масанова удалось выяснить, что это – Пётр Петрович Каратыгин, известный беллетрист, сын актёра и драматурга П.А. Каратыгина, неоднократно писавший о Зубовых. Позже этот отрывок в пересказе вошёл в состав статьи К. Кудряшева “Зубов, Платон Александрович, светлейший князь...” в Русском Биографическом Словаре.

См.: том “Жабокритский-Зяловский”. Пг., 1916. С. 544. В библиографии РБС статьи Каратыгина приписана Гельбиг (?), см. там же, с.545. 2 Это прежде всего главы “Суворова и его дочь” и “В Петербурге и Тульчине. 1796” монографии А.Ф. Петрушевского “Генералиссимус князь Суворов” (СПб., 1884. т.1-3. т. 2. С. 203-267); и статья Евгения Шумигогорского “Суворова” в “Историческом вестнике” (1900. Т. 80. Май. С.530-549). Сюда можно добавить примечание В. Алексеева “Наталья Александровна Суворова” в кн.: Письма и бумаги Суворова. Т.1. Письма 1764-1781 гг. Пг., 1916. С. 336-341.

3 Послероловционные статьи, в основном, носили популярный характер и публиковались в газетах и массовых журналах. (См., например “Ротонда на монастырском погосте” Александра Шамара // Наука и религия. 1993. № 6. С. 60-62, 4 стр. обложка и др.)

4 Статья О.Б. Барченковой. “Афанасий и Наталья Зубовы (1-я треть XIX в.) // Государственный Владимир-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Материалы и исследования. Владимир, 1997. С. 60-62; Софронов Н. Дочь Суворова. Очерк (Без выходных данных).

5 В письмах Суворов называл имена многих: молодой Дмитрий Николаевич Салтыков (сын Николая Ивановича Салтыкова), князь С.Н. Долгоруков, царевич Мариам Грузинский, князь А.С. Трубецкой, князь Шербаков (интересно, что именно, возможно это был Павел Петрович Шербаков, дочь которого позже вышла замуж за старшего сына “Суворова” - Т.И.), молодой граф Филипп Ельмшт.

6 Наталья Александровна отвечала, что “она без отпирания исполнит волю отца купно с волею Императрицы” (А.Ф. Петрушевский. Т. 2. С. 221).

7 В них подлинности сомневался А.Ф. Петрушевский (см. его монографию, т.2. С.225-226). “Существует стих, которые Суворов будто бы написал дочери, уговаривая ее не противиться его воле и ответные строфы дочери, оправдывающей себя недостатком привязанности к жениху (Пересказ неточен – Т.И.) Стихи эти здесь не приводятся, так как подлинность их весьма сомнительна... в этих... стихах видна совсем не она”. Причем Петрушевский как-то странно моделировал ситуацию – напротив, схема событий в письмах идеально подходила к рассказу: Ельмшт – Николай Зубов, Ельмшт – жених, предлагаемый отцом и отвергнутый дочерью, которому уже послан был отказ, и Николай Зубов – новый жених, в склонности к которому она косвенно признавалась. Шумигогорский напротив, был уверен, что письма и стихи действительно принадлежали полководцу и его дочери, ссылаясь на очень простой довод – они были впервые опубликованы при жизни Натальи Александровны (1806) и она не опровергла их истинности. От себя могу добавить, что Н.А. внимательно следила за тем, что писали про ее отца (см. письмо № 942. Ол. П. № 550) и не зная о публикации писем не могла.

8 В послужном списке графа Николая Зубова сказано: “После одержанной победы при Каушанах 1789 года сентября 13 прислан будучи с донесением произведен полковником, 1789 сент. 25”. Взятие Каушан произошло вскоре после сражения при Рыбинске. См.: “Почти без боя (ибо Фоканская и Рыбинская битвы были поражены), русские очистили все пространство землей до Дуная, заняли Каушане, Каушань, Паланца, Ахерман (Полвеи Н. История Суворова. СПб., 1858, с. 152).

9 Это письмо не вошло в последнее издание писем в ЛП. Оно известно по публикации в журнале “Русский архив” 1866.С. 951. Любопытно, что А. Петрушевский, сомневавшийся в подлинности напечатанных здесь же стихотворных посланий, которыми Суворов обменялся с дочерью см. сноска 7, в истинности данного письма не сомневался. Ср. “Н. Зубов...иес службу добросовестно и усердно. Суворову приходилось с ним переписываться; одно письмо делового характера, писанное из-под Киурбуна в 1788 году, в этом свидетельствует” (А.Ф. Петрушевский. Т. 2. С. 227).

10 Вторая песня “Параша и Саша” [на Мамонова] // Дневник Храповицкого. 1782-1793. СПб., 1874. С. 353.

11 Цит. по: Екатерина II в переписке с Гриммом. Статья вторая академика Я.Г. Грота. СПб., 1881. С. 254.

12 Головкин Ф.Г., граф. Характеристика Суворова // Исторический вестник. 1900. Т.20. Май (5). С.525-529.

13 Расширенная цитата из письма: “Я спросила графиню, отчего она сама не пишет к своей матери, имея возможность утешить этим не счастливо и доказать свое доброе сердце, которое ее хвалит. Она мне отвечала: - Разве она очень нездорова и жалка? Брат мой пишет к ней каждую почтой, могу вас в этом заверить, потому что я отправляю его письма; но мне невозможно ей писать, это совершенно другое дело, есть обстоятельства, которые не позволяют мне это делать (выделено

мную – Т.И.). *Зная ее добрую душу и уверена, что она это делает только по глупости*. (Голыцына Анна Александровна. Письма (1796 г.) // Исторический вестник. 1887. Т. 30. Октябрь. С. 82-109).

Стоит отметить, что точно приведенные слова И.А. Александровны отнюдь не говорят о её глупости – она достаточно корректно пресекает попытки Голыцкой вмешаться в ее отношения с родителями – прямо не называя запрет отца, даёт это ясно понять. Скорее в глупости можно заподозрить её собеседницу, которая не постигает смысла её слов.

14. Особенно ярко характеризует книгу про происшествие с графом П.П. Шереметевым. Они встретились в театре, и она так описала эту встречу: *“Присутствовало 300 человек зрителей. Был граф Шереметев. Вы не можете представить, мой дорогой князь, какая разница графа Шереметева в Москве или здесь, воображаете, что опера продолжалась четыре часа и граф стоял в дверях при входе в партер, его бесстрастно толкали проходящие, а молодые люди и не думали уступить ему местечка; точно не скажете, что это тот же Шереметев. Недавно у посланника я не находила стула. Шереметев постеснялся достать и присел сам; он здесь так неужелюбен, что непонятно, отчего Петербурге он предпочитает Москву*. Книга эта не может постигнуть, что граф, театр и ценитель искусства, приехал в театр не показать себя, а посмотреть спектакль.

15. Русские избранники и случайные люди, составил Георг фон Гельбинг, секретарь саксонского посольства при дворе Екатерины. 1787-1796. Перевод с немецкого и примечания В.Б. Тьюбинген, 1809. Посланик отписался ко окружению русской императрицы крайне негативно. “Это истый враг русского имени и меня лично”, – писала про него Екатерина Гримму. – говорит и пишет о моём царствовании всё дурное, что только можно себе представить...помогите мне отделаться от этой особы, столь ненавидящей меня” (Сборник русского исторического общества. XXIII. С. 674; Русская старина. 1886. Апрель. С. 4-5).

16. К.К. [очевидно, К. Кудряшев] Zubov, граф Николай Александрович, обер-шталмейстер...// Русский Биографический Словарь. См.: том “Жабокритский-Зяловский”. Пг., 1916. С. 524. При хлесткой форме, определение довольно бессмысленно.

17. “Зубов, отличавшийся по отзывам современников, грубостью нрава и наклоностью к пьянству” // Великий князь Николай Михайлович “Русский портрет 18-19 века”. Ч.1. № 116. “...грубый...и, к довершению всего, алкоголик” // Примечание В. Алексеева “Наталья Александровна Суворова” в кн.: Письма и бумаги Суворова. Т.1. Письма 1764-1781 гг. Пг., 1916. С. 339.

18. Карлик фаворита. История жизни Ивана Андреевича Якубовского, карлика Светлейшего князя Платона Александровича Зубова, писанная им самим.

С предисловием и примечаниями графа В.П. Зубова и послесловием Дитриха Герхардта. Мьльнхен, 1968. С.33.

19. В той же книге Якубовский рассказал историю о том, как старая графиня Зубова нашла в своем имени подметное письмо, где ей угрожали убийством крепостные люди. Она вызвала сына – приехал граф П.Николай Александрович и привел всех “людей” к присяге. Дальнейший розыск показал, что подметное письмо подбросил управлющий – посторонний человек видел, “как рано утром привез письмо и положил в беседу”. Хотел нагнать графиню, чтобы уехала, а “ему было легко воровать”. Управляющего прогнали.

20. См.: “Объезжуя описанную здесь сумму с каждого из нас: как платёж долгов покойного брата нашего, так и на содержание вдовствующей невестки доставлять к брату НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ, представляю ему первую суммою расписывать долги, получать в сих случаях заёмные покойного брата обязательства и выручать залоги, им данные...новые долги (вновь обноруженные – Т.И.) удовлетворить теми выпущенными из ломбарда вещами, продажей их и как угодно будет графу Николаю Александровичу...” // РГИА. Ф. 942. Оп. 1. № 25а. Л. 18 об. (Семейный фонд графов Зубовых. Дело о семейных разделах имений графов Зубовых).

21. В жалобе на графов Зубовых, о которой речь будет в дальнейшем, их дядя, Василий Николаевич Зубов упоминал о подобном “происшествии с Аппенгоуном”, которому налёг обиду отец графов, а его брат, Александр Николаевич Зубов // ИРЛИ. Ф. 265. Оп.2. № 1096. Л.3.

22. “Муж не доставил ей счастья” // Великий князь Николай Михайлович “Русский портрет 18-19 века”. Ч.1. № 117 и пр.

23. См.: А.Ф. Петрушевский “Генерал-симус князь Суворов” СПб., 1884. т. 2. С. 1, т. л.

24. Карлик фаворита. История жизни Ивана Андреевича Якубовского, карлика Светлейшего князя Платона Александровича Зубова, писанная им самим.

С предисловием и примечаниями графа В.П. Зубова и послесловием Дитриха Герхардта. Мьльнхен, 1968. С.84.

25. Там же. С. 85.

25а. Наказательно в этом отношении письмо графини Натальи Александровны сыну от 6 марта 1824 года. “Дядя Дмитрий Александрович сообщил мне о кончине княжны Зубовой...ему хочется разобрать...бумаги, дабы злоупотребления какого не вышло...как мы все будем вместе, мои дети, то тогда и посуетемся, кому дабы [доверенность на ведение дел – Т.И.] лучше, я рассудила теперь не давать, а вас дожидаться...обо всем и переговоримся, как приступить к делам” (РГИА. Ф. 942. Оп. 1. № 549. Л.5 об.)

26. Мир музон. 1993. №. С. 54-55.

+ Речь идет о знаменитых механических часах, которые в то время находились в Таврическом дворце (впоследствии – в Эрмитаже).

27. Карлик фаворита... С. 40.

28. РГИА. Ф. 1374. Оп.1. № 150. Л. 2. (Переписка по поводу выяснения фальшивости князя Зубова и о взятии в секвестр имения за произведённые им и генерал-от-инфантерии графом Зубовым перекрестные казённые сумм).

29. РГИА. Ф. 1374. Оп.1. № 150. Л. 5.

30. РГИА. Ф. 1374. Оп.1. № 150. Л. 6.

31. См. ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 1096. Л.2 об.

31а. См.: Алексеев В. “Наталья Александровна Суворова” // Письма и бумаги Суворова. Т.1. Письма 1764-1781 гг. Пг., 1916. С. 339.

32. РГИА. Ф. 468. Оп. 43. № 504. Л.97.

33. РГИА. Ф. 942. Оп. 1. № 24 б. л. 14. “Сумма доходная всей фамилии 127. 860 рублей”. (Раздельный акт Николая, Дмитрия и Валерия Александровичей [Зубовых] и Елизаветы Васильевны Зубовых на недвижимую собственность в Рязанской, Саратовской, Тверской и других губерниях. 27 января 1758 года – в датировке ошибка, нужно 1798 года).

34. См.: Суворов А.В. Письма. М., 1986. С. 322.

35. “По крайней мере, в 1803 году Наталья Александровна жила одна в имении князя Платона Зубова...” // Алексеев В. “Наталья Александровна Суворова” в кн.: Письма и бумаги Суворова. Т.1. Письма 1764-1781 гг. Пг., 1916. С. 340, и др.

36. См.: Суворова – графиня Зубова Наталья Александровна. По книге великого князя Николая Михайловича “Русский портрет 18-19 века”. Ч.1. № 117 или “Размолва графини с мужем продолжалась, по-видимому, ни один год...” // Алексеев В. “Наталья Александровна Суворова” в кн.: Письма и бумаги Суворова. Т.1. Письма 1764-1781 гг. Пг., 1916. С.340.

37. Карлик фаворита. История жизни Ивана Андреевича Якубовского, карлика Светлейшего князя Платона Александровича Зубова, писанная им самим.

С предисловием и примечаниями графа В.П. Зубова и послесловием Дитриха Герхардта. Мьльнхен, 1968. С.81.

38. Существует упоминание, что 13 января Наталья Александровна представлялась императрице. Эта дата выглядит совсем фантастической (дочь родилась меньше двух недель назад) и вероятно должна быть скорректирована на месяц.

39. ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 2123. Л. 32.

40. Строчка из письма Алексея Григорьевича Орлова Екатерине II, в котором он рассказывал о смерти Петра III.

41. Кorteж печальной процессии при выносе тела обер-шталмейстера графа Зубова 1805 года августа 13 числа // РГИА. Ф. 942. Оп.1. № 7. Л. 5-8.

42. Карлик фаворита. История жизни Ивана Андреевича Якубовского, карлика Светлейшего князя Платона Александровича Зубова, писанная им самим.

С предисловием и примечаниями графа В.П. Зубова и послесловием Дитриха Герхардта. Мьльнхен, 1968. С.107.

43. Там же.

44. РГИА. Ф. 942. Оп. 1. № 25а. Л.19-23.

45. См.: Формулярный список графа Н.А. Зубова (РГИА. Ф. 942. Оп.1. № 7. Л.1 об.)

46. РГИА. Ф. 942. Оп. 1. № 25а. Лл. 22-22 об.

47. РГИА. Ф. 942. Оп. 1. № 201. Л. 20 об.

48. РГИА. Ф. 942. Оп. 1. № 549. Л. 2

49. РГИА. Ф. 942. Оп. 1. № 549. Л. 3.

50. РГИА. Ф. 942. Оп. 1. № 43. Л. 1.

Обстоятельства гибели Аркадия Суворова – сына полководца.

До настоящего времени, по вопросу обстоятельств гибели сына генералиссимуса, генерал-лейтенанта Аркадия Александровича князя Итальянского графа Суворова-Рымнического, нет единого мнения, что объясняется значительными расхождениями фактологии данного события в источниках и историографии.

Наиболее достоверными источниками в нашем случае возможно считать свидетельства очевидцев. По рассматриваемому вопросу существуют несколько подобных материалов. В первую очередь, необходимо упомянуть официальные документы, из которых в Архиве Кишиневского губернского правления было составлено «Дело о смерти генерал-лейтенанта графа Суворова-Рымнического и об описании имения (имущества – А.Б.) его, тут же и о перевезении тела его Московской губернии в Вознесенский монастырь», находившееся в разряде «Дел господ сенаторов и председательствовавших в диванах Молдавии и Валахии во время занятия их Русскою армиею в Турецкую войну 1808 – 1811 г^г». Частично документы этого дела были опубликованы Л.С.Мациевичем в «Историческом вестнике»².

Настоящее «Дело» включало донесение капитана города Рымник Парапаша Чауша (от 14 апреля 1811 года³), уведомление (от 15 апреля 1811 года) и рапорт (от 17 апреля 1811 года) рымникского исправника Дм. Николеско о гибели сына Александра Васильевича Суворова. Указанные документы были составлены на молдавском языке и переведены на русский язык в конце 1870-х гг. Священником о.Емельяном (Галецким), преподавателем Кишиневской духовной семинарии.

Данные послания были адресованы сенатору, тайному советнику Василию Ивановичу Красномилашевичу, который в то время был председателем в диванах Молдавии и Валахии. Согласно свидетельствам П. Чауша и Дм. Николеско, после продолжавшихся длительное время сильных дождей, р. Рымник значительно разлилась. Аркадий Суворов подъехал к реке в дорожной молдавской повозке. Через Рымник, специально выставленные сигнальщики предупреждали генерала, как и иных путешественников, о необходимости переждать разлив реки. Перед экипажем Суворова, через р. Рымник пытались перебраться маркитанты на телеге. Последняя перевернулась близ берега.

Незвизрая на предупреждения сигнальщиков и печальный пример маркитантов, генерал Суворов попытался форсировать реку. В числе лиц, нахо-

дившихся вместе с Аркадием Александровичем, Чауш и Николеско упоминают кучера, гусара, солдата, генерала Удома и малолетнего турчока (находившегося в услужении у А.А.Суворова). Экипаж стал заваливаться на бок, генерал Удом успел выскочить из него и был вынесен течением на песчаную отмель. Аркадий Суворов выбрался из повозки, но его подмяли под себя лошади, и он утонул, тело позже было обнаружено. Тела турчонка найдено не было.

Иное свидетельство очевидца гибели генерал-лейтенанта Суворова принадлежит Петру Петровичу Чайковскому и опубликовано зятем последнего, генералом П.К.Карцовым в мемуарах «О прошлом»⁴. Чайковский⁵ в 1811 году был юнкером и служил в IX-й пехотной дивизии⁶, которой командовал А.А.Суворов. 13 апреля Петр Петрович состоял при Суворове ординарцем и ехал позади коляски князя, «на перекладной», вместе с писарем. День был дождливым, накануне прошел ливень с грозой, река (которую за несколько дней до этого возможно было переходить в брод⁷) сильно разлилась. Верх коляски Суворова был поднят, фартук застегнут. Чайковский упоминает, что Аркадий Александрович предлагал переждать разлив, но после заверений кучера о том, что тот «знает здесь каждый камешек», приказал: «Трогай, но осторожно». Наблюдая с берега за коляской генерала Суворова, юнкер увидел, что кучер неожиданно вскочил на козлы и начал погонять четверку лошадей кнутом. Запряжка рванула коляску вперед и, внезапно, экипаж пошатнулся, завалился набок и перевернулся верх колесами. По мнению Чайковского, будь верх коляски опущен, хорошо плававший Аркадий Суворов успел бы спастись.

Кроме свидетельств очевидцев гибели А.А.Суворова существуют несколько версий этого события, изложенных теми лицами, которые, не являясь непосредственными свидетелями гибели князя Итальянского, имели отношение к последствиям этого печального факта и, вероятно, общались с его очевидцами. К этим версиям следует отнести данные М.С.Воронцова и Мартоса.

Немаловажное дополнение к обстоятельствам гибели генерал-лейтенанта Суворова мы находим в письме Н.М.Лонгинова из Санкт-Петербурга от 2 мая 1811 года. В этом документе, Лонгинов, ссылается на письмо графа Михаила Семеновича Воронцова (от 19 апреля того же года)⁸ к Марии Алексеевне Нарышкиной, теще А.А.Суворова. Это письмо М.А.Нарышкина позволила прочитать

Лонгинову. Из указанного письма следовало, что осенью 1810 года Суворов шел со своей дивизией на соединение с армией за Дунай. Будучи заядлым охотником, генерал не изменял своей страсти и во время походов. На сей раз он сломал руку, охотясь на берегу р. Дунай. Воронцов указывал, что доктор Роджерсон полагал: в момент гибели у Суворова вновь переломилась не успевшая хорошо срастись рука и "от бездействия оной... и от боли не мог себя спасти"⁹.

По самим обстоятельствам гибели князя, Н.М.Лонгинов, ссылаясь на то же письмо М.С.Воронцова, указывает следующее. Переправляясь через Рымник, А.А.Суворов послал вперед верховых казаков и одну молдавскую "каруцу" (повозку – А.Б.), которые с трудностями, но все же благополучно, осуществили переправу. Коляска самого Суворова, последовавшая за ранее переправившимися, перевернулась из-за мгновенно усилившегося течения. Аркадий Александрович погиб, а два его адъютанта и генерал Удом спаслись.

Мартос отмечает в своих записках о Турецкой войне¹⁰ 1806 – 1812 годов, что Суворов отправился в Яссы и утонул в 135 верстах от Бухареста. По версии этого автора, тело князя Итальянского было найдено на следующее утро после гибели, полузанесенное песком и илом (вероятно, что к тому времени уровень воды в Рымнике понизился). Генерал Удом, находившийся в коляске рядом с Аркадием Александровичем, был выброшен течением на мель и вывезен с нее "верховыми обывателями". Любимый гусар Суворова пытался спасти своего командира, ухватил его за ногу, но лишь стащил с нее сапог. Турчонок утонул. Мартос приводит стихи на гибель А. А. Суворова:

"Где Славой Русский Марс – Суворов увенчался
И где она клялась ему предтечей быть
Там сын его безвременю скончался,
Горевши рвением отечеству служить".

Сразу же после гибели генерал-лейтенанта Суворова, Мартос (бывший инженерным офицером) получает предписание освидетельствовать днестровские переправы у Могилева и под Бендерами, после чего, 23 апреля 1811 года "был на гробе князя в Рымнике". Представляется интересным тот факт, что Мартос лично знал князя и, невзирая на различие в чинах, считался его другом.

Легендарное мнение о том, что А.А.Суворов утонул, пытаясь спасти своего кучера, по сей день бытующее в историографии,¹¹ впервые было высказано Е.Б.Фуком¹², оно не подтверждается иными исследователями и может быть отнесено к числу недостоверных.

В результате сличения всех версий гибели Аркадия Александровича Суворова возможно, с изве-

стной долей погрешностей, сделать следующие выводы по реконструкции обстоятельств данного события. Наиболее достоверными представляются официальные бумаги. Сообщение Чайковского, сделанное значительно позже гибели Суворова, может грешить неточностями и содержать откровенные измышления, тем более, что этот рассказ никогда не был записан бывшим юнкером, а был передан зятю в устной форме. Диалог Суворова и кучера вызывает сомнение, т.к. расходитсся с данными официальных источников о том, что последний кричал "как же не ехать, когда нас бьют". Сообщение М.С.Воронцова о благополучной переправе казаков и молдавской каруцы также внушает обоснованное недоверие – в официальных документах ни слова не упомянуто о казаках и имеются сведения о неудачной переправе маркитантов.

Обстоятельства гибели сына генералиссимуса на наш взгляд таковы. Не взирая на предупреждения сигнальщиков и печальный пример маркитантов, А.А.Суворов приказал кучеру переправляться. Экипаж перевернулся, но, не смотря на его поднятый и застегнутый верх, Аркадию Александровичу удалось покинуть повозку, после чего князь Итальянский был поднят лошадьми. Вероятно, в эти мгновения рука Суворова вновь сломалась – он погиб. Спутник и подчиненный Суворова, шеф 38-го егерского полка генерал-майор Евстафий Евстафьевич Удом¹³, был выброшен течением на песчаную отмель и был спасен обывателями. Тот факт, что тело турчонка так и не было найдено, позволяет утверждать, что все лица, которые находились в экипаже, успели его покинуть.

Следует отметить и некоторые мероприятия, связанные с процедурой погребения Аркадия Александровича Суворова, описи его имущества и переноса тела в Москву. 19 апреля 1811 года генерал от инфантерии М.И.Голенищев-Кутузов, командовавший армией, в составе которой находилась дивизия князя Итальянского, повелевает ясскому коменданту подполковнику Выходцевскому¹⁴ описать имущество Суворова, находившееся в Яссах¹⁵. Об исполнении данного повеления сенатор В.И.Красно-Милашевич уведомил Кутузова 25 мая 1811 года. Опись вещей Аркадия Александровича позволяет развеять миф о слабом образовании князя – в его вещах указаны 25 книг на различных языках, разнообразных по тематике, охватывающих круг вопросов от фортификации до поэзии.

Кутузов назначил начальствовать IX-й дивизией генерал-майора Сергея Алексеевича Ермолова¹⁶.

11 августа 1811 года министр полиции Балашов уведомил Красно-Милашевича о соизволении императора Александра I перевести прах А.А.Суворова из монастыря в Рымнике в Ставропигиальный

Воскресенский монастырь Московской губернии, иначе именуемый "Новый Иерусалим". После получения данного уведомления, сенатор отправляет отношение к экзарху Молдавии и Валахии митрополиту Гавриилу, с просьбой выдать соответствующее разрешение на вывоз тела князя Итальянского и сопровождения его до российской границы. Митрополит, к этому времени уже уведомленный обер-прокурором Синода князем А.М.Голицыным о распоряжении Государя, до запроса Красно-Милашевича отдал соответствующие распоряжения епархиальному преосвященному Констанцию.

Далее сенатор имел переписку с диваном Молдавским и генерал-майором Ив. Ив. Штеттером¹⁷. Последним документом, подписанным В.И.Красно-Милашевичем по вопросу перевозки праха генерал-лейтенанта Суворова в Россию, является открытый лист, выданный 22 ноября 1811 года отставному прапорщику Бенжами-Елису, определенному для сопровождения гроба с телом князя Итальянского. Из вышеизложенного следует, что до окончания 1811 года тело А.А.Суворова было вывезено в Россию. В январе 1812 года, по мнению Л.С.Мацевича, прах Аркадия Александровича был доставлен в Москву. Последнее мнение представляется спорным, поскольку нет иных свидетельств о пребывании гроба Суворова в указанном городе.

Адресуя военному министру Российской империи М.Б.Барклай-де-Толли свои соображения, по вопросу выплаты полкам IX-й дивизии личных долгов А.А.Суворова, Михаил Илларионович Кутузов писал: "По смерти покойного деньги сии могли полки возвратить через продажу обыкновенным порядком экипажа его, но почтение и преданность всей дивизии их от того удержали, причем граф Михайло Семенович Воронцов успокоил их тем, что родственники князя, конечно, не умедлят деньги сии возвратить". Остается неясным, тот ли это злополучный экипаж, опрокинувшийся в водах Рымника, или речь идет об ином.

Гибель Аркадия Александровича Суворова вызвала широкий резонанс в российском обществе. О его смерти, как и о кончине графа Н.М.Каменского, писали, к примеру, С.С.Уваров,¹⁸ М.И.Кутузов,¹⁹ М.С.Воронцов.

В заключение имеет смысл привести мнения современников А.А.Суворова о нем и его нелепой смерти. Мартос оценивал князя следующим образом: "Провидение назначило кончить жизнь сыну героя, подававшему большие надежды достигнуть знаний отца в военном искусстве. Он был истинно добродетельный и храбрый человек, любим своими подчиненными до страсти. Величайшая его наружность была одушевлена открытостью сердца и приятностью лица"²⁰.

Н.М.Лонгинов считал: "Солдаты лишились отца и друга, коего они обожали, и целая армия потеряла одного из лучших воинов, который уже приобрел себе довольно знаменитое имя, служил примером храбрости и охоты к военной службе... Он соединял все душевные качества, чтобы быть великим человеком; но не доставало в нем нужных познаний, что приписать можно нерадению о его воспитании. Как частный человек он никому зла не сделал кроме самого себя, и слишком великая доброта души и благородство мыслей, даже в обращении с людьми, кои и того и другого были чужды, были причиною расстройки его состояния... О потере его все вообще сожалеют; а для войска потеря столь драгоценного имени отменно чувствительна"²¹.

М.И.Голенцев-Кутузов в письме к супруге от 15 апреля 1811 года так оценил А.А.Суворова: "Был добрый человек и здесь всеми любим"²².

1 Связка 76-я, № 2679.

2 См.: Мацевич Л. С. Сын Суворова // Исторический вестник. Т.1. 1880.

3 Все даты указываются по старому стилю.

4 См.: Карцов П. К. О прошлом. Ч.1. – СПб., 1880. – С.415-416.

5 Чайковский П. П. (1795-1878) – дивизионный адъютант, участник сражения при Фершампенуазе (1814), командир Шлиссельбургского егерского полка (1828), командант Севастополя (1830), 11 лет был командантом и управляющим минеральными водами в Пятигорске.

6 В состав дивизии входили Апшеронский, Нашебургский, Рязский и Якутский пехотные полки, 10-й и 38-й егерские полки, 17-я артиллерийская рота Кривцова.

7 Вероятно, П. П. Чайковский сопровождал А. А. Суворова несколькими днями ранее в ставку командующего армией – графа Николая Михайловича Каменского, т.к. именно возвращаясь от последнего и погиб князь Итальянский.

Каменский Н. М. (1778-1811) – сын фельдмаршала М. Ф. Каменского, генерал от инфантерии, главнокомандующий русскими войсками в Турецкой войне, был сменен М. И. Кутузовым (по болезни). Ранее был участником походов российских войск под предводительством А. В. Суворова в Италию и Швейцарию (1799), с этого времени и до смерти был шефом Архангелогородского мушкетерского (затем пехотного) полка. Умер в Одессе 4 мая (см.: Русский биографический словарь/ под ред. А. А. Половцева. Т. "Ибак - Ключарев". – СПб., 1897. – С.423).

8 Отправлено из мест. Ярышево в 15 км от Могилаев на Днестре. Как ближайший родственник покойного, М. С. Воронцов, по получении известия о гибели А. А. Суворова, незамедлительно отправился в Ясыя "для нужных распоряжений, как в рассуждении тела покойного, так и его дел" (Письмо Н. М. Лонгинова С. Р. Воронцову // Архив кн. Воронцова. Кн.23. – М., 1882).

9 Письмо Н. М. Лонгинова С. Р. Воронцову // Архив кн. Воронцова. Кн.23. – М., 1882.

10 Записки инженерного офицера Мартоса о Турецкой войне в царствование Александра Павловича (1806 - 1812)? // Русский архив. 1893. № 7. Ч.2.

11 См. например: Дуров В. Везде! Суворову Александру Васильевичу... (Боевые награды русского полководца) // Родина. 2000. № 4. – С.60.

12 Фукс Е. Б. Анекдоты князя Итальянского, графа Суворова-Рымникоского. – 2-е изд. – СПб., 1900.

13 Е. Е. Удом был шефом указанного полка с 19 октября 1810 года (ранее командовал Галицким мушкетерским полком), произведен в генерал-майоры 28 февраля 1811 года (см.: Подмазо А. А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796 - 1815): Справочное пособие. – М., 1997. – С.23, 89). При Павле I Удом был отставлен от службы и только благодаря команданту Камен-

нец-Подольска генералу Е. Ф. Комаровскому был определен в 1800 году полицеймейстером вышеуказанного города (см.: Записки графа Е. Ф. Комаровского. – М., 1990).

14 Петр Прокофьевич Выходцевский 16 мая 1811 года был назначен командиром Архангелогородского пехотного полка, а 29 декабря того же года стал полковником (см.: Подмазо А. А. Указ. соч. – С.65).

15 Здесь и далее, сведения об описании имущества, долгах князя Итальянского и о перевозе в Россию его тела приводятся по: Машиневич Л. С. Указ. соч.

16 С. А. Ермолов был шефом Нашебургского мушкетерского (затем пехотного) полка с 24 декабря 1800 по 26 апреля 1812 гг (см.: Подмазо А. А. Указ. соч. – С.70).

17 Возможно здесь имеется в виду генерал-майор Иван Иванович Штедер, бывший до 1 июля 1812 года шефом 14-го егерского полка (см.: Подмазо А. А. Указ. соч. – С.93).

18 Письмо С. С. Уварова Жуковскому// Русский архив. 1871.

19 Кутузов М. И. Сборник документов. Т.IV. – М., 1952.

20 Записки инженерного офицера Мартоса.

21 Письмо И. М. Лонгинова С. Р. Воронцову.

22 Кутузов М. И. Сборник документов. Т.IV.

Автор выражает искреннюю признательность старшему научному сотруднику Государственного мемориального музея А.В.Суворова (Санкт-Петербург) Борису Васильевичу Галенко за помощь в работе над статьей.

Галенко Б.В.

Государственный мемориальный музей А.В.Суворова.

Статус генералиссимуса в России.

Традиционно считается, что “генералиссимус” (лат. - самый главный, папглавнейший) - высшее военное звание, которое первоначально в виде почетного титула присваивалось главнокомандующему вооруженными силами страны или коалиции стран, чаще только на период войны (лицам из семей царствующих династий, полководцам и государственным деятелям). Различные справочники в основном единодушны в подобной трактовке этого термина.

Звание генералиссимуса в России вполне соответствовало европейским реалиям. Еще князя В.В.Голицына, фаворита царевны-правительницы Софьи Алексеевны и неудачливого главнокомандующего русскими войсками в Крымских походах 1687 и 1689 гг., современники-иностранцы называли “генералиссимусом”.

В четырех походах “потешных войск” 1691-1694 гг. “генералиссимусом” именовался пользовавшийся неограниченным доверием молодого царя Петра главнокомандующий потешным войском князь Ф.Ю.Ромодановский.

Осенью 1694 г. в районе московского предместья Кожухово царь Петр Алексеевич устроил “большие маневры”, ставшие переходом от “потешных” военных игр к серьезной боевой подготовке. По плану, составленному генералом П.Гордоном, войска были разделены на два отряда, командующими которыми, по условиям военной игры, назывались “генералиссимусами”. Атакующим отрядом, в основном состоящим из поместной конницы и четырех полков “нового строя”, где в рядах преображенцев находился и сам царь под именем бомбардира Петра Алексея, командовал “генералиссимус” князь-кесарь Ф.Ю.Ромодановский. Силы противника составляли, главным образом, стрелецкие полки под командованием второго “генералиссимуса и польского короля” И.И.Бутурлина, оборонявшие земляное укрепление, обнесенное рвом и валом. Победу одержали полки “нового строя”.

Вдохновленный успешными кожуховскими маневрами, Петр с главными силами русской армии выступил в поход к турецкой крепости Азов весной 1695 г. Однако без морской блокады крепость взять не удалось. Через год Азов был взят русской армией под командованием боярина А.С.Шейна и, блокировавшей его с моря, галерной флотилией С.Лефорта.

Распространено мнение, что за этот победный поход Шейн был пожалован генералиссимусом. Вероятнее всего, он был назван генералиссимусом как главнокомандующий воевода. Этот же взгляд на “генералиссимуса или полного воеводу” изложен в составленном для Петра I в 1698 г. докладе генерала А.Вейде, названного позднее “Воинским уставом”: “...он повелевает все войско, держит первоначально доброй указ: порядок и наказание... Он есть всегда на коне, и повелевает на бою, тамо, где он свою особу потребнейшу быти мнит; однакож поступает он опасно, чтоб ему нелегко бой неприятелю дать или крепость осадить, буде он сперва лутчих своих начальников позволения на то не получил. В походе он то назад, то наперед войска и примечает на все, чтоб все исправно и порядочно шло...”. Ссылка на “лутчих своих начальников” указывает на зависимое положение главнокомандующего по отношению к верховной власти, что было характерно и для европейских генералиссимусов. Здесь нет и речи об исключительности этого пожалования за какие-либо выдающиеся заслуги.

Фактически в этом качестве стал существовать, вошедший в употребление с 1699 г. чин фельдмаршала.

В 1716 г. был издан новый “Воинский устав”, разработанный под руководством и непосредственным участием Петра I. В нем в первый и единственный раз формально узаконен статус генералиссимуса: “Сей чин королеванным главам и великим владеющим принцам только надлежит, а наипаче тому, чье есть войско. В небытии же сво-

ем оный команду сдает над всем войском своему генералу-фельдмаршалу". О последнем далее сказано: "Генерал фельтмаршал или аншефт, есть командующий главный генерал в войске". Эта формулировка вероятно и породила взгляд на генералиссимуса, как на высшее воинское звание. Петр в данном случае понимал "чин" как должностное состояние, титул коронованного главнокомандующего: "Дабы всякой чин знал свою должность и обязан был своим званием".

Понимание чина как служебного ранга стало складываться с появлением в 1722 году законодательного акта под названием "Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каком классе чины", бывшем первоначально ранжированной табелью должностей и званий. В "Табель о рангах" титул генералиссимуса не вошел.

Если следовать букве Воинского устава 1716 года, то генералиссимусом должен был быть член царствующей фамилии (последний престола, муж цесаревны) или сам Петр, который за последующие девять лет царствования никому не даровал "сей чин".

Итак, мы видели, что первые генералиссимусы, "потешные", Ромодановский и Бутурлин и "действительный" Шенин, были главнокомандующими воеводами. Это характерная для начальных преобразований Петра попытка связи привычных понятий с европейскими. Зато последующие генералиссимусы вполне отвечали положению нового устава о "великих владеющих принципах".

Первым таким генералиссимусом стал Александр Данилович Меншиков. Любимый сподвижник Петра, талантливый государственный деятель и полководец, обладал ненасытным честолюбием. К концу царствования Екатерины I "полудержавный властелин" обладал пышным титулом, именуясь "Герцогом Ижорским, светлейшим князем Римского и Российского государств, рейхс-маршалом, над войсками командующим генерал-фельдмаршалом, Военной Коллегии президентом, флота Всероссийского вице-адмиралом, генерал-губернатором губернии Санкт-Петербургской, действительным тайным советником, подполковником Преображенской лейб-гвардии, полковником над тремя полками и капитаном Компании Бомбардирской". Однако, тщетно он добивался звания генералиссимуса, соперничая с герцогом Голштинским Карлом-Фридрихом, мужем цесаревны Анны Петровны. Фельдмаршал мотивировал свое право тем, что "от Царского Величества [[Петра I - авт.], хотя тем званием был и не пожалован, однако, по воле Его Величества, то делал, что тому чину делать надлежит".

Лишь при новом императоре он добился желаемых почестей. В день присяги, 7 мая 1727 г. Мен-

шиков был пожалован в адмиралы, а 12 мая генералиссимусом. Н.И.Павленко приводит свидетельство советника саксонского курфюрста Лефорта, который слышал, как Петр II заявил присутствующим в покоях светлейшего князя: "Я уничтожил фельдмаршала!". Далее Лефорт сообщал: "Эти слова привели всех в недоумение, но, чтобы положить конец всем сомнениям, он показал бумагу князю Меншикову, подписанную его рукой, где он назначил Меншикова своим генералиссимусом". Читая это, можно предположить, что Петр II смотрел на генералиссимуса как на чин, следующий за генерал-фельдмаршалом. Но нам кажется, что эти слова Петра II были скорее рассчитаны на эффект, и не отражали представлений юного императора о чинопроизводстве. Кратковременное его царствование и опала Меншикова не дают нам возможности для окончательных выводов. Отметим только, что будучи светлейшим герцогом (или князем) Ижорским и президентом Военной Коллегии, готовясь обручить свою дочь Марию с императором, Меншиков вполне мог претендовать на титул генералиссимуса. Австрийский император Карл VI именовал Меншикова в переписке "Высококоррожденным, любезным дядею" и пожаловал ему герцогство Козель в Силезии, т.е. Меншиков становился "великим владеющим принципом", войдя в царскую семью. Кроме того, "герцог Ижорский" владел землями на южном побережье Финского залива с городами Ямбург и Копорье, с резиденцией в Ораниенбауме, городком-крепостью Ранненбург близ Воронежа, и на Украине - городами Батурин и Почеп. Кстати, в список лиц, имена которых должны быть помещены в "генеральном календаре" на 1728 г., наряду с членами императорского дома была включена и семья А.Д.Меншикова.

Генералиссимусом Меншиков пробыл всего четыре месяца. 9 сентября он был лишен всех чинов, титулов и знаков отличия и сослан сначала в Ранненбург, а в апреле 1728 г. - в Березов, где и умер в 1729 г.

Следующим генералиссимусом стал генерал-лейтенант, Антон-Ульрих принц Брауншвейг-Люнебургский, муж правительницы-регентши при малолетнем императоре Иоанне VI (правлукое соправителя Петра царя Ивана Алексеевича) Анны Леоновны, принцессы Мекленбургской. Претендентом на этот титул был организатор свержения регента герцога Курляндского Бирона, генерал-фельдмаршал, президент Военной Коллегии граф Б.-Х.Миних. Вот как описывает предложения фельдмаршала о раздаче наград после переворота его сын Эрнст Миних: "...Первое было, чтобы ее высочество великая княгиня и регентша благоволила возложить на себя орден Св. Андрея, и второе - генерал-фельдмаршала графа Миниха за ока-

занную им услугу пожаловать в генералиссимусы. Окончив сие, представил я ему, что хотя он по всем правилам и заслугам сего достоинства требовать может, однако я думаю, что, статья может, принц Брауншвейгский для себя оное готовит, почему и нужно было бы пристойным образом у него развеждать, в каковом случае советовал я отцу моему испросить себе титул первого министра. На сие он согласился и, оставя прежде упомянутое достоинство, избрал для себя последнее”.

Таким образом, 19 ноября 1740 г. отец императора принц Антон-Ульрих был объявлен “генералиссимусом всей сухопутной и морской силы”. Фактически военными делами продолжал управлять президент Военной коллегии Б.-Х. Миних. Властолюбивый фельдмаршал вскоре вызвал недовольство родителей малолетнего императора и вынужден был уйти в отставку. Но недолго принц Антон пробыв генералиссимусом. В ночь на 25 ноября 1741 г. “Брауншвейгская фамилия” была арестована гренадерской ротой Преображенского полка. На престол вступила дочь Петра I Елизавета. Генералиссимус и неудавшийся претендент на это звание граф Миних были отправлены в ссылку. Миних через 20 лет был возвращен в Петербург Петром III, а принц Брауншвейгский, проведя почти 32 года в заключении, окончил свои дни в Холмогорах. Так печально закончилась и вторая попытка утвердить достоинство генералиссимуса в России.

Интересен случай еще одного возможного пожалования в генералиссимусы. После победы при Мачине 28 июня 1791 г. русско-турецкая война 1787 - 1791 гг. близилась к завершению. Президент Военной Коллегии и главнокомандующий всеми войсками на юге России (двумя армиями - Екатеринославской и Украинской) и Черноморским флотом фельдмаршал светлейший князь Г.А.Потемкин - Таврический был в зените могущества. Фактический супруг императрицы Екатерины II после успешного подписания мира мог ожидать исключительных наград: В придворных и дипломатических кругах ходили слухи о намерениях Потемкина стать Курляндским герцогом или владетелем Тавриды, о предстоящем пожаловании в генералиссимусы. Основываясь на этих слухах, 8 августа 1791 г. генерал-аншеф А.В.Суворов со свойственным ему лаконизмом пишет мужу своей племянницы Д.И.Хвостову: “[К]нязь [П]отемкин [не о К]оролевстве [К]урляндском [мечтает]. [К]урляндское [Г]ерцогство - это малость, на сих патриот не стой, иди далее, он колосс!.. Армия побьет Визиря - он Генералис[с]имус!...”. Но в октябре 1791 г. Потемкин умирает, так и не став генералиссимусом. Как мы видим, в этом случае пожалование в генералиссимусы предполагалось за зас-

луги, а не в период командования соединенными армиями.

Наконец, в 1799 г. титул генералиссимуса пантел достойного его посетителя. Им стал великий русский полководец Александр Васильевич Суворов.

Вызванный в феврале 1799 г. императором Павлом I из Кончанской ссылки по просьбе императора “Священной Римской империи” Франца II, фельдмаршал прибыл в Вену и вступил в командование соединенными русской и австрийской армиями. Блестящие победы при Адде, Треббии, Нови за четыре месяца привели к полному освобождению Северной Италии от французов. Суворов был удостоен беспримерных наград. Король Сардинии и Пьемонта Карл Эммануил II выразил желание “служить в армии бессмертного Суворова” и послал ему грамоту на чин великого маршала пьемонтских войск, грамоту Гранда королевства Сардинского с потомственным титулом принца и кузена королевского или, как писал сам Суворов в донесении Павлу I от 23 июля: “... достоинство князя с титулом, чином равное с братьями его двоюродными, из рода в род перворожденным”. В поздравительном ответе Павла от 25 августа подчеркивается эта особенность: “Отличие, сделанное вам Его Величеством королем Сардинским, я от всего сердца позволяю вам принять; через сие вы и мне войдете в родство, быв единожды приняты в царскую фамилию, потому что владетельные особы между собой все считаются роднею”.

9 августа Павел I возвел Суворова в потомственное княжеское достоинство Российской империи с титулом Итальянский, а 24 августа “повелел гвардии и всем Российским войскам, даже и в присутствии своем, отдавать князю Итальянскому, графу Суворову - Рымникскому все воинские почести, подобно отдаваемым Особе Его Императорского Величества”. В своем письме к Суворову, после победы над Жубером и Моро при Нови, он развивает эту мысль: “Князь Александр Васильевич! ...Не знаю, что приятнее? Вам ли побеждать или мне награждать за победы? ...вам не зная, что уже давать, потому что вы поставили себя выше награждений, определили почесть военную, как увидите из приказа, вчера отданного. Дстойному дстойное”¹.

После освобождения Северной Италии Суворов предполагал развернуть наступление на Францию. Но этот план был сорван союзниками. Суворову было предписано, оставив в Италии австрийские войска, двинуться во главе русских войск в Швейцарию на соединение с корпусом А.М.Римского - Корсакова и оттуда наступать против Франции. 31 августа начался героический Швейцарский поход. Совершив с боями переход через Альпы в Муттенскую долину, войска Суворова по вине

союзников - австрийцев оказались почти без боеприпасов и продовольствия, окруженными втрое превосходящими силами французов. Незадолго до этого, корпус Римского - Корсакова и австрийский отряд Готце были разбиты. Войска Суворова отразили атаки французов в Муттенской долине, и, совершив труднейший переход через перевал Паникс, отошли в Южную Германию. За время этого героического горного перехода армия Суворова потеряла свыше 4 тыс. убитыми и ранеными и нанесла вчетверо больший урон противнику. Раздраженный недобросовестностью союзников, Павел I 11 октября приказал армии возвращаться в Россию, а 28 октября последовал Высочайший указ: "Его Императорское Величество всемилостивейше жалует князя Итальянского, графа Суворова - Римникского в генералиссимусы".

"Побеждая повсюду и во всю жизнь вашу врагов Отечества, - писал Павел I Суворову в рескрипте от 29 октября, - недоставало вам одного рода славы - преодолеть и самую природу. Но вы и над нею одержали ныне верх... Награждая вас по мере признательности Моей и ставя на высший степень чести и героизму предоставленный, уверен, что возвожу на оный знаменитейшего полководца сего и других веков".

"Это много для другого, - сказал он тогда графу Ф.В.Ростопчину, - а Суворову мало: ему быть Ангелом". 4 ноября 1799 г. было отдано повеление разработать проекта статуи "Российского генералиссимуса", а 3 января 1800 г. Ростопчин сообщал, что император одобрил проект и что "место статуи будет против главной фасады Михайловского дворца, и сей монумент достойный и признательности Великого Государя и великих беспримерных дел Его героя"².

Военной коллегии император предписал сноситься с генералиссимусом не указами, а сообщениями. По его повелению в церквях многолетие Суворову провозглашалось вслед за императорской фамилией: "Я приказал Моим верноподанным присоединить в их молитвах ваше имя к Моему и возлюбленным Моим сыновьям, потому что вы в числе Моих Детей тот, которого Я люблю наиболее...".

Возвращавшийся в Петербург генералиссимус ожидал новых почестей. Но тяготы альпийского похода и неожиданная немилость недантичного императора сократили дни 70-летнего полководца. 6 мая 1800 г. Суворов скончался и 12 мая был погребен в усыпальнице Благовещенской церкви Александро-Невской лавры - пантеоне выдающихся государственных и военных деятелей России, а также некоторых членов императорской фамилии.

Распространено мнение, что Суворова хоронили как фельдмаршала, а не генералиссимуса. Но,

как известно, два предыдущих генералиссимуса умерли и похоронены в ссылке без подобающего церемониала, который не был разработан. Отсутствует он и в Воинском Уставе 1716 г.

Как можно заметить, два "законных" генералиссимуса, Меншиков и Суворов, желавший этого титула фельдмаршал Миних и даже император Павел I, видели в этом пожаловании исключительную почетную награду за государственные и военные заслуги, вопреки Воинскому уставу Петра Великого. Пожалуй, только принц Антон-Ульрих руководствовался этим правом, хотя Меншиков и Суворов, войдя в степень "владельческих принцев" и являясь главнокомандующими, также вполне соответствовали этому титулу и по уставу.

В 1890 г. было издано "Положение о полковом управлении войск", в котором права и обязанности главнокомандующего развивали соответствующие положения Петровского устава о генералиссимусе: "Главнокомандующий - главный начальник вооруженных сил, действующих или на одном театре войны, или на всей территории государства. Назначается по непосредственному усмотрению Государя Императора Высочайшим приказом и указом правительствующему сенату. Облекается чрезвычайной властью, представляя собою лицо Императора; прибытие к армиям Государя слагает с главнокомандующего начальство, и он вступает тогда в должность начальника штаба Его Величества, если не последует особого повеления о сохранении за ним командования войсками. В своих действиях главнокомандующий подчиняется непосредственно Государю, и ни одно правительственное лицо или учреждение не может требовать от него отчетов. Он есть высший и полный начальник всех войск, управлений и чинов состава армии, не исключая и членов Императорской фамилии, если они находятся при армиях. Губернии и области, входящие в район театра войны, как в пределах Империи, так и за границей, в занятых неприятелем областях, состоят в полном его ведении".

Назначенного в 1914 г. верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича некоторые современники называли "генералиссимусом".

Закреплению в России стереотипа восприятия достоинства генералиссимуса как "высшего воинского звания" способствовало установление его в таком качестве указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1945 г., имевшим силу до распада СССР в 1991 г., в котором сказано, что это звание персонально присваивается "за особые выдающиеся заслуги перед Родиной в деле руководства всеми вооруженными силами государства во время войны". На следующий день оно было

присвоено Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами СССР И.В.Сталину...

1. Этой почести был удостоен вследствие лишь особо почитаемый императором Пиколом I - фельдмаршал светлейший князь Варшавский граф И.Ф. Паскевич-Эриванский в 1849 г.

2. Этой беспримерной награды - прижизненного памятника, - не был удостоен ни один российский полководец. По разным причинам (главным образом организационным и техническим) памятник был установлен на Царицыном лугу около Михайловского замка лишь накануне первой годовщины кончины генералиссимуса 5 мая 1801 г.

Библиография:

1. Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому генералом Вейде в 1698 г. - СПб., 1841.

2. Полное собрание законов Российской империи, Т. 5, СПб., 1830,

№ 3006. (Устав воинский 1716 г.).

3. Суворов А. В. Письма. - М., Наука, 1986.

4. Бантиш-Каменский Дм. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 1-2. - СПб., 1840.

5. Безвременье и вremenники. Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720-1760-е гг.). - Л., Художественная литература, 1991.

6. Энциклопедия военного искусства. Генералиссимусы. - Минск, Литература, 1997.

7. Военная энциклопедия. Т. VIII. - СПб., 1912. (Ст. "Главнокомандующий"); Т. XII. - СПб., 1913. (Ст. "Кожуховский поход").

8. Егоршин В.А. Генералиссимусы. - М., "Патриот", 1994.

9. Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. - М., Наука, 1983.

10. Сборник биографий кавалергардов. 1724-1762. - СПб., 1901. Стрелухова М.Б., Симанский П.П. Жизнь Суворова в художественных изображениях. - М., 1900.

Козюренко К.Л.

аспирант отдела источниковедения Санкт-Петербургского филиала
Института российской истории РАН.

Прижизненный памятник:

эпизод из отношений Павла I и А.В.Суворова, 1799 — 1801 гг.

Среди пожалований и почестей, оказанных Павлом I А.В.Суворову в 1799 году, выделяется уникальный для Российской империи замысел — установить прижизненный памятник полководцу. Высочайшее повеление о разработке проекта статуи было объявлено президенту Академии художеств графу О.Г.Шуазель-Гуффе 1 ноября 1799 г. в письме вице-президента Адмиралтейств-коллегии вице-адмирала графа Г.Г.Кушелева¹. Через четыре дня Ф.В.Ростопчин сообщил об этом самому Суворову². Уже 30 ноября президент Академии известил Кушелева о готовности представить императору эскизы вариантов монумента³. Высочайшее разрешение последовало 7 декабря⁴. Рассмотрев рисунки и модели Павел остановил свой выбор на проекте скульптора М.И.Козловского. Это случилось под Новый год⁵. Все тот же Ростопчин в письме от 7 января 1800 г. живописал виновнику торжества черты его будущего скульптурного изображения⁶.

Затем, по общепринятому мнению, "наступивший в марте 1800 года перелом в отношениях Павла I к Суворову не замедлил сказаться на судьбах монумента"⁷. Уже в написанных спустя десятилетие после событий воспоминаниях утверждалось, что с наступлением "предсмертной опалы" полководца "работы по сооружению памятника были запрещены"⁸. Действительно, он был торжественно открыт только к годовщине кончины А.В.Суворова, при новом императоре. Какова же была судьба монумента генералиссимусу в последний год правления Павла?

18 января 1800 года граф Шуазель-Гуффе направил Г.Г.Кушелеву очередное письмо, в котором запросил на отливку статуи и сооружение пьедестала двадцать пять тысяч рублей. Согласно смете они должны были отпущаться из Кабинета Е. И. В. в течение пяти месяцев⁹. Высочайший указ о выделении

средств состоялся 5 февраля¹⁰. Следовательно еще в то время, когда ни о какой "опале" А.В.Суворова речи не было, окончание работы над памятником планировалось не ранее июля 1800 г. Для сравнения можно сказать, что высочайшее повеление о сооружении обелиска "Румянцеву победам" состоялось 25 февраля 1798 г., а открыт он был только в 1799 г.¹¹.

Очень важно то обстоятельство, что монумент проектировался и возводился не сам по себе, но как составная часть грандиозного комплекса Михайловского замка. Известно, что на протяжении 1797-1800 гг. одним из главных его архитекторов являлся Павел Петрович. Он лично входил в подробности композиционных решений планировки здания и его деталей, руководствуясь не только своими художественными устремлениями, но и особенностями мировоззрения¹². Давая указ о создании памятника Суворову, император предполагал установить его у своего гатчинского дворца. Но после утверждения проекта М.И.Козловского Павел решил поместить прижизненный монумент генералиссимусу напротив главного фасада Михайловского замка — на площади Коннетабль¹³. Здесь история его создания переплелась с судьбой другой скульптуры — конной статуи Петра I работы Б.К.Растрелли.

Она была отлита еще в 1747 г., но до воцарения правнука великого императора официально не устанавливалась¹⁴. Павел Петрович 2 марта 1799 г. распорядился передать памятник в распоряжение Адмиралтейств-коллегии для установки в Kronштадте, на набережной канала Петра Великого. Именно поэтому переписка о нем в последующем шла через возглавлявшего морское ведомство доверенного приближенного императора Г.Г.Кушелева. Проектирование пьедестала было поручено автору Румянцева обелиска архитектору В.Бренна. В течение года Па-

вел рассмотрел и отклонил несколько вариантов по причине их высокой стоимости. В начале 1800 г. император решил поместить статую Петра в Гатчине, вместо Суворова. Дело проектирования пьедестала было передано в Академию художеств, которая 6 февраля объявила конкурс. 1 марта 1800 г. император утвердил вариант, предложенный Ф.И.Волковым. Проект очевидно так понравился Павлу, что спустя два дня он распорядился установить конный монумент во внешнем дворе Михайловского замка, на площади Коннетабль. Памятник же генералиссимусу должен был быть перемещен на Царицын луг, напротив «Румянцевской колонны»¹⁵.

Вряд ли в этом обстоятельстве можно усмотреть признаки какой-либо «немилости». Напротив, во всех случаях памятник здравствующему на тот момент (еще раз подчеркнем это!) полководцу должен был находиться прямо под окнами императорской резиденции. Архитектурному же ансамблю площади Коннетабль более отвечала конная статуя Петра, в чем можно убедиться и ныне. Обследование нового места установки монумента А.В.Суворову было произведено 21 апреля 1800 г. и Совет Академии художеств решил изменить форму пьедестала, поручив 5 мая эту работу М.И. Козловскому. Уже спустя два дня Павел утвердил один из представленных ему эскизов. Затем вся документация была переслана вице-президенту Академии Чекалевскому для произведения торгов на сооружение фундамента и самого пьедестала¹⁶. В письме из Петербурга от 28 июня 1800 г. современник событий сообщал, что «статуя Суворову отделяется»¹⁷.

Здесь и возникает длинная пауза, позволившая говорить о «запрете» на постройку памятника. Думается задержка была вызвана тем, что как раз в это время спешно завершалось грандиозное строительство Михайловского замка и тесно связанная с ним работа по установке конной статуи Петру I. Занимались ею те же специалисты, что и отделкой памятника генералиссимусу. Так ремонт растрелиевского монумента и отливку барельефов для пьедестала к нему с мая по октябрь 1800 г. производил по подряду мастер В.П.Екимов¹⁸. Он же в мае следующего года был награжден за отливку памятника Суворову¹⁹. Но в середине 1800 г. все силы были брошены на постройку императорской резиденции и для других работ их просто не хватало — ситуация, хорошо известная в нашем городе и на современных примерах. Кстати, несмотря на все усилия, статую Петру вовремя установить все же не удалось: император торжественно отпраздновал освящение Михайловского замка 8 ноября, а пьедестал для монумента был воздвигнут на место только двадцатого числа²⁰.

Работы над памятником полководцу были возобновлены сразу же после окончания основного «объекта». Уже 17 декабря 1800 г. в Академию художеств

было направлено распоряжение о том, что Павел Петрович хочет открыть его до своего обычного весеннего отбытия в Гатчину. Как правило, император отправлялся туда в апреле, но в 1801 году он планировал сделать это раньше и указ гласил «чтобы графа Суворова монумент прежде отъезда Е. И. В. окончен был». Гибель Павла I очевидно вновь несколько задержала возведение памятника, по крайней мере, подряд на поставку камня для пьедестала был заключен только 13 апреля 1801 г. Но тем не менее 5 мая он был открыт на том месте и по тому проекту, который был утвержден покойным императором. Новый государь наградил участников создания монумента, а «Суворочке» — Наталье Александровне Зубовой в этот день была преподнесена его модель²¹.

Подводя итог истории памятника генералиссимусу, нам остается только присоединиться к существующему в историографии мнению: «Очевидно, общая оценка Павловского царствования и самой личности государя наложила свой отпечаток на отношение современников к отдельным деталям, частностям, конкретным фактам»²².

1 Столяров А. К истории создания памятника Суворову работы М.И. Козловского // Сообщения Государственного Русского музея. Л., 1947. Вып. II. С.6.

2 Милотин Д.А. История войны 1799 г. СПб., 1857. Ч.III. С.526.

3 Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф.198. Оп.1. Д.30. Л.24-24об.

4 Там же. Л.19об.

5 Столяров А. К истории создания памятника Суворову... С.6.

6 Фукс Е.Б. История Российско-австрийской кампании 1799 г. под предводительством генералиссимуса, кн. Итальянского, графа Александра Васильевича Суворова-Рыманского. СПб., 1826. Ч.III. С.636.

7 Столяров А. К истории создания памятника Суворову... С.7.

8 Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла I. М., 1913. С.166.

9 РГАВМФ. Ф.198. Оп.1. Д.31. Л.123-124.

10 Столяров А. К истории создания памятника Суворову... С.7. Всего памятник должен был обойтись казне в 35233 рубля, включая сюда стоимость фундамента, установки, бронзовых и позолоченных деталей декора пьедестала.

11 Майков П. Румянцев П.А. // Русский биографический словарь. Пг., 1918. Т. «Романов-Ярославский». С.567; Мейерович Г.И. Румянцев в Петербурге. Л., 1987. С.227.

12 См. об этом, напр.: Хайкина Л.В. Михайловский замок и некоторые аспекты религиозно-философских воззрений Павла I // Отечественная история. 2000. № 2. С.164-170.

13 Столяров А. К истории создания памятника Суворову... С.7.

14 Боженова М.И. Кумир на бронзовом коне. Образ Петра Великого в монументальной скульптуре Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С.102-105.

15 Там же. С.110-111; Столяров А. К истории создания памятника Суворову... С.7.

16 Столяров А. К истории создания памятника Суворову... С.7.

17 Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македону // Русский архив. 1870. Кн.А. Ст.784.

18 Боженова М.И. Кумир на бронзовом коне. С.114.

19 Столяров А. К истории создания памятника Суворову... С.8.

20 Боженова М.И. Кумир на бронзовом коне. С.116-117.

21 Столяров А. К истории создания памятника Суворову... С.8.

22 Сорокин Ю.А. Мемуары конца XVIII - первой половины XIX веков как исторический источник для характеристики личности императора Павла I // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. Межведомственный сборник научных трудов. Омск, 1986. С.113.

Участие семьи Романовых в создании музея Суворова.

История музея Суворова, так же как и жизнь самого полководца полна легенд и преувеличений. Наибольшую известность получил миф об организации музея народными силами и на народные средства.

В ходе работы над резкспозицией музей одной из задач являлась максимально полная аннотация каждого экспонируемого предмета. Среди сведений особое место отводилось указанию о дарителе предмета музею. При сличении многочисленных документов был обнаружен интересный факт. Большую часть старой коллекции музея составляют предметы, переданные в дар членами императорской фамилии.

В истории музея этот момент раньше не находил должного освещения. Следовало лишь краткое упоминание о передаче Николаем II каких-то предметов музею "ранее не доступных народу" накануне открытия его экспозиции и то, что малый правый зал носил наименование "Зала высочайших подарков". Но что именно было передано императором и в каком объеме - об этом история музея умалчивала.

Между тем, отношение Николая II к созданию музея и его личный вклад как в сбор средств для строительства, так и в пополнение его коллекций, это не просто интерес частного влиятельного лица к национальному герою, это отношение к его памяти высшей власти. И в данном случае можно сказать, что без поддержки императора Суворовский музей вряд ли был бы открыт.

Николай II с самого начала поддержал идею увековечения памяти полководца. Он согласился и с мнением Суворовской комиссии о том, что именно создание музея в наибольшей степени будет способствовать пропаганде Суворова. Получили одобрение императора предложения об организации сбора добровольных пожертвований для пополнения музея экспонатами и ходатайство о переносе в столицу Суворовской церкви из села Кончанское. Сам Николай пожертвовал в Суворовскую складчину 500 рублей, такая же сумма поступила от императрицы Марии Федоровны. Замечу, что это были самые большие вклады. Такую же сумму внес лишь отец Иоанн Кронштадтский.

Нельзя не упомянуть, что благодаря сочувственному отношению императора торжества, связанные со 100-летием со дня кончины А.В.Суворова, стали единственной памятной датой генералиссимуса, широко отмечавшейся в России. Ни 50-летие, ни 75-летие кончины Суворова, ни 100-летие штурма Измаила не вызвали такого общественного резонанса и прошли незамеченными¹. Можно говорить не просто о молчаливом одобрении Николаем II предлагавшихся мероприятий, но о его активной роли в деле увековечения

памяти Суворова.

Широкую известность получило повеление Николая II от 6 мая 1900 г. о присвоении имени Суворова 62-му пехотному Суздальскому полку, 1-му Донскому казачьему полку, форту "Вавр" Варшавской крепости и Варшавскому кадетскому корпусу. В корпусе учреждались десять "Суворовских" стипендий для детей офицеров. Тогда же Николай II пожаловал частям армии и флота портрет Суворова - хромофотографию, на которой воспроизводился портрет работы И.Шмидта.

Однако, музей - это прежде всего коллекция. Нельзя не упомянуть о том, какое влияние оказали члены императорской фамилии на ее формирование.

Великий князь Петр Николаевич передал в 1901 году в дар музею рапорт с подлинной подписью Суворова². Интересно отметить, что, будучи генерал-инспектором по инженерной части, Петр Николаевич уделял большое внимание нравственному и патриотическому воспитанию солдат. Он указывал, что от офицеров, занимающихся работой с солдатами-новобранцами, он "требует строжайшего, неуклонного выполнения всех уставных правил, помня, что их первая священная обязанность - воспитать солдата-воина, честного и верного слугу Царю и Отечеству, а затем уже выучить его тому делу, к которому он предназначен"³. Таким образом, его, в какой-то мере, можно назвать последователем Суворова в области военной педагогики.

Великий князь Николай Михайлович известен как исследователь русской портретной живописи. Формирование коллекции музея совпало с его работой над новым трудом "Русский исторический портрет" и подготовкой выставки в Таврическом дворце⁴. Понимая, что музей не в состоянии приобрести все произведения искусства, в которых есть необходимость, великий князь лично отобрал 12 портретов знаменитых исторических лиц XVIII века, распорядился сделать с них фотографии и передал их в дар музею. Три из них - два портрета Суворова и портрет графа Зубова - являлись собственностью великого князя⁵. Нам этот дар может показаться не таким ценным, как прочие. Однако стоит помнить, что в II. XX века фотография была таким же полноправным экспонатом в собрании музея, как и само живописное полотно.

Раз уж зашла речь о живописи, стоит обратить внимание на то, каким способом попали в музей Суворова два известнейших полотна.

В Санкт-Петербурге проходила X выставка картин Петербургского общества художников, экспонаты которой были разнесены в разные тематические

разделы. И в историческом разделе было выставлено полностью П.Геллера "Неожиданное послание императора". Сам суворовский музей не нашел средств для приобретения картины, т.к. цена была очень высока (1 200 руб.) и обратился за поддержкой к императору. И Высочайшее разрешение на приобретение полотна за счет казны в результате последовало, причем очень быстро⁶.

Самым известным живописным полотном, когда-либо выставленным в стенах музея, можно смело назвать картину В.И.Сурикова "Переход Суворова через Альпы". 17 ноября 1904 г., накануне открытия музея, по Высочайшему повелению состоялась передача из музея Александра III полотна Сурикова⁷.

Однако не всегда правящая фамилия передавала все имеющиеся раритеты. Например, в 1902 году великий князь Сергей Александрович, сын Александра II, передал ряд суворовских документов не на постоянное хранение, а для копирования⁸.

Как я уже упоминала, наибольший денежный вклад поступил от императора Николая II. Он так же являлся крупнейшим дарителем (наряду с В.П.Энгельгардтом и В.В.Молоствовым).

Наверное, не имеет смысла перечислять все экспонаты, получением которых музей обязан доброй воле Николая II. Стоит остановиться на наиболее интересных моментах.

По повелению императора Николая II 16 декабря 1902 года из канцелярии Императорской Главной квартиры были переданы, как сказано в документах, "бумаги, оставшиеся от светлейших князей Итальянских". Всего 194 ед.⁹.

30 июля 1904 года последовало Высочайшее повеление Николая II о передаче трофеев суворовских походов, хранящихся в Петропавловском соборе и Ботном доме¹⁰. В сентябре вещи были вручены подполковнику Байову. Среди них можно особо выделить ключи с георгиевскими лентах от Измаила и других турецких крепостей (всего 28 ед.), ключи от Варшавы, знаки турецких военачальников, турецкие комендантские топирики, булчуки, польские знамена, древки от французских знамен.

8-го ноября 1904 года по указанию императора Николая II в суворовский музей начальником канцелярии Министерства Императорского двора были переданы вещи, хранившиеся в Собственной Его Величества библиотеке: грамоты на чины, дипломы, шпага Суворова, портреты князя Аркадия Суворова и его жены, Елены Александровны Нарышкиной¹¹. Всего в тот раз передано было 24 предмета¹².

17 февраля 1906 г. Николай II передал "две народные исторические картины, изображающие подвиги князя Суворова-Рымнинского"¹³ (гравюры работы Ф.Вендрамина).

Может сложиться впечатление, что отношение

императора к музею носит тот же характер, что и отношение власти сейчас и к которому мы все, к сожалению, уже привыкли: возьми, только отвяжись. На самом деле это совсем не так. Нужно учитывать некоторые особенности воспитания царской семьи. Одна из них – живой интерес к истории России. Одно из подтверждений этому мы можем найти во взаимоотношениях Николая II и музея.

Николай II передал в дар музею еще в самом начале собирательской работы записки Грязева. Говорить о ценности этого источника я не буду – он опубликован и сведений о нем достаточно. В ноябре 1904 года заведующий Собственной Его Величества библиотекой Н.Шеглов сообщил А.К.Байову о высказанном государем императором желании иметь в собственной библиотеке для чтения копию с пожалованных его величеством суворовскому музею записок офицера Грязева¹⁴. Музей посчитал нужным копию оставить себе, а подлинник преподнести императору.

Государственные заботы не всегда позволяли Николаю II самому заниматься проблемами музея. Однако, он находил дело формирования коллекции настолько важным, что обращался к помощи своих родственников. Через великого князя Владимира Александровича Николай II 22 марта 1908 года передал в библиотеку музея следующие предметы¹⁵:

экземпляр "Изображения мундиров Российско-императорского войска состоящие из 88-миллионномужьяных", изданное в Санкт-Петербурге в 1793 г.

копию с письма фельдмаршала Суворова начальнику Французских Королевских войск в Вандее Шаретту на французском языке, написанного в Варшаве 1 октября 1795 г.¹⁶.

Понимая, что работа музея это не только собирание материалов, но и нормально организованная научная работа, Николай II оказал помощь в приобретении оборудования. С тем, чтобы приобретение мебели "не ложилось тяжким бременем на суворовскую кладчину", и с тем, чтобы мебель соответствовала стилю интерьеров музея, последовало высочайшее дозволение взять мебель из Таврического дворца. Для обустройства Суворовского музея мебель была отобрана "периода царствования Екатерины II".

Интересно отношение Николая II к подаренным ему историческим ценностям. В силу своей деликатности он просто не находил возможным оставлять их у себя, лишая музей экспонатов. Приведу несколько примеров:

В 1903 году великим князем Николаем Михайловичем в родовом имении Воронцовых с.Андреевском Владимирской губ. был обнаружен портрет Суворова¹⁷. Он сделал копию портрета, которую подарил Николаю. Николай тут же передал ее Суворовскому музею.

Священник Мартиновский поднес Государю Им-

ператору фотографию места у села Кинашева, где был домик, в котором в 1796 году жил Суворов. Фотография по высочайшему повелению так же была передана в музей¹⁸.

Наиболее известным экспонатом, переданным императором Николаем II в дар музею является сабля, взятая у Сераскира Айдозлу Магмета паши, и принадлежавшая А.В.Суворову. История этого предмета общеизвестна, я не буду на нем специально останавливаться¹⁹.

13 ноября 1904 года состоялось открытие музея. Среди приглашенных было много видных деятелей. Большинство из них под различными благовидными предлогами отказались присутствовать. Однако, Николай II, на присутствие которого никто не рассчитывал, пантел возможным почтить память полководца. Из даров Николая II была спешно сделана экспозиция 5-го зала, получившего название "зал высочайших подарков" и выбита доска в память его присутствия на открытии. Прибыли так же и все приглашенные великие князья.

Можно назвать лишь два случая отказа Николая II в просьбе Суворовской комиссии. Для пополнения музейного собрания комиссия ходатайствовала о передаче в музей картин, находившихся в загородных императорских резиденциях Павловске и Гатчине. Имелись в виду работы А.Шарлемая "Торжественная встреча Суворова в Милане", "Суворов на перевале Сен-Готард" и "Эльм. Последний ночлег Суворова в Швейцарии". В другой раз просили картины Таврического дворца. Император не дал своего согласия, так как картины составляли часть исторического убранства дворцов.

В целом можно сделать один вывод: Николай II должен быть признан одним из основных жертвователей экспонатов в будущее "суворовское памятник-ранище", наряду с создателем "Суворовского сборника" Василием Павловичем Энгельгардтом и владельцем Кончанской церкви Владимиром Владимировичем Молостовым. Именно дары трех этих лиц

составили основу коллекции Суворовского музея.

Судьба подарков императора и великих князей после революции сложилась относительно благополучно. Претерпевая все перипетии участи Суворовского собрания, они, в конечном итоге, почти все вернулись в Суворовский музей. Исключение составляет портрет невестки Суворова - Елены Александровны - работы Ж.-Л.Монье, оказавшийся в собрании Государственного Эрмитажа, и часть документов "из бумаг князей Итальянских", утраченная в предвоенный период.

В заключение хотелось бы сказать, что настаивая в ходе реконструкции музея на восстановлении в центральном зале мраморной доски в память посещения музея императором Николаем II, сотрудники музея руководствовались не только стремлением воссоздать исторический интерьер здания. Ими двигало и чувство благодарности человеку, способствовавшему открытию Суворовского музея.

1 РГИА. Ф. 544. Оп. 5. Д.20. Л.305-307.

2 Фонд документов и рукописей Государственного мемориального музея А.В.Суворова. Инв. № МС 2424. Л. 90. (далее - ФДРМС)

3 Военная энциклопедия. Пг., 1915. С. 412.

4 Знаменитые россияне XVIII-XIX веков : Биографии и портреты. По изданию великого князя Николая Михайловича "Русские портреты XVIII и XIX веков". СПб. 1996. С. 7.

5 ФДРМС. Инв. № МС 2428. Л. 5-6.

6 ФДРМС. Инв. № МС 2423. Л. 40-46.

7 ФДРМС. Инв. № МС 2423. Л. 72-об.

8 ФДРМС. Инв. № МС 2423. Л. 13-14.

9 ФДРМС. Инв. № МС 2423. Л. 149; МС 2425. Л. 6, 6-об.

10 ФДРМС. Инв. № МС 2426. Л. 53-54, 69-71.

11 ФДРМС. Инв. № МС 59. Портрет Суворова Аркадия Александровича. Россия, 1802-1804 г. Х. м.

12 ФДРМС. Инв. № МС 2431. Л. 21-22.

13 ФДРМС. Инв. № МС 2428. Л. 8.

14 ФДРМС. Инв. № МС 2426. Л. 89-91.

15 ФДРМС. Инв. № МС 2430. Л. 15 - об.

16 ФДРМС. Инв. № МС 2654.

17 ФДРМС. Инв. № МС 2425.

18 Опись памятникам и предметам во временном помещении Суворовского музея при Николаевской Академии генерального штаба. Сост. С.Д.Масловский. СПб., 1901. С. 55. № 144.

19 Суворовский музей. Пг., Издание Николаевской Академии. 1916; ФДРМС. Инв. № МС 2468. Л. 106-107.

Белов А.М.

Государственный мемориальный музей А.В.Суворова.

Плюмаж к шляпе А.В.Суворова. Происхождение и атрибуция.

Среди немногих сохранившихся личных вещей полководца, представленных в экспозиции ГММ А.В.Суворова, несомненный интерес представляет экспонат, который по всем описям Суворовской коллекции музея, начиная с 1901 года, проходит как "Плюмаж генеральский, принадлежавший А.В.Суворову". Первоначально плюмаж хранился в церкви села Кончанское, и был передан в 1900 году вместе с другими реликвиями полководца в создающийся в Петербурге Суворовский музей

праправнуком Суворова В.В.Молостовым. Экспонат разделил судьбу всей коллекции суворовского музея. Ныне "плюмаж" занял свое почетное место в новой экспозиции музея.

К сожалению, за время бытования предмета в сопровождавшую его документацию вкрадся ряд неточностей и, порой, грубых ошибок.

Уже в самом названии - плюмаж, неоднократно повторяющемся как в инвентарных книгах, так и в инвентарных карточках, кроется неточность.

Традиционно считается, что плюмаж к шляпе - это пучки перьев белого или черного цвета, закрепленных на основу из ленты или шнура, в свою очередь укрепленные по всей длине верхнего края поля шляпы.

Султан же, это пучки перьев или конского волоса, тех же что у плюмажа цветов, закрепленные на жесткую основу из проволоки или китового уса и крепящиеся вертикально с левой стороны переднего поля шляпы над кокардой. Именно так и выглядит "плюмаж Суворова".

Таким образом, перед нами султан, а не плюмаж, как было ошибочно определено еще в описи С.Д.Масловского², где предмет отнесен к разделу личных вещей Суворова. Следует заметить, что неточность в записи была повторена и при записи предмета в книгу поступлений Суворовского музея в 1950 году.

Следующий интересующий нас вопрос - это датировка предмета. В книге поступлений султан был датирован концом XVIII века. Датировка несколько расплывчатая, поскольку может относиться как царствованию Павла I, так и к последним годам царствования Екатерины Великой.

При определении более точной даты может помочь сам предмет. В нижней части султан обвит муаровой лентой, состоящей из полос цветов орденских лент высших орденов России и иностранных государств, расположенных по старшинству сверху вниз: голубая (ордена Святого Андрея Первозванного), оранжевых и черных полос (ордена Святого Георгия), красной полосой по середине и черными по краям (ордена Святого Владимира), красной полосой по середине и желтыми по краям (ордена Святой Анны), и две нижних полосы, которые и вызывают вопрос. Первая из них черная, вторая (выцветшая) - предположительно с белой полосой в центре и красными или оранжевыми (желтыми) по краям.

Если предполагать, что предмет относится к периоду царствования Павла I, то это должны быть ленты ордена Святого Иоанна Иерусалимского и австрийского ордена Марии-Терезии. Обе этих награды Суворов получил в 1799 году, первую как знак расположения Павла, а вторую за Итало-Швейцарский поход от австрийского императора. Можно предположить, что этот султан был заказан А.В.Суворовым к головному убору, предназначенному для торжественного въезда в столицу после Швейцарского похода. Однако вскоре после вступления на престол Павел I повелел, чтобы к шляпам генералов и фельдмаршалов, состоящих по инфантерии, положен был только плюмаж. Султан же (да и то не такой формы, как рассматриваемый нами) положен генералам по кавале-

рии, а Суворов, как известно, будучи уже генералом, по кавалерии не числился. Таким образом, зная ревностное отношение Павла I к соблюдению правил ношения военной формы, Суворов не мог, даже будучи победителем, позволить себе появиться перед императором с неуставным султаном.

Казалось бы, вывод напрашивается сам собой: раз это не царствование Павла, то это царствование Екатерины. Но и тут, открыв другой документ - "Описание мундирам и строевого убранства", подписанный Екатериной в 1764 году³, в описании головных уборов генералов и фельдмаршалов так же упомянут только плюмаж. В последующие годы царствования Екатерины II мундиры и головные уборы генералов существенных изменений не претерпели.

Тупик был бы очевиден, если бы не своеобразие великого полководца. В известной работе А.В.Помарнацкого помещены несколько зарисовок с натуры художника Яна Норблина, которые датируются осенью-зимой 1795 года⁴.

На этих зарисовках Суворов изображен в белой рубаше или куртке, с крестом ордена Святой Анны на шее, в панталонах и ботфортах, на голове же изображена каска, положенная к так называемой "Потемкинской форме", введенной в русской армии в 1786 году. Именно к этой каске и был положен небольшой султан, крепившийся с левой стороны. По воспоминаниям очевидцев, а так же судя по иконографическим подтверждениям Я.Норблина и А.Лормана, свою вторую Польскую кампанию Суворов провел именно в таком виде. Две нижние полосы на ленте, смущавшие прежде исследователей, могут соответствовать прусским орденам Черного и Красного орла, которыми Суворов был награжден за взятие Варшавы в октябре 1795 года.

Можно предположить, что полководец, не нося мундир и заслуженные им регалии, предпочитал своеобразное неуставное подтверждение своим заслугам.

1 Государственный мемориальный музей А.В.Суворова. Фонд обмундирования и снаряжения. Инв. № МС 261.

2 «Плюмаж генеральский из белых перьев. Обвит внизу орденской лентой» (Масловский С.Д. Опись памятникам и предметам во временном помещении Суворовского музея. - СПб., 1901. - С.11).

3 Описание мундирам строевого убранства, конфирмованное высочайшим Её императорского величества подписанием. - СПб., 1764.

4 Помарнацкий А.В. Портреты Суворова. Очерки иконографии. - Л., 1963.

Личное оружие А.В. Суворова в собрании ГММ А.В.Суворова. Действительность и легенды.

При работе с материалами любого мемориального музея особое внимание вызывают вещи, лично принадлежавшие меморируемому лицу, его реликвии. Из суворовских реликвий, хранящихся в нашем музее, большой интерес вызывает сохранившееся личное оружие полководца, поскольку с этими вещами связан ряд легенд, о которых я скажу ниже.

На сегодняшний момент в фонде оружия ГММ А.В.Суворова хранятся шесть предметов, когда-либо относимых к суворовским реликвиям, однако только четыре предмета могут быть точно атрибутированы, как личные вещи полководца. К ним относятся: две шпаги, кавалерийская сабля и клинок сабли, переделанный под шашечную рукоять.

Первая шпага¹ представляет собой шестигранный обоюдоострый клинок с одним долом, в котором выгравирована надпись "Виват Екатерина" с одной стороны и "Vivat Catharina" с другой, и имеет черную деревянную рукоять с перламутровым щитком с вензелем Екатерины II. Эта шпага хранилась в семье потомков А.В. Суворова по линии дочери Натальи Талызиных, как личная шпага великого полководца и была передана Л.А. и В.А.Талызиными в Суворовский Музей на временное хранение в 1900 г., в 1901г описана в печатном каталоге Суворовского собрания², и в октябре 1902 г. подарена музею. Вторая шпага³, имеющая шестигранный обоюдоострый клинок и латунный позолоченный эфес, украшенный рельефными изображениями, также принадлежала Александру Васильевичу. Эта шпага была подарена полководцем сыну арзамасского купца И.И.Цыбышева Александру в 1774 г., когда Суворов ночевал в доме Цыбышевых, проезжая Арзамас. Через 60 лет Цыбышвы продали шпагу помещику Штевену, его потомок Иван Владимирович Штевен передал реликвию в 1904 г в Суворовский музей. Обе вышеозначенные шпаги, вместе с остальными собраниям Суворовского музея, были переданы в Артиллерийский Исторический музей, где в 1939-41 гг. экспонировались в Суворовском зале и в 1950 г. были переданы в восстановленный Суворовский музей. Кроме этих двух шпаг к числу суворовских реликвий относится также кавалерийская сабля⁴, представляющая стальную клинок с широким долом и деревянной, обтянутой черной кожей рукоятью с железной дужкой, с деревянными ножнами в металлической оправе. Эту саблю, подаренную донским казаком, полководец носил в период

1792-1794 г. В октябре 1794 г. Суворов подарил ее своему адъютанту, прусскому ротмистру Хейлингенштадту, за отличие его под Варшавой. В 1873 г. сын ротмистра подарил ее своему другу майору Либингу. В 1912 г. Суворовский музей выкупил саблю с ножнами у вдовы Либинга. Впоследствии атрибуция сабли была утеряна и она оказалась в массе безымянного оружия. Заново атрибутирована только в результате изучения архивных документов в 1952 году⁵.

Одной из наиболее интересных реликвий, связанных с Александром Васильевичем Суворовым, является клинок от сабли коменданта Измаила Сераскира Айдоглу Мехмет паши⁶.

Она представляет собой стальной, слегка изогнутый клинок с одним долом. В доле надпись славянской вязью, насеченная золотом: с одной стороны "Сей клинок принадлежал генерал-аншефу графу А.В.Суворову Рымникскому и взят 11 дек. 1790 г. в Измаиле у Сераскира Айдоглу-Мегемета Паши", с другой стороны "Подарен в 1877 г. генерал-адъютантом Светл. Кн. Италийским Гр. Суворовым Рымникским зятю своему поруч. Л.Г.Копного п. С.Козлову". К клинку крепится серебряная шашечная рукоять кавказского типа. Как явствует из надписи, клинок был захвачен в Измаиле, а затем хранился в семье полководца, позднее был переделан под шашечную рукоять. В 1898 г. Козлов в докладе Суворовской комиссии писал об этом клинке: "Особенно ценным воспоминанием о Генералиссимусе служил клинок, взятый Суворовым себе из оружия, доставленного в Измаиле от Сераскира, коменданта крепости. Этот клинок, обделанный в шашку, генерал-адъютантом князем Суворовым, сопровождал его во всех походах и был, затем, подарен им мне в 1877 году, когда я отправлялся в турецкую компанию"⁷. Позднее, в 1901 г., Козлов подарил клинок императору Николаю II, а тот передал ее в Суворовский музей. Вместе с собранием музея шашка также была передана в Артиллерийский Исторический музей и в 1940-41 гг. экспонировалась в Суворовском зале, в 1950 г. возвращена в воссозданный Суворовский музей. Все перечисленные выше подлинные суворовские реликвии в настоящее время помещены в экспозицию музея А.В.Суворова.

Кроме этих четырех предметов, действительно имеющих отношение к Суворову, в собрании фонда оружия ГММ А.В.Суворова хранятся две русские шпаги XVIII века, которые были атрибути-

рованы как принадлежавшие великому полководцу. В разное время они были выставлены в экспозиции Суворовского музея как реликвии генералиссимуса. Однако, при более детальном изучении архивных документов, связанных с этими предметами, можно усомниться в правильности атрибуции этих предметов.

Так, одна из этих шпаг⁸, выставленная в экспозиции в начале 1970-х годов, на самом деле не имеет никакого отношения к великому полководцу. При внимательном изучении документов, в частности описи собрания Суворовского музея 1928 г.⁹, выяснилось, что данный предмет поступил в музей как часть комплекта манекена фузелера Киевского полка, и отнесение этой шпаги к суворовским реликвиям было ошибочным и бесосновательным.

Со второй шпагой¹⁰ связана более интересная история, на которой следует остановиться подробнее.

Шпага эта имеет шестигранный обоюдоострый клинок с узким доломиком, в котором помещена гравированная надпись: с одной стороны клинка "Вивать Екатерина Великая", с другой стороны "Богу Отечеству", и латунный эфес. Легенда именно этой шпаги легла в основу известной книги первого директора восстановленного Суворовского музея В.Н.Грусланова "Шпага Суворова", в которой автор выдал ее за личное оружие полководца. Шпага была передана в музей из театра им. С.М.Кирова в 1949 г., однако, это практически все, что о ней достоверно известно. Неизвестны ни источник ее поступления в театр им. Кирова, ни обстоятельства ее передачи в музей, поскольку акты поступления шпаги в музей отсутствуют, а имеется только запись в книге поступлений. В 1950 г., при создании первой экспозиции во вновь открытом Суворовском музее, эта шпага была помещена в экспозицию, уже как суворовская реликвия. Основанием для этого явилась только книга В.Н.Грусланова. Однако, какие либо документальные свидетельства, подтверждающие версию происхождения шпаги, выдвинутую в книге, отсутствуют. При обращении же к сочинению В.Н.Грусланова обнаруживается ряд деталей, которые ставят под сомнение рассказ автора.

Говоря о происхождении шпаги, В.Н.Грусланов ссылается на рассказ праправнучки полководца (хотя он ее постоянно называет правнучкой) А.С.Агаджановой (урожденной Козловой), делая это, вероятно, для того, чтобы придать своему рассказу более правдоподобный вид и выдать его за семейное предание потомков полководца. По этому рассказу шпага передавалась в семье потомков Суворова из поколения в поколение, как личное оружие генералиссимуса. Пожалована она была ему якобы Екатериной II за отличие Суздальского полка, чьим командиром тогда был полковник

Суворов, на смотре в присутствии императрицы. В 1914 году эта шпага была передана потомками полководца в полковой музей Лейб-Гвардии Семеновского полка по просьбе офицеров, а затем следы шпаги теряются. В.Н.Грусланов пишет, что обнаружил ее в 40-ые годы в Кировском театре.

Однако, отец А.С.Агаджановой, полковник С.В.Козлов, в докладе Суворовской комиссии 5 декабря 1898 г. ни слова не говорит о суворовской шпаге, а из оружия, принадлежавшего Александру Васильевичу, упоминает лишь клинок сабли коменданта Измаила. Мало вероятно, чтобы описывая реликвии полководца, он ни слова не упомянул о шпаге Суворова. Мало вероятно, также, что, подарив государю измайловский клинок, он оставил бы у себя личную шпагу Суворова. Кроме того, располагая Козлов шпагой Суворова, он, скорей всего, передал бы ее в создаваемый Суворовский музей, поскольку туда собирали все вещи, связанные с великим полководцем, а не оставил бы у себя и затем передал бы в музей Лейб-гвардии Семеновского полка. Кроме того, командование Лейб-гвардии Семеновского полка, получив в полковой музей подлинную шпагу Суворова, скорей всего также передало бы ее в Суворовский музей.

Вызывает сомнение и сам факт награждения Суворова шпагой. Смотр Суздальского полка в присутствии Екатерины II, о котором упоминает В.Н.Грусланов произошёл осенью 1763 года. За этот смотр солдаты получили по серебряному рублю, а офицеры «были пожалованы к руке». О награждении Суворова за этот смотр шпагой, не упоминает ни сам полководец, ни какие-либо документы. На самой шпаге не могло бы быть надписи "Виват Екатерина Великая", поскольку подобный эпитет мог появиться только после попытки Сената преподнести Екатерине титул "Великая" в начале 70-х годов.

Поскольку экспонирование музейных предметов, как мемориальных реликвий, только на основе подобных источников пельзя было признать правомочным, в 1952 г., после ухода В.Н.Грусланова из музея, был поднят вопрос о пересмотре основных экспонатов музея. С экспозиции были убраны, как сказано в отчете о работе музея за 1952 г. "ряд сомнительных экспонатов... основанием к экспонированию которых явилась книга Грусланова "Шпага Суворова", являющаяся сборником вымышленных фактов, поданных под видом действительных историй ряда экспонатов музея"¹¹. Следует отметить, что, к сожалению, несмотря на такие недостатки, книга В.Н.Грусланова была несколько раз переиздана без изменений (последний раз в 1990 г.) и весьма широко распространена в библиотеках.

Подводя итог можно сказать, что только первые четыре описанных предмета являются действительно подлинными реликвиями великого полководца, отнесение же к ним какого-либо другого оружия было бы ошибочным.

- 1 Фонд оружия Государственного мемориального музея А.В.Суворова. (далее ФОМС), Инв. № МС 1023.
2 Масловский С.Д. Опись памятникам и предметам во временном помещении Суворовского музея. – СПб., 1901. – С.10.

- 3 ФОМС. Инв. № МС 1025.
4 ФОМС. Инв. № МС 1068.
5 ГММ А.В. Суворова. Отчет о работе музея за 1952 г., Л.7
6 ФОМС. Инв. № МС 1070.
7 РГВИА, Ф. 544, Оп.5, Л. 2а, 78 об. Приношу искреннюю благодарность старшему научному сотруднику музея А.В.Суворова Б.В.Таленко, сообщившему мне эти сведения.
8 ФОМС. Инв. № 1024.
9 Фонд документов и рукописей Государственного мемориального музея А.В. Суворова. Инв. № МС 3148/2-в.
10 ФОМС. Инв. № 1021.
11 ГММ А.В.Суворова. Отчет о работе музея за 1952 г., Л.6.

Карасова О.В.

Государственный мемориальный музей А.В.Суворова.

К вопросу о принадлежности А.В.Суворову шитых звезд орденов Белого Орла и святого Януария.

После Великой Отечественной войны наша страна готовилась отметить 150-летие со дня кончины А.В.Суворова. В 1949 г. Советское правительство принимает решение восстановить Суворовский музей и в связи с этим из Артиллерийского музея была передана часть вещей из "Суворовского собрания", а также предметы из фондов Артиллерийского музея, среди них шитые звезды ордена святого Януария (Королевство обеих Сицилий) и ордена Белого Орла (Польня). В фондах музея находится рукописный альбом бывшего сотрудника Суворовского музея О.Трудникова "Ордена принадлежавшие А.В.Суворову, а также знаки отличия связанные с его деятельностью"¹, альбом был сделан в 1958 г. Рисунки в альбоме выполнены гуашью. Наряду с другими орденами А.В.Суворова, здесь изображены ордена Белого Орла и св. Януария. О.Трудников пишет, что орденом св. Януария А.В.Суворов был награжден в 1799 г. за победы в Италии, а год награждения орденом Белого Орла - неизвестен. В архиве музея есть фотография с экспозиции 1956 г., на которой изображена витрина с наградами А.В.Суворова, среди них находятся шитые звезды св. Януария и Белого Орла. С 1970 по 1974 г. в музее идет работа над новой экспозицией и главный хранитель Г.И.Меерович, который также считал, что А.В.Суворов имел эти награды, помещает их в центральном зале музея вместе с другими орденами и личным оружием полководца. Об этом он писал и в своем историко-краеведческом очерке "Музей А.В.Суворова".

В ходе работы над реконструкцией музея в 1986-1998 гг., возникло сомнение о принадлежности звезд Белого Орла и Св. Януария А.В.Суворову, так как в "Формулярном списке о службе и достоинстве генералиссимуса князя Итальянского графа Суворова-Рымникского" нет и упоминания об этих наградах. Список составлен 31 января 1906 г. в Московском отделении общего архива Главного штаба на основании подлинных формулярных

списков Суворова за 1763, 1783, 1784, 1787, 1788 и 1794 гг. и дополнен сведениями, заключающимися в делах этого архива.

В письме к Д.И.Хвостову от 8 марта 1800 г. Суворов пишет: "Всемиловейший неаполитанский король для меня забыл С(вятого) Януария, как я не входил. А он думал, что не уважу"². Так что сам Александр Васильевич свидетельствует об отсутствии ордена св. Януария среди его наград.

На шитой звезде ордена Белого Орла, представленной в коллекции музея имеется девиз: "PRO FIDE, ET GREGE, LEGE" (за веру, общество и закон), предназначенный для коронованных особ, тогда как на знаках ордена, которыми награждались поданные, слово "GREGE" заменялось на слово "REGE" (король). Таким образом А.В.Суворову не могла принадлежать эта звезда.

Возникает вопрос, кому могли принадлежать эти звезды, особенно шитая звезда Белого Орла с королевским девизом? В карточках научного описания предметов, хранящихся в Военно-Историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, составленными Владимиром Николаевичем Груслановым указано, что шитая звезда ордена Белого Орла поступила в ВИМАИВС в 1937 г., когда фонды Военного Историко-Бытового музея были слиты с фондами Артиллерийского исторического музея, шитая звезда ордена св. Януария с давних пор находилась в Артиллерийском историческом музее. В описях предметов, переданных из Военного Историко-Бытового музея, шитой звезды ордена Белого Орла не значится. А в работе над описями Артиллерийского исторического музея было обнаружено что, номера 1003 и 1021 находящиеся на бумажных ярлыках, выполненные типографским способом и приклеенные на оборотной стороне звезд, соответствуют номерам описи Артиллерийского исторического музея. Архив ВИМАИВС Фонд 22 Артиллерийский исторический музей, опись 111 дело 2 лист 106-107

№1003 "Орден Польского Белого Орла, императора Александра I, состоит из шитой звезды". №1021 лист 109-110 "Орден Королевства обеих Сицилий св. Януария, императора Александра I, состоит из двух шитых звезд разной величины". Предметы по этой описи принадлежали императору Александру I и переданы в 1826 г. из Главного штаба в Достопамятный зал Санкт-Петербургского арсенала, который был переименован в 1868 г. в Артиллерийский музей. В каталоге "Ордена Александра I", составленном Елизаветой Николаевной Шевелевой, говорится об одной шитой звезде ордена св. Януария диаметром 116 мм, а орден Белого Орла представлен крестом, голубой лентой и кованой звездой. Вторая шитая звезда ордена св. Януария и шитая звезда ордена Белого Орла указанные в описи в каталоге отсутствуют, так как были переданы в Суворовский музей.

Император Александр I был награжден орденом Королевства Обеих Сицилий - св. Фердинанда и св. Януария в апреле 1814 г. Людовиком XVIII. Орден святого Януария установлен в 1738 г., по случаю женитьбы короля Карла III. Королевство с 1735 г. принадлежало испанской династии из дома Бурбонов. Континентальной частью королевства с 1805 по 1808 г. владел Иосиф Бонапарт, затем престол достался Иоахиму Мюрату. Вторая часть королевства - по ту сторону Мессинского пролива - осталась за Фердинандом IV. В 1815 г. королевство воссоединилось под властью Бурбонов, отсидевшихся на острове Сицилия.

Хранящаяся в Суворовском музее звезда ордена представляет собой четырехконечный крест, каждый конец которого в виде ласточкина хвоста. Между концами креста изображены королевских лилий. В центре креста изображение святого Януария в епископском одеянии, держащего в руках книгу и два святых сосуда. Снизу изображение обрамлено лентой с девизом: "IN SANGUINE FOEDUS" (союз по крови). Диаметр 92 мм.

Орден Белого Орла установлен в 1705 г. польским королем Фридрихом Августом I.

В 1815 г. император Александр I возложил на себя знаки ордена Белого Орла, так как 3 мая он принял титул короля Польского. Вот как описывает Н.К.Шильдер в труде "Император Александр Первый. Его жизнь и царствование" том 3, вступление императора Александра I на Польскую эмлею: "27-го октября (8-го ноября) император Александр покинул Берлин и через Франкфурт на Одере последовал в Калиш, где в первый раз вступил на территорию созданного им Польского королевства; вместе с тем государь надел там польский мундир, на котором там вместо Андреевской звезды красовался орден Белого Орла. 31-го октября

(12-го ноября) Александр въехал а Варшаву верхом через Мокотовскую заставу, среди польских войск, окруженный сановниками королевства. Возгласы: "Да здравствует Александр, наш король!" раздавались среди народной толпы". И далее: "Государь удостоивал знатнейших поляков посещением присутствовал на многих балах, где старался очаровать всех, носил всегда польский мундир и орден Белого Орла...".

Звезда ордена, находящаяся в фондах музея, представляет собой восьмиконечную звезду, поверхность которой выполнена в виде расходящихся лучей. В центре четырехконечный (пламенеющий) крест с расширяющимися концами. Между концами креста пластины в виде листа. В центре креста изображен цветок. На концах креста надписи: "PRO FIDE, ET GREGE, LEGE" (за веру, общество и закон). Диаметр 90 мм.

Шитые звезды орденов Белого Орла и св. Януария с 1956 г. находились в витрине центрального зала музея. К сожалению, история знает много ошибок, а уж анекдоты и неточности, а порой и грубые ошибки, имеющие отношение к жизни Суворова, тянутся еще с XVIII века. Следует отметить, что в 1999 г., к 200-летию швейцарского похода А.В.Суворова, вышла в свет книга В.А.Золотарева "Генералиссимус А.В.Суворов: Вершины славы", где он повторяет ошибочную версию о награждении А.В.Суворова орденом Белого Орла и датирует награждение 1796 г., а так же о орденом св. Януария, которым он якобы был награжден за Швейцарский поход в 1799 г. И этот случай, лишний раз подтверждает, что надо тщательно изучать материал и не использовать ни в экспозициях, ни в книгах вещи, которые вызывают сомнения и принадлежность которых трудно документально подтвердить.

Источники:

1. Архив ВИАИВС, Ф. 22, о. 111, д. 2, Л. 106-107, 109-110.
2. Коллекция фонда графики Государственного Мемориального музея А.В.Суворова.
3. Суворов А.В. Письма. - М. 1986.

Литература:

1. Золотарев В.А. Генералиссимус А.В.Суворов: Вершины славы. (К 200-летию швейцарского похода А.В.Суворова). - М. 1999.
2. Месрович Г.И. Музей А.В.Суворова. Историко-красоведческий очерк. - Лениздат, 1981.
3. Спасский И.Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. - Л., 1963.
4. Шевелева Е.Н. Ордена Александра I. - СПб, 1993.
5. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. - СПб., 1905. - Т.3, С.350-352.

Сноски:

- 1 Фонд графики Государственного Мемориального музея А.В.Суворова. Инв. № 11630/1-49.
- 2 Суворов А.В. Письма. - М. 1986 г. С.389.

Утраченные реликвии Суворовского музея.

Коллекция Суворовского музея начала создаваться с 1898 г. Основными источниками поступления предметов в музей были дары частных лиц, среди которых значительную часть предметов передали потомки А.В.Суворова, а так же дары государственных организаций, в том числе Новгородского исторического и Санкт-петербургского Артиллерийского музеев. В июне 1900 г. газета «Русский инвалид» сообщила, что в музее имеется 190 предметов, из которых 129 - собственность музея, а 61 - были приняты на временное хранение. А в 1920-х гг. после ликвидации полковых музеев собрание Суворовского музея пополнилось экспонатами и имуществом музеев лейб-гвардии Измайловского полка, лейб-гвардии Саперного батальона, лейб-гвардии Кавалергардского полка, а так же экспонатами Интенданского музея и музеев других полков.

Но уже в августе 1922 г. согласно постановлению Российско-Украинско-Польской Смешанной Специальной комиссии Польше были переданы две польские литавры, взятые при штурме Праги в 1794 г., поступившие в Суворовский музей из СПб Артиллерийского музея и резное изображение Спасителя, из дерева, по преданию, взятое при штурме Праги в 1794 г. Хранилось оно в Сопинской церкви.¹ Хотя сейчас эти предметы могли бы найти достойное место в экспозиции музея в разделе, посвященном Польской кампании А.В.Суворова.

В 1923 г. была проведена проверка Суворовской коллекции, только что возвращенной с Дальнего Востока, с острова Русский, где она находилась в период Гражданской войны. В наличии оказалось около полутора тысяч экспонатов. В 1925 г. было принято решение не открывать Суворовский музей, а его экспонаты передать единому Военному историко-бытовому музею. Суворовский фонд по частям стал вывозиться в бывший арсенал. В 1930 г. часть особо ценных предметов Суворовского фонда, содержащих в себе драгоценные металлы, была навсегда уничтожена. По счету от 8 апреля 1930 г. были изъяты из фондов музея вещи, принадлежавшие семье и родственникам А.В.Суворова. Навсегда были утрачены такие предметы, как черепаховая табакерка, крышка которой была сделана в виде массивного золотого круга с рельефным портретом императрицы Екатерины II. Табакерка была пожалована полководцу самой императрицей. Золотое кольцо А.В.Суворова, золоченая люлька, подаренная А.В.Суворовым дочери Наталье перед рождением внука,

графа Александра Николаевича Зубова. Эти вещи были переданы в музей сестрами Л.А. и В.А.Талызиными². И два золотых медальона внучки А.В.Суворова Елены - дар В.В.Молоствову. До передачи в Суворовский музей они хранились в церкви села Кончаиского³. Так же, по распоряжению военного совета ЛВО, были переданы в металлолом части бронзового памятника А.В.Суворову, стоявшего на Рымникском поле и доставленных в музей в 1917 г., а именно: доска с описанием подвига, доски с надписями кому поставлен памятник, доска с изображением леса, колонны с изображением лавровых листьев и другие части. И только четыре угла с барельефными изображениями были переданы в музей А.В.Суворова в селе Тимановка, но их дальнейшая судьба остается не известной.

А в 1937 г. одно из богатейших собраний военно-исторических фондов в СССР было передано Артиллерийскому историческому музею РККА. Постепенно Суворовский фонд, вошедший в составную часть этого собрания, стал пополняться за счет новых поступлений. Уже к 1944 г. Суворовское собрание насчитывало 4468 единиц. В 1949 г. советское правительство приняло решение восстановить Суворовский музей за счет возвращения суворовской коллекции из Артиллерийского музея, а так же за счет предметов: подарков, газет, брошюр, книг и журналов, поступившие в Артиллерийский исторический музей от различных учреждений и организаций к 150-летию со дня смерти А.В.Суворова. Артиллерийским музеем в музей А.В.Суворова было передано 4609 предметов. Из них 2973 предмета были из фондов старого музея А.В.Суворова, а 1636 - это подарки к 150-летию со дня смерти А.В.Суворова. Таким образом, Артиллерийский исторический музей передал почти на полторы тысячи предметов меньше, чем было в старом Суворовском музее. Но надо отдать должное руководству Артиллерийского музея, что кроме этих предметов музею А.В.Суворова была передана значительная группа экспонатов в количестве 2796 единиц, не принадлежавших старому Суворовскому музею, но по своему содержанию отвечающих суворовской тематике. Передача этих предметов состоялась сначала временно, а затем, согласно разрешению Президента Академии Артиллерийских Наук, переданы на постоянное хранение в январе 1951 г.

В 1950-е гг., в связи с очередным юбилеем со дня смерти А.В.Суворова, в советских республиках возникают музеи А.В.Суворова, а где музеи

уже были, то Суворовские залы, как, например, в Херсонском областном историческом музее. Подобные начинания были поддержаны правительством и ГВИМ А.В.Суворова был вынужден расставаться со своими предметами. И именно в эти музеи музей А.В.Суворова дарит огромное количество предметов, таких как экспонаты старого Суворовского музея и часть экспонатов из предметов, переданных Артиллерийским музеем музею А.В.Суворова сначала на временное, а затем на постоянное хранение.

Так в музей А.В.Суворова в селе Тимановка, Винницкой области в 1955-1957 гг. было выдано 180 предметов, из них 68 предметов старого Суворовского музея. В музей города Очакова были переданы вещи, находившиеся в музее на временном хранении с 1951 г. в количестве 66 единиц. В Херсонский областной исторический музей было отдано 112 предметов, из которых 84 находились до этого на временном хранении в Усть-Лабинском райисполкоме, а в музей города Могилева было передано 168 предметов. Причем, выдавались вовсе не дубликаты, а ценнейшие экспонаты XVIII в. и даже личные вещи, принадлежавшие родственникам А.В.Суворова. Например, в Херсонский областной исторический музей были переданы перчатки, принадлежавшие жене А.В.Суворова, хотя было известно очень мало ее вещей. А балетный офицерский колет лейб-гвардии Конного полка, принадлежавший Александру Аркадьевичу Суворову - внуку А.В.Суворова, был передан в музей города Могилева. Хотя вещи внука А.В.Суворова встречаются чаще, их почти не осталось в фондах музеев Санкт-Петербурга, в котором проходила служба А.А.Суворова. В советское время не поощрялся интерес сотрудников музея к истории рода А.В.Суворова, его семье и потомкам. Это видно из рецензии данной на тематико-экспозиционный план раздела экспозиции «Семья Суворова»: «Вряд ли стоит в музее давать особой темой пелатды Суворова с женой. Да и в каком материале? Какое значение имеет гибель Аркадия Суворова в 1811 г. для изучения деятельности А.В.Суворова как полководца? А ведь это последнее составляет задачу музея».⁴ Отдел агитации и пропаганды Обкома ВКП(б), давая отзыв о первой экспозиции, оказался солидарен с Историческим музеем о нецелесообразности показа семейной жизни полководца: «Неудачная женитьба, замужество дочери и пр. - вряд ли нужно привлекать к этому сугубо интимным вопросам внимание и посвящать этим обстоятельствам целый раздел».⁵ Исходя из этого вещи жены А.В.Суворова и внука отдавались другим музеям. Сейчас практически не сохранилось вещей, о которых можно было бы сказать, что они на сто

процентов принадлежали А.В.Суворову и его родственникам. Поэтому передача личных вещей родственников А.В.Суворова и его потомков в другие музеи является опрометчивым поступком.

Во многие музеи было отдано большое количество турецких трофейных знамен. Только в один музей в селе Тимановка было отдано 15 знамен. Знамена представляют собой большой интерес, так как их осталось мало и почти все они в плохой сохранности, непригодной для экспонирования. Тем более, что турецкие знамена - это хороший материал для изучения.

Больше всего предметов ушло в музей Суворова в селе Тимановка. Именно туда были переданы картины и гравюры из собрания полковых музеев, например, «Портрет графа М.А.Милорадовича», вторая четверть XIX в. (копия с Доу), принадлежавший музею лейб-гвардии Измайловского полка и литография по рисунку Сокольского с изображением знамен Гренадерского и Сибирского пехотного полков 1763 г., принадлежавшая музею лейб-гвардии Гренадерского полка. Туда же были переданы редчайшие документы XVIII в., такие как, паспорт на отпуск на излечение, выданный солдату Федору Мамонтову лейб-гвардии Измайловского полка командиром полка с сургучной полковой печатью, из собрания музея лейб-гвардии Измайловского полка, а так же указ императрицы Екатерины II о пожаловании в полковники Матвея Дмитриевича Мамонова 1763 года из собрания Военного музейного фонда.

Наибольшее количество предметов музея А.В.Суворова было выдано в музеи советских республик из фондов обмундирования и снаряжения и оружия. Причем исторически целые комплекты обмундирования дробились. В один музей отдавались панталоны, в другой - жилет, а в фондах музея А.В.Суворова оставался кивер от этого комплекта. Комплекты обмундирования получились разбросаны по разным музеям, особенно много было передано предметов в Херсонский областной исторический музей, музей Суворова в селе Тимановка, в музей города Очакова и во Львовский исторический музей. Основная часть этих предметов ранее находилась в коллекции старого Суворовского музея. Это был очень необдуманный поступок. И в результате, получилось так, что работая над крупными выставками сложно создать полный комплект обмундирования, чего-то постоянно не хватает. Но от этого потерял не только музей А.В.Суворова, но и другие музеи. Они то же не смогут выставить полный комплект обмундирования, а это всегда интереснее, чем показывать его по частям.

Что касается оружия, то были переданы очень редкие трофейные предметы. Например, в музей

в селе Тимановка были переданы ствол пушки польской 1789 г., полупудовый единорог 1809 г., который был единственный в фонде, кинжал черкесский XVIII в. К сожалению, восточных клинков, в частности, кинжалов практически нет, а то, что есть, было получено от Кировского театра в 1980 г. в плохой сохранности. Очень жаль, что были отданы трофеи: штыки и палаши прусские XVIII в. В фонде осталось очень мало экспонатов периода Семилетней войны. Когда из Артиллерийского музея поступило оружие, то создалось обманчивое впечатление, что его очень много. Поэтому оружие в большом количестве раздавали в другие музеи. А получилось так, что теперь нарушена коллекция русского стрелового оружия. Для нас утрачены редкие и особо ценные экспонаты русского и иностранного оружия. Так, в музей города Очакова был передан египетский ятаган в пожнях, аналогов которого в фонде оружия музея А.В.Суворова не осталось. Туда же были отданы такие интересные и ценные предметы, как шашки и сабли «За храбрость». То, что подобные раритеты были розданы становится еще более странным, если учесть, что до 1990 г. музей был не мемориальным, а военно-историческим, то есть занимался проблемами военной истории не только XVIII - начала XIX в., но и других периодов. А так как в свете последних событий все эти музеи оказались за границей, то стало проблематичным изучение этих предметов для российских ученых и невозможен показ их для широкой публики.

Можно предположить, что в связи с националистической политикой в бывших советских республиках музеи или Суворовские залы могли быть

закрыты и тогда мы уже не увидим этих редких предметов.

Подводя итог, можно сделать вывод, что из почти семи с половиной тысяч (7582) предметов, переданных в музей А.В.Суворова Артиллерийским историческим музеем, за короткий срок было отдано на постоянное хранение в музеи бывших советских республик почти 500 предметов, которые, безусловно, нашли бы достойное место в экспозиции музея и многочисленных выставках, организуемых ГММ А.В.Суворова.

Список используемых источников и литературы:

1. Акты приема передачи предметов из ВИМАИВ и ВС музею А.В.Суворова. 1950. Д. № 9/1.
2. Акты передачи и списания предметов основного фонда. 1950 - 1983. Д. № 10/1.
3. Акты выдачи предметов на временное хранение. 1951 - 1954. Д. № 12/1.
4. Архив ГММ А.В.Суворова. 1950. Д. № 10.
5. Коллекция фонда документов и рукописей ГММ А.В.Суворова. Инв. № 3148/2-в.
6. Опись памятников и предметов во временном помещении Суворовского музея при Николаевской Академии Генерального Штаба. СПб., 1901.
7. Воробьев Т.И. Краткий путеводитель по Суворовскому залу. М.-Л., 1941.
8. Воробьев Т.И. Проект тематического плана экспозиции восстанавливаемого музея А.В.Суворова в Ленинграде. Л., 1950.
9. Кузьмин А., Рогулин П. Суворовский музей 1904 - 1999. Краткий путеводитель. СПб., 1999.
10. Меерович Г.И. Музей Суворова. Л., 1981.

- 1 Опись памятников и предметов во временном помещении Суворовского музея при Николаевской Академии Генерального Штаба. СПб., 1901. № 44. С.22; № 45. С.22; Ф. Документов и рукописей ГММ А.В.Суворова. Инв. № 3448/2-в. Л.1.
- 2 Опись памятников и предметов... № 12. С. 11-12, № 14. С.12, № 16. С.13.
- 3 Там же. № 37. С.19.
- 4 Архив ГММ А.В.Суворова. 1950. Д. № 10. ЛЛ. 83 - 91.
- 5 Там же. Л. 14.

Иванова И.Ю.

Государственный мемориальный музей А.В.Суворова.

Суворовская Кончанская церковь и ее перенос в Санкт-Петербург.

В XVIII веке село Кончанское и окрестные деревни входили в вотчину Василия Ивановича Суворова. А в 1780 году имение перешло во владение его сына Александра. В ноябре 1785 года Александр Васильевич обратился к митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому Гавриилу с прошением об устройстве домового церкви. Но Суворов не стал дожидаться решения Боровичского духовного правления, и начал строить церковь рядом с домом.

Церковь находилась в 64 саженьях от дома, в саду. По некоторым сведениям она была окончена в 1787 году. Церковь весьма скромных размеров (могла вместить не более 300 человек). Особой, то есть отдельно стоящей колокольни Суворов не выстроил. 4 небольшие колокола находились под отдельным навесом,

за чертою храма.

Священник Кончанской церкви, живший в отдельном доме, получал за исполнение треб 50 рублей ежегодно. Затем, к прежде получаемому годовому жалованию Суворов прибавил еще 40 рублей. Кроме того, Суворов ежегодно давал по 100 рублей на нужды храма.

При Александро-Невском храме был хор из 4-х взрослых певчих и 5-и певчих-мальчиков. Из взрослых, в год смерти генералиссимуса, один получал 8 рублей жалования, остальные - по 10 рублей. На мальчиков тратилось по 4 рубля ежегодно¹. В церкви имелся полный комплект богослужебных книг (печати 1784-1799 г.)

В 1796 году первого священника суворовской церк-

ви о.Силу Тимофеева сменил о.Феофан Кузьмин (скончался 4 января 1800 года). Затем, в Кончанской церкви остались только дьячок Антон Григорьев и пономарь Семен Александров. Население же села Кончанского числилось в Сопинском приходе.

Затем у Суворова зародилась мысль выстроить в своей новгородской вотчине новый каменный дом и храм. 8 марта 1800 года он пишет об этом Д.И.Хвостову. Но смерть помешала Суворову воплотить в жизнь это благое намерение.

После смерти Суворова церковь была заброшена. И только 15 августа 1830 года внук ее основателя, тогда флигель-адъютант штаб-ротмистр князь Александр Аркадьевич Суворов обратился к новгородскому епархиальному начальству с прошением о разрешении произвести ремонт наружных частей Кончанского храма. Состояние церкви в это время в прошении описано так: «Церковь здания деревянного, внутри церковного утварью и всеми вещами исправна и в стенах совершенно тверда, а с наружной стороны крыша обветшала...». Далее в прошении говорится: «Ныне я желаю оную церковь покрыть и обить стены новым тесом...»². 29 августа преосвященный Тимофей разрешил произвести обновление церкви. К работам приступили в том же году. Прежде всего, под церковь подвели кирпичный фундамент. Полусгнившие косяки и рамы заменили на новые. Так же была отремонтирована крыша, перебраны половицы, а все храмовое здание обито тесом. В 1840 году, с разрешения епископа старорусского Феодосия, был заменен ветхий антиминс.

Второй ремонт храма Александра Невского происходит в 1841-1843 гг. В результате этого ремонта, первоначально маленькая, простая по архитектуре церковь внешне сильно изменилась. Подняли среднюю часть храма. Четырех- и двухскатную крышу заменил купол. Теперь появилась возможность, разобрав низкий потолок устроить высокий иконостас. До этого в старом иконостасе было только 3 ряда икон, затем к ним прибавили еще 2 ряда. Все сооружение было увенчано позолоченным крестом. Царские врата заменили новыми, а прежние вынесли в притвор. Над престолом устроили сень. Для украшения церкви были присоединены портики с колоннами. И, наконец, выстроена колокольня, которой до этого времени, как было сказано выше, у Кончанского храма не было.

Перестройки исказили внешний вид Суворовской церкви, но была возможность восстановить архитектурные линии старого храма, удалив пристройки более позднего времени. В начале века в Академии Художеств был найден первоначальный план Кончанского храма до его перестройки внуком Суворова.

2 марта 1898 года в преддверии столетнего юбилея кончины Суворова правительство приняло реше-

ние учредить при Генеральном штабе комиссию по увековечению памяти полководца. Для этой же цели был объявлен сбор средств по добровольной подписке. В состав комиссии, которая стала именоваться «Суворовской», вошли видные деятели конца XIX века. Среди них были основатель «Общества ревнителей военных знаний» Евгений Михайлович Библиков, военный историк Александр Захарьевич Мышлаевский, военный инженер Войтех Карлович Фалевич и другие.

Ко дню суворовских торжеств было решено перевезти в Петербург церковь из села Кончанского, в которой молился великий полководец, и где он читал и пел на клиросе. Начальник Николаевской Академии Генерального штаба генерал-лейтенант Сухотин обратился в Святейший Синод с просьбой о передаче в ведение Академии деревянной суворовской церкви и находящихся в ней предметов. Синод рассмотрел ходатайство и разрешил передать церковь в ведение Академии с разборкой и перевозкой ее в Санкт-Петербург на средства военного ведомства. Суворовская церковь была перенесена «согласно желанию владельца заповедного имения» - дворянина Владимира Владимировича Молодцова³. Более того, церковь передавалась со всеми хранившимися в ней реликвиями-наградами полководца, его подзорной трубой, генеральским плюмажем и даже первой надгробной плитой, установленной на могиле Суворова в день похорон 12 мая 1800 года⁴. Здание церкви передавалось безвозмездно, безо всяких условий, в качестве дара.

Департамент железнодорожных дел по такому случаю постановил: «С 15 марта 1900 года, впредь до окончания перевозки, деревянная церковь села Кончанского ... будет перевезена по Николаевской железной дороге, от станции Боровичи до станции Санкт-Петербург, бесплатно...»⁵.

В селе Кончанском церковь была разобрана за 3 дня. При разборке бревна были помечены краской разных цветов для облегчения сборки на новом месте. К железной дороге разобранная церковь была доставлена на 330 подводах, а в Петербург прибыла 22 марта. Журнал «Иллюстрация» за 1900 год сообщал: «Во двор вокзала для перевозки церкви было собрано 50 подвод, которым пришлось работать почти весь день. Разобранные части церкви вынимались из вагонов в строгом порядке и с большой осторожностью, что дало возможность перевезти их в целости. На Преображенском плацу весь день происходил прием и размещение привозимых с вокзала предметов. На месте, предназначенном для сборки церкви, огороженном забором, был устроен бревенчатый фундамент. На плацу были собраны только части церкви, все же остальные суворовские реликвии были отправлены для хранения, частью в Николаевскую ака-

демию генерального штаба, частью в помещение 1-й артиллерийской бригады, где происходила сборка иконостаса»⁶.

23 марта на месте установки церкви было совершено богослужение с провозглашением вечной памяти покойному фельдмаршалу. По окончании молебствия духовенство окропило начатые работы и место святой водою.

Церковь была установлена на Преображенском плацу (на углу Суворовского проспекта и Таврической улицы), алтарем к Таврической улице.

3 мая 1900 года протопресвитер армии и флота А.А.Желобовский и протоиерей Иоанн Сергиев (Кронштадтский) в сослужении с местными приходскими священниками совершили чин освящения. После обедни о. Иоанн раздавал присутствующим крестики из остатков дерева от суворовской церкви⁷. До наших дней дошло несколько десятков экземпляров. При разборке храма остались обрезки старого дерева, из которых ефрейтор Л.-Гв. Саперного батальона Лукин создал модель Суворовской церкви и пожертвовал ее музею.

5 мая в 2 часа дня (час кончины Суворова) в церкви была отслужена панихида. С этого времени богослужения в суворовской церкви стали регулярно совершаться в воскресные и праздничные дни. Этот маленький храм стал местом паломничества русского народа.

Восстановленная церковь Суворова первоначально не пуждалась абсолютно во всем, так как привезенная из села Кончанского утварь должна была стать предметом хранения, а не поклонения. Святейший Синод безвозмездно отпустил круг новых богослужебных книг. Северное Стеклово-Промышленное общество так же бесплатно поставило 6 стекол на местные иконы.⁸ Поступали и другие пожертвования. И еще несколько интересных фактов из истории этой церкви. Последним протопресвитером армии и флота был известный церковный деятель о. Георгий Шавельский. Это очень высокий пост возможный для белого духовенства. В военном мире этот чин можно приравнивать к генерал - лейтенанту, а в духовном - кархиерископу. Настоятелем Суворовской церкви при Николаевской военной академии он служил после окончания Духовной академии.⁹ Старостой церкви в 1917 году был бывший военный министр Алексей Николаевич Куропаткин. Он обходил прихожан с блюдом для сбора пожертвований, в ките ле без погон, но с двумя георгиевскими крестами¹⁰.

После революции суворовская церковь разделила судьбу многих храмов России. В 1925 году в «Красной газете» сообщалось: «Комиссия Главнауки признала церковь лишенной значения архитектурно-художественного памятника. В непродолжительное время будет приступлено к ее разборке. Каменный

футляр церкви предполагается использовать для устройства читальни»¹¹. 6 июля в той же газете было напечатано: «На днях на Преображенском плацу закончена разборка деревянной церкви, перенесенной в конце прошлого столетия из села Кончанского, Новгородской губернии, где она была построена фельдмаршалом Суворовым»¹². Позже был разрушен и каменный футляр, в котором заключалась церковь.

Список использованных источников и литературы.

1. Суворов в слове пастырей русской церкви. - СПб., 1900.
2. Ломан Ю.Д. Воспоминания крестника императрицы: Автобиографические записки. - СПб., 1994.
3. Алексеев В.А. К истории Суворовской Кончанской церкви // Общественные рецензенты военных знаний. 1911. Кн. 4.
4. Варшавский военный журнал. 1904. № 6.
5. Русский инвалид. 1903. № 253.
6. Сельский вестник. 1900. № 18.
7. Строитель. 1900. № 5-6.
8. Иллюстрация. 1900. № 68.
9. Красная газета (вечерний выпуск) 1925. № 130. (29 мая)
10. Красная газета (вечерний выпуск) 1925. № 166. (6 июля)
11. Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 20. (далее-ВВМД)
12. ВВМД 1911. № 1.
13. ВВМД 1911. № 30-31.
14. ВВМД 1912. № 20.
15. Антонов В.В., Кобак А.В. Святцы Санкт-Петербурга: Историко-церковная энциклопедия в трех томах. - СПб.: Издательство Чернышева, 1994. - Т.1-3.
16. Культурные здания Санкт-Петербурга: Указатель русской литературы 1717-1917 гг. - СПб., 1996. - Вып. 2. (ПНБ)
17. Павлов А.П. Храмы Санкт-Петербурга: Художественно-исторический очерк. - СПб.: Лениздат, 1995.
18. Храмы Петербурга: Справочник-путеводитель/авт. сост. А.В. Берта, Е.И. Жерихина, М.Г. Талалай. - СПб., 1992. - 240с.
19. Христологическое восточное. Православная традиция Русской Армии: Российский военный сборник. - М., 1997. - Вып. 12.
20. Источниковедческое изучение памятников письменной культуры в собраниях и архивах ГПБ. История России XIX-XX веков: Сборник научных трудов. - Л., 1991. - (ГПБ)
21. Шавельский Г.И. Суворовская-Кончанская, что при Николаевской академии Генерального штаба, церковь (1786-1906) - СПб., 1906.
22. Жерихина Е.И., Яранцев В.Н. Военские и мемориальные храмы Санкт-Петербурга // Новый часовой. 1999. № 8-9.

1 Алексеев В.А. Донесение дворцового Н.Я.Рославца Д.И.Хвостову // Варшавский военный журнал. - 1904. - № 6. - С.459.

2 Сельский вестник. - 1900. - № 18. - С. 330.

3 Фонд документов и рукописей Государственного мемориального музея А.В. Суворова. - (далее - ФДРМС). Инв. № МС 2437. - Л.2.

4 Шавельский Г.И. Суворовская-Кончанская, что при Николаевской академии Генерального штаба, церковь (1786-1906). - СПб., 1906. - С.26-28.

5 ФДРМС. Инв. № МС 2455. - Л.26.

6 Иллюстрация. - 1900. - № 68. - С.16.

7 Суворов в слове пастырей русской церкви. - СПб., 1900. - С. 7-10.

8 ФДРМС. Инв. № МС 2389. - Л.26.

9 Георгиева Л.С. Письма священника Г.И. Шавельского // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры в собраниях и архивах ГПБ. История России XIX-XX веков: Сборник научных трудов. - Л., 1991. - С.117.

10 Ломан Ю.Д. Воспоминания крестника императрицы: Автобиографические записки. - СПб., - 1994. - С.79.

11 Красная газета (вечерний выпуск). 1925. № 130. (29 мая) С.3.

12 Там же. 1925. № 166. (6 июля) С.3.

Иллюстрации к докладу Благодатских И.М.
«А.В.Суворов в исторической памяти Приднестровья».

**Иллюстрации к докладу Благодатских И.М.
«А.В.Суворов в исторической памяти Приднестровья».**

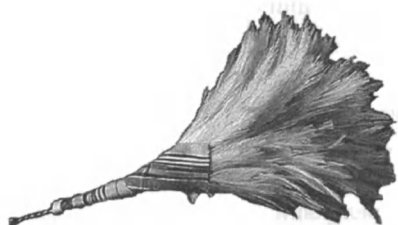
**Иллюстрации к докладу Карасовой О.В.
«К вопросу о принадлежности А.В.Суворову
шитых звезд орденов Белого Орла и святого Януария».**

Иллюстрации к докладу Лазарева С.А.
«Образ А.В.Суворова в символике нарукравных знаков
Российской армии»

**Иллюстрации к докладу Белова А.М.
«Плюмаж к шляпе А.В.Суворова.
Происхождение и атрибуция».**

**Иллюстрации к докладу Игнатъевой Т.Н.
«Иллюстрации к первому
прижизненному изданию биографии А.В.Суворова».**

СОДЕРЖАНИЕ:

Селезнев Г.Н., Яковлев В.А. Приветствия участникам конференции	3
Кузьмин А.И. Вступительное слово	5
Литке Ф.Н. Некоторые актуальные направления изучения суворовского наследия	6
Зелов Н.С. Коллекционер суворовских реликвий	10
Рогулин Н.Г. Спорные вопросы биографии А.В.Суворова (1729-1769 гг.)	11
Егорев А.Ю. Уточнение роли А.В.Суворова в пленении Е.Пугачева	17
Цамутали А.Н. Н.А.Орлов и его труды о А.В.Суворове	21
Благодатских И.М. А.В.Суворов в исторической памяти Приднестровья	23
Скалецкая О.Ю. Деятельность русской гражданской администрации в период русско-турецких войн конца XVIII в. (экономический аспект)	28
Кирьякова Е.П. Роль А.В.Суворова в укреплении южных границ России в конце XVIII века	32
Травин В.И. Под началом Суворова	35
Мигаев Н.В. Последователи А.В.Суворова на юге России	36
Абрамов А.Г. Казаки в Итало-Швейцарском походе 1799 г.	41
Лукирский А.Н. Трофей сражения при Треббии: знамена 17 полубригады	45
Островский О.С. Военачальники французской республиканской армии в оценках и отзывах Суворова	47
Чернявский С.В. Корабли Российского флота, названные именем Суворова	49
Игнатьева Т.Н. Иллюстрации к первому прижизненному изданию биографии А.В.Суворова	52

Ханча А.И.	
Образ Суворова в годы Великой Отечественной войны	55
Попова М.С.	
Изображения А.В. Суворова на предметах декоративно-прикладного искусства 1950-х годов из собрания музея	56
Лазарев С.А.	
Образ А.В.Суворова в символике нарукавных знаков Российской армии	59
Слугин Б.Г.	
Открытие памятника генералиссимусу А.В. Суворову в Очакове 1 октября 1907 г.	60
Васильева Г.И.	
История создания музея А.В.Суворова в селе Кончанском	64
Киммельман М.М.	
Суворов и Петербург: проблема взаимовлияния	65
Нарбут А.Н.	
О потомках А.В.Суворова	68
Исмагулова Т.Д.	
Графиня Наталья Александровна Зубова, “Суворочка”, и ее потомки	69
Богданов А.Б.	
Обстоятельства гибели Аркадия Суворова – сына полководца	76
Галенко Б.В.	
Статус генералиссимуса в России	79
Козюренко К.Л.	
Прижизненный памятник: эпизод из отношений Павла I и А.В.Суворова, 1799 – 1801 гг.	83
Антонова Н.А.	
Участие семьи Романовых в создании музея Суворова	85
Белов А.М.	
Плюмаж к шляпе А.В.Суворова. Происхождение и атрибуция	87
Евтеев К.С.	
Личное оружие А.В. Суворова в собрании ГММ А.В.Суворова. Действительность и легенды	89
Карасова О.В.	
К вопросу о принадлежности А.В.Суворову шитых звезд орденов Белого Орла и святого Януария	91
Сотчихина О.В.	
Утраченные реликвии Суворовского музея	93
Иванова И.Ю.	
Суворовская Кончанская церковь и ее перенос в Санкт-Петербург	95
Иллюстрации к докладдам	98

Издание подготовили:

Антонова Н.А.

Галенко Б.В.

Максименко Ю.М.

Рогулин Н.Г.

Издательство «Серебряные ряды»

(с) 2000 Авторы статей

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЕРЕБРЯНЫЕ РЯДЫ